

НОВАЯ РЕДАКЦИЯ

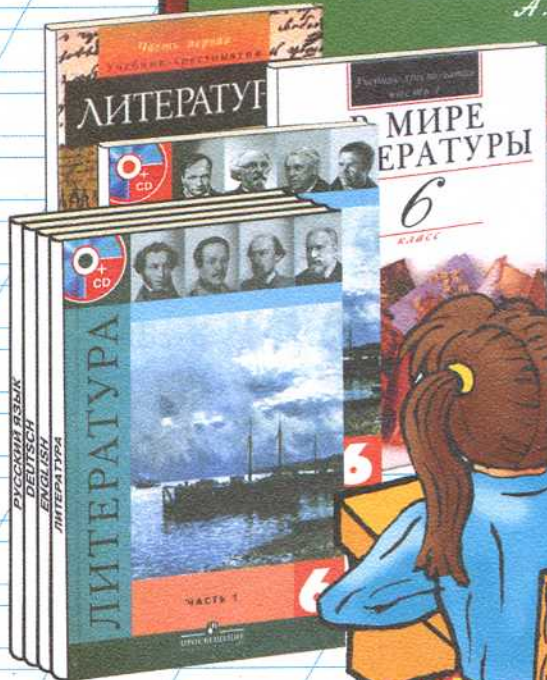
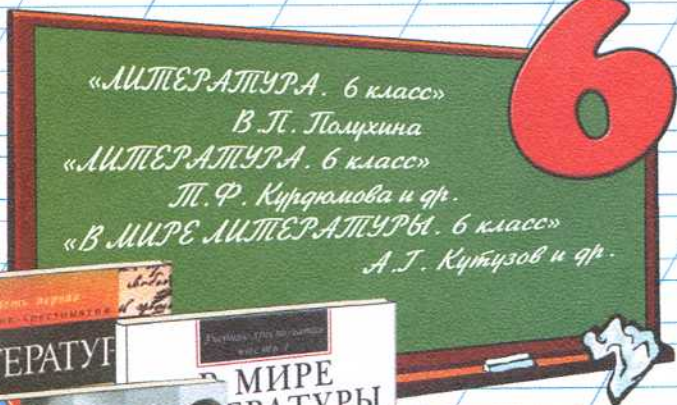

ТОЛЬКО ДЛЯ
РОДИТЕЛЕЙ

Серия
РЕШЕБНИК

ДОКЛАДЫ ПО ЛИТЕРАТУРЕ

ПЕРЕРАБОТАННОЕ И ИСПРАВЛЕННОЕ

М.Б. Ганженко

ДОКЛАДЫ ПО ЛИТЕРАТУРЕ 6 КЛАСС

*Издание второе,
переработанное и исправленное*

**Издательство
«ЭКЗАМЕН»**

**МОСКВА
2013**

УДК 372:8:82.(075.3)

ББК 83я721

Г19

Ганженко, М.Б.

Г19 Доклады по литературе. 6 класс / М.Б. Ганженко. — 2-е изд., перераб. и испр. — М.: Издательство «Экзамен», 2013. — 287 [1] с. (Серия «Решебник»)

ISBN 978-5-377-05189-3

В пособии содержится подробный, ориентированный на возрастные особенности шестиклассников материал, предназначенный для подготовки докладов, рефератов, сообщений по литературе.

Содержание пособия соответствует федеральному государственному образовательному стандарту по литературе.

Книгу можно использовать при работе по любому из действующих учебников.

УДК 372:8:82.(075.3)

ББК 83я721

Формат 84х108/32. Гарнитура «Таймс».

Бумага типографская. Уч.-изд. л. 12,34. Усл. печ. л. 15,12.

Тираж 150 000 (2-й завод – 7000) экз. Заказ № 12326.

ISBN 978-5-377-05189-3

© Ганженко М.Б., 2013

© Издательство «ЭКЗАМЕН», 2013

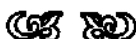
Содержание

УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО	6
Жемчужины мудрости народной	6
Частушки – один из популярных жанров фольклора	11
Былины. К истории жанра	14
Былина «Садко» – одна из древнейших русских былин	18
Цветы в древних сказаниях и легендах	21
ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА	26
Жанровое многообразие древнерусской литературы	
Особенности жанра жития	26
Древнерусские летописи. К истории жанра	29
«Житие Александра Невского» – великий памятник литературы Древней Руси	33
Нестор – автор памятника древнерусской литературы	
«Повесть временных лет»	37
Летописец Епифаний Премудрый	41
ЛИТЕРАТУРА XVIII ВЕКА	45
ИВАН ИВАНОВИЧ ХЕМНИЦЕР	45
Страницы жизни	45
К истории развития басенного жанра в России	49
Общечеловеческий смысл басен И.И. Хемницера	54
ЛИТЕРАТУРА XIX ВЕКА	58
ИВАН АНДРЕЕВИЧ КРЫЛОВ	58
Басня И.А. Крылова «Лжец»	58
Басня И.А. Крылова «Листы и Корни» как выражение своеобразия художественной манеры великого баснописца	62
ВАСИЛИЙ АНДРЕЕВИЧ ЖУКОВСКИЙ	66
Штрихи к портрету В.А. Жуковского	66
«И милость к падшим призывал...». В.А. Жуковский и декабристы	70
«Певец во стане русских воинов». Поэт В.А. Жуковский на войне 1812 года	73
В.А. Жуковский – наставник наследника русского престола	77
АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН	82
Как учился А.С. Пушкин	82
Наставники А.С. Пушкина в годы учебы в Царскосельском лицее	86

Два портрета А.С. Пушкина	91
«Друзья мои, прекрасен наш союз...». А.С. Пушкин	96
Прекрасная сказочница (о няне А.С. Пушкина Арине Родионовне)	101
МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ ЛЕРМОНТОВ	105
Памятники М.Ю. Лермонтову	105
М.Ю. Лермонтов – художник	109
«Лермонтовский отряд»	112
Трагедия у Перкальской горы. Дуэль Лермонтова и Мартынова	116
Род Лермонтова	119
Семейная драма М.Ю. Лермонтова	123
НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ГОГОЛЬ	127
Памятные места Москвы, связанные с Н.В. Гоголем	127
«Я должен до последней минуты своей работать» (Н.В. Гоголь)	130
Друзья Н.В. Гоголя	134
Бессмертие гения	139
«Москва моя родина» (Н.В. Гоголь). Москва в жизни писателя	143
Штрихи к портрету Н.В. Гоголя	146
Н.В. Гоголь и А.С. Пушкин. Роль Пушкина в творческой судьбе Гоголя	151
СЕРГЕЙ ТИМОФЕЕВИЧ АКСАКОВ -	155
«проникновенный поэт русской природы»	155
Стихотворения С.Т. Аксакова	160
Духовные истоки личности С.Т. Аксакова	165
Семья – «основа всего доброго на земле» (К.С. Аксаков) Семья Аксаковых	168
НИКОЛАЙ СЕМЕНОВИЧ ЛЕСКОВ	174
Н.С. Лесков. Становление человека и писателя	174
КОНСТАНТИН МИХАЙЛОВИЧ СТАНЮКОВИЧ	178
Необычная судьба писателя	178
ЛИТЕРАТУРА XX века	182
МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ ЗОЩЕНКО	182
Судьба Михаила Зощенко	182
Особенности языка рассказа М. Зощенко «История болезни»	187
Смешные повороты сюжета (рассказ М. Зощенко «История болезни»)	191

АНДРЕЙ ПЛАТОНОВИЧ ПЛАТОНОВ	196
«Все начинается с детства».....	196
«Я служил и служу делу защиты нашего общего отчего дома...»	
Писатель А. Платонов на войне	199
Нравственный смысл рассказа А. Платонова	
«Цветок на земле».....	204
МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ ПРИШВИН	207
М.М. Пришвин. Истоки жизни.....	207
О своеобразии жанра произведения М.М. Пришвина	
«Кладовая солнца».....	211
М.М. Пришвин – фотограф.....	215
ЮРИЙ МАРКОВИЧ НАГИБИН	218
Все мы родом из детства	218
«Слово о русской литературе» Ю.М. Нагибина	222
«Охотничьи рассказы» Ю.М. Нагибина	227
ВИКТОР ПЕТРОВИЧ АСТАФЬЕВ	231
В.П. Астафьев. Личность и судьба.....	231
«Заветная книга» В.П. Астафьева «Последний поклон»	
и рассказ «Фотография, на которой меня нет»	235
Образ учителя в рассказе В.П. Астафьева	
«Фотография, на которой меня нет»	241
ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА	245
АЛЕКСАНДР ДЮМА-ОТЕЦ	245
Неизвестный Дюма	245
Александр Дюма и Россия	249
«Революция – его профессия. Борьба за народное	
освобождение – его конек» (Шарль Гюго).....	255
Знаменитая трилогия А. Дюма о трех мушкетерах	260
АРТУР КОНАН ДОЙЛ	265
Артур Конан Дойл и его биографы	265
Штрихи к портрету сэра Артура Конан Дойла	270
«Истинный Конан Дойл». Адриан Конан Дойл – о своем	
отце	273
Как создавались рассказы о Шерлоке Холмсе	279
Литература.....	284

УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Жемчужины мудрости народной

Мы не знаем, кто сочинил пословицы и поговорки, не знаем и точного времени их появления. Они возникли тогда, когда еще не было письменности, и они передавались из уст в уста. В них очень лаконично и образно выражена народная мудрость — неслучайно их называют «жемчужинами народной мысли». Каждый народ имел свои пословицы и поговорки, в которых отразился накопленный столетиями народный опыт, особенности его быта, истории, национального характера.

Пословицы и поговорки — это жанры устного народного творчества (их еще называют «малыми жанрами»). Как считают ученые, пословицы и поговорки возникли еще в первобытном обществе.

Пословицы и поговорки на Руси создавались и собирались очень давно. Русский царь Петр I ценил пословицы и поговорки за их мудрость, краткость, образность. Известен рукописный свиток с пословицами, принадлежавший Петру I, — в нем содержится более тысячи изречений. Сейчас он хранится в библиотеке Российской академии наук.

Первые печатные сборники пословиц появились в России во второй половине XVIII века. К самым известным из них ученые относят «Русские пословицы, собранные Ипполитом Богдановичем» (изданы в 1785 году), «Собрание 4291 древних российских пословиц» (1787 г.), «Полное собрание русских пословиц и поговорок, расположенное по азбучному порядку» (1822 г.). Последний сборник вышел под псевдонимом Д.К., за которым

скрывался Дмитрий Максимович Княжевич – русский писатель, ученый, попечитель Одесского учебного округа.

Говоря о пословицах и поговорках, нельзя не сказать хотя бы коротко о человеке, благодаря которому до нас дошли многие русские пословицы и поговорки. Это Владимир Иванович Даль (он родился в 1801-м, а умер в 1872 году). В.И. Даль, друг А.С. Пушкина, писатель-прозаик, поэт, драматург, лексикограф, собиратель загадок, пословиц, поговорок. Он всемирно известен как автор «Толкового словаря живого великорусского языка» — главного дела своей жизни. За этот словарь, которым пользуемся и мы в XXI веке, ему была присуждена Ломоносовская премия. Другое дело его жизни – это собрание русского фольклора малых жанров – пословиц, поговорок, загадок. Кроме этого он создал зоологический музей, собирал коллекции местной флоры и фауны, опубликовал статьи по медицине. В 1838 году его избирают членом-корреспондентом Академии наук по отделению естественных наук. А в 1853 году В.И. Даль представляет в Академию наук сборник «Пословицы русского народа», сборник уникальный, вобравший в себя более 30 тысяч пословиц, поговорок, загадок, прибауток русского народа (для сравнения: в «Полное собрание русских пословиц и поговорок» Д.М. Княжевича вошло чуть более 5000 пословиц). «... Мы должны согласиться, – писал В.И. Даль, – что она (пословица. – М.Г.) не сочиняется, вынуждается силою обстоятельств, как крик или возглас, невольно сорвавшийся с души; это целые изречения, сбитые в один ком, в одно междометие».

До революции в России вышло 387 печатных изданий пословиц. В последние 10-летия XX века в нашей стране было издано еще больше сборников пословиц и поговорок.

«Пословица – жанр фольклора, распространенное в повседневной речи краткое, ритмически организованное изречение, интересное не только смыслом, который непосредственно в нем выражен, но и смыслом, который возникает от применения по сходству к самым разным ситуациям и положениям». Например, пословица «Нет дыму без огня» (см. Литература. справочные ма-

териалы М., 1988). Все имеет свои причины, если, к примеру, начинают распространяться какие-то слухи, то это делается неспроста, для этого есть свои основания. Очень хорошо сказал о пословице великий русский литературный критик XIX века В.Г. Белинский: пословица – «ходячая, житейская, практическая философия народа».

Пословицы чаще всего имеют двойкий смысл – прямой и переносный. В. Даль называл пословицу «маленькой притчей». В ней конкретное явление приобретает обобщающий смысл, конкретный факт получает обобщающее значение. Обычно пословица состоит из одного предложения. Синтаксически она всегда двучленна, как правило, во второй ее части содержится мораль. Например: Волков бояться – в лес не ходить. Бояться несчастья – и счастья не видать. Страна обойдется без нас, а мы без нее – никогда и др.

Поучительный смысл пословицы, как правило, выражается повелительными формами глагола. Например: «Век живи – век учись», «Знай граммам цену, секундам счет» и др.

Поговорка, в отличие от пословицы, не имеет нравоучительного смысла, нет законченного суждения: она лишь часть его. Это всегда меткий, краткий и выразительный образ, часть суждения (например: убить двух зайцев, работать спустя рукава и др.). Поговорки часто являются средством речевой характеристики литературного персонажа в литературном произведении.

Пословицы и поговорки разных народов используются и в обычной жизни, и на страницах художественных произведений. Так, русские писатели очень ценили пословицы и поговорки. А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, Л.Н. Толстой, М. Горький и другие великие русские писатели изучали пословицы и поговорки, собирали их – они для них были школой мастерства: народные пословицы и поговорки были примером точности и четкости в выражении мысли, образности и метафоричности, лаконизма. «А что за роскошь, что за смысл, какой толк в каждой поговорке нашей! Что за золото!» – восхищался А.С. Пушкин. «Вот как хорошо сочиняют мужики. Все прос-

то, слов мало, а чувства много — говорил Л.Н. Толстой. А.М Горький прямо отмечал: «Я очень много учился на пословицах — иначе на мышлении афоризмами. Именно пословицы и поговорки выражают мышление народной массы в полноте особенно поучительной».

В XX веке в Российской Федерации, а также в разных регионах — тогда союзных республиках Советского Союза — создавались интересные сборники, вобравшие в себя пословицы и поговорки разных народов нашей страны и других стран мира. Как правильно заметил А. Чистяков, «язык народной мудрости интернационален».

Обычно пословицы и поговорки сгруппированы по темам.

Приведу примеры пословиц и поговорок из разных сборников.

Пословицы о пословицах

Пословица недаром молвится.

Добрая пословица не в бровь, а в глаз.

Без пословицы не проживешь.

Русские пословицы

Речь без пословицы — что еда без соли.

Амхарская пословица

В пословицах заключен опыт.

Немецкая пословица

Пословица — украшение речи.

Татарская пословица

Совесть, долг и честь

Береги одежду снову, а здоровье и честь смолоду.

Русская пословица

(А.С. Пушкин использует эту пословицу в качестве эпиграфа к своей повести «Капитанская дочка».)

Бесчестье хуже смерти.

Русская пословица

И вашим, и нашим за пятак спляшем.

Русская пословица

Лучше потерять глаз, чем доброе имя.

Русская пословица

Честь человека дороже славы и денег.

Русская пословица

Лучше умереть с честью, чем жить в позоре.

Таджикская пословица

Чистая совесть не боится обвинений.

Английская пословица

Честность умирает, когда продается

Французская пословица

Товарищество, единение, дружба

Дружба и братство дороже богатства.

Русская пословица

Друг познается в беде, как золото — в огне.

Русская пословица

Не имей сто рублей, а имей сто друзей.

Русская пословица

Богат не тот, у кого много золота, а тот, у кого много друзей.

Индийская пословица

С друзьями и в пустыне проживешь, без друзей и в цветущей степи пропадешь.

Монгольская пословица

Когда загорелся мой стог, я познакомился со своими друзьями.

Албанская пословица

Выбирай друга не спеша, а еще меньше спеши менять его.

Индийская пословица

Ум и глупость

Голова без ума, что фонарь без свечн.

Русская пословица

Дурная голова ногам покоя не дает.

Русская пословица

Кто ясно мыслит, ясно излагает.

Русская пословица

Вели дураку принести чалму — он принесет ее вместе с головой.

Таджикская пословица

Нет хуже болтливого дурака.

Таджикская пословица

Сильно мешает быть умным стремление казаться таким.

Иранская пословица

Для дураков нет лекарства.

Японская пословица

Краткость — душа умной речи.

Английская пословица

Частушки – один из популярных жанров фольклора

Частушки – это один из жанров устного народного творчества, а именно, один из жанров русской народной лирики. Их главное назначение – не рассказать о тех или иных фактах жизни, событиях, а дать им определенную эмоциональную оценку, выразить определенные мысли и чувства по поводу того или иного события. Обычно частушка – это короткая рифмованная песенка, состоящая, как правило, из четырех строк и исполняемая более быстро, чем протяжная песня.

На веселое гулянье
Я пришла без ремешка...
Девяносто песен знаю,
Еще дома два мешка!

У меня миленок маленький,
Как зернышко в овсе.
Дал копеечку на семечки,
Сказал: «Купи на все!»

Возникают частушки во второй половине XIX века и вскоре приобретают необычайную популярность. Особенно широкое распространение частушки получили в конце XIX – начале XX века.

Частушка занимает особое место в русском фольклоре. Ее характерной чертой является то, что она очень быстро реагирует, откликается на все новое в жизни.

Частушка – жанр молодежный, поэтому главными ее героями являются парни и девушки, а главной темой – тема любви.

Голубую незабудку
С неба голубь уронил.
Никогда не позабуду,
Что мне милый говорил.

Меня дома запирают
От милого на замок.
А он ключик подбирает,
Ходит каждый вечерок.

Диапазон тематики частушек, в отличие от других песенных жанров, очень широк, они отражают жизнь во всем ее многообразии, частушка откликается и на важнейшие исторические, общественные события, и на индивидуальные события, на бытовые

факты, на чувства любви. В частушках говорится буквально обо всем, что как-то взволновало, удивило, поразило исполнителя — на работе, в бытовой жизни.

На столе стоит чернильница,
Чернила красные.
Мой миленок — пограничник,
Где места опасные.

Критикуй, не критикуй —
Не боюсь я критики:
Все равно не перебеешь
Меня ты по политике.

Меня маменька ругает,
А папаша нежит:
Как я с улицы иду —
Хворостину держит.

Частушка во многом сходна с пословицами и поговорками. Однако имеет и отличия от них. Главное отличие заключается в том, что частушка — не прозаический, а песенный жанр, и предназначается она для публичного исполнения в кругу молодежи.

Частушку также многое сближает с народной лирической песней, однако, существуют и отличия: в частушке сильнее выражено индивидуальное начало; эмоциональный тон ее — мажорный, радостный, удалой, веселый, преобладает бодрое, активное и жизнеутверждающее настроение, тогда как основной тон народной лирической песни — грустный, минорный. В традиционных народных песнях отсутствует рифма, в частушках она есть.

Ой, Семеновна,
Что наделала —
Да из худых лаптей
Галоши сделала.

В Красной Армии ребята
Расцвели, как розочки:
На плечах у них погоны,
На погонах звездочки.

В частушках более сильно, чем в других жанрах народного поэтического творчества, выразился импровизационный характер фольклора. Как говорил один из собирателей частушек Н.А. Арефьев, частушка — это «свод всего того, что экспромтом вырывается в то или другое время, при тех или иных условиях человеческой души». Частушка часто возникает как импровиза-

ция, обращенная к какому-то конкретному лицу или группе лиц, представляя собой мгновенный поэтический отклик на события дня, какую-либо жизненную ситуацию, а затем уже входит в обиход, повторяется, немного изменяется.

На столе стоит квашня,
А в квашне-то тесто.
Мама, папа, до свиданья,
Я уже невеста!

Ох, подружка дорогая,
Все ребята хороши,
Но кто носит серу кепочку -
Разрыв моей души!

К художественным особенностям частушки относятся ее очень небольшой (миниатюрный) объем, повышенный лиризм; большинство частушек имеет форму монолога, многие из них — девичьи частушки, в которых отражены любовные переживания.

Во время исполнения частушки часто используются обращения, которые облегчают восприятие частушки, говорят о том, кого прежде всего она касается, кто может при желании на услышанную частушку ответить своей, собственного сочинения.

Кроме того, частушки содержат вопросы к тому, к кому обращаются.

Иногда частушки содержат и ответы.

Строфа частушки состоит из 4-х строк различного содержания; особая форма — двухстрочные частушки.

Частушки содержат оригинальные эпитеты — юмористические или откровенно сатирические: милый, бестолковый и пр. Комизм создается тем, что милый (милая) охарактеризован (охарактеризована) двумя прямо противоположными по смыслу эпитетами: милый окаянный, сатана-миленочек и др.

Наиболее распространенным типом являются «страдания» (страдать — т. е. любить).

Мой милый — тракторист,
Я ему велела:
«Запаши мою любовь,
Чтоб сердце не болело!»

Мне миленок изменил,
Сам другую полюбил —
Тонкую, высокую
Характером жестокую.

«Значительное число частушек строится по принципу образного параллелизма. Первая картина частушек может заключать в себе, как в традиционной песне, символический образ, а вторая всегда является бытовой по своему содержанию» (Словарь литературоведческих терминов. М., 1974).

Под влиянием фольклорных частушек возник жанр литературной частушки. В XX веке литературные частушки создавали советские поэты Демьян Бедный, Александр Прокофьев и другие.

Былины. К истории жанра

Былины — это «героические песни эпического характера, жанр русского фольклора», — так толкует термин «былина» Литературный энциклопедический словарь. Сначала былины назывались поэмами и сказками богатырскими. Сам термин «былина» ввел И.П. Сахаров в 40-х годах XIX века. Название «былина» происходит от слова «быль», т. е. то, что было раньше, рассказ о действительном происшествии в отличие от небылицы (см. Словарь русского языка С.И. Ожегова).

Былины — жанр русского героического эпоса. Изображая войну, былины, как и весь героический эпос русского народа, рассматривают военные действия Руси прежде всего как оборону от врага. «Наступательных войн былины не знают: народная борьба не может иметь несправедливых целей», — пишет в своей книге исследователь В.Г. Мирзоев. Из этого происходит народное представление о военном подвиге, военной доблести, воспеваемые народом. «В основе богатырских подвигов, лежат патриотизм и независимость Руси. В смертельной борьбе против татарского ига былины призывают к единению... В огне освободительных войн выковывается самосознание народа, постепенно образуется русская народность, уже понимающая себя как отдельная общность» В.Г. Мирзоев.

Былины относятся к периоду развитого государства на Руси. Они возникли в IX–XIII вв. из древних песен и легенд как форма выражения исторического сознания русского народа. В дальнейшем былины отразили исторические события в художественных образах, которые были обогащены фантастическим вымыслом. Характерными чертами былин являются песенно-эпический способ отражения действительности, поэтичность, масштабность, своеобразие вымысла, наличие героических образов богатырей, в которых воплотились народные идеалы о силе, мужестве, любви к родной земле, справедливости. Это такие герои, как воины-богатыри – известные нам с детства Илья Муромец (именно с его именем связано большинство русских былин), Добрыня Никитич и Алеша Попович, богатырь-пахарь Микула Селянинович, великан Святогор, купец-гусляр Садко и другие.

В былинах изображается реальная русская земля, но при ее воссоздании используются фантастические картины: богатыри борются с чудовищами (которые реально не существуют), разбивают несметные полчища врагов, совершают такие подвиги, которые не может совершить обычный человек.

Былины – это героические песнопения, их отличают торжественный, спокойно-величавый стиль, единство тематики и сюжетов. Былины характеризуются своеобразными запевами, зачинами, где рассказывается о времени и месте действия, концовками, стилистическими повторами. К числу важнейших художественно-изобразительных средств всех былин относятся постоянные эпитеты (добрый молодец, славный богатырь), гиперболы, повторы.

Веками былины передавались из уст в уста (былина – жанр устного народного творчества). Их исполняли талантливые певцы-сказители, которые перерабатывали старинные тексты, создавая свои оригинальные варианты.

В 60–80-х годах XVIII века был составлен первый на Руси сборник былин – «Древние российские стихотворения», опубликованный в 1804 году (автор-составитель – Кириша Данилов).

В конце XX века, в 1977 году, было осуществлено уже в СССР новое издание этого сборника.

В XIX – XX вв. появляется много людей, занимающихся собиранием басен. Образованные россияне, жившие в те времена, понимали, что из памяти народной могут быть «выведены» памятники литературы, народного эпоса, так как исполнителей былин и людей, помнящих былины, с каждым годом становилось все меньше. Известными собирателями басен в этот период были выдающиеся ученые, энтузиасты П.В. Киреевский, П.Н. Рыбников, А.Ф. Гильфердинг, А.В. Марко, А.Д. Григорьев и другие. Они ездили по российским деревням, встречались с людьми, помнящими былины, записывали их. На основании этого достаточно длительного и сложного труда были подготовлены и изданы в 1861–1867 годах сборники былин «Песни, собранные П.Н. Рыбниковым», в четырех томах. Наибольшие «басенные ценности», как отмечают ученые, были обнаружены в районах русского Севера. В 1871 году был издан сборник «Онежские былины, записанные летом 1871 года», составленный А.Ф. Гильфердингом.

К середине XX века былины почти полностью исчезают из устного репертуара.

По тематическому принципу ученые выделяют несколько групп былин. Это былины военные (главными героями в них выступают русские богатыри Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович и др.), былины, посвященные крестьянскому труду (наиболее известная среди них былина «Вольга и Микула»), былины, рассказывающие о жизни и быте русских городов, о путешествиях (например, цикл новгородских былин).

Все былины исследователи делят на два основных цикла: киевский цикл былин (в них главными героями являются богатыри-воины Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович, Святотор и др.; в них рассказывается преимущественно о воинских подвигах богатырей) и новгородский цикл былин (главными героями в них выступают Садко, Василий Бусласвич и др. и повествуется в них о жизни и быте горожан Новгорода, который в те времена был торговым центром Руси).

Большинство былин посвящено борьбе с захватчиками, которые нападали на Древнюю Русь, а также оборонительным войнам русского народа.

Одними из самых древних былин являются былины о Волге Всеславовиче, вожде дружины. В них рассказывается о жизни русского общества после первобытного строя. Это повести о набегах, о войне, об отмщении врагам.

Былины последующего периода связаны с образом Ильи Муромца, они создавались, по предположениям ученых-исследователей (В.Г. Мирзоев и др.), после ослабления Золотой Орды. Исследователи предполагают, что Илья Муромец был реально существующим лицом. Он родился в крестьянской семье в селе Карачарове, недалеко от города Муром, поэтому и прозвали его Муромец. Тридцать лет он не мог двигаться, сидел неподвижно и только чудом исцелился. После этого он отправился в столицу Древней Руси — Киев-град и стал служить князю Владимиру, совершая небывалые, героические подвиги.

Эти былины проникнуты идеей высокого назначения государства, культом государственной власти, которую неизвестные авторы былин ставят превыше всего. Так, Илья Муромец, едва не погибший в темнице по приказу князя Владимира (былина «Илья Муромец и Калин-царь»), после своего освобождения, не сказав ни слова упрека князю, вступает в борьбу против татарского войска. Он борется с именем князя и княгини на устах несмотря на то, что князь, по описанию неизвестного автора былины, труслив, несправедлив, даже ничтожен.

Из былин других циклов наиболее известны былины «Волга и Микула» — своеобразный гимн крестьянскому труду, где впервые героем произведения является не могучий богатырь-воин, а богатырь-пахарь, а также былина новгородского цикла «Садко», повествующая о жителе славного Новгорода, купце-гусле Садко.

«Былинные идеи, — пишет В.Г. Мирзоев, отмечая значение этого жанра героического русского эпоса, — впитавшие в себя общечеловеческие темы, надолго пережили время и место своего

рождения, став арсеналом, из которого русский народ постоянно брал средства, нужные ему для духовного подъема в тяжелые моменты борьбы с сильным врагом... Став своеобразным учебником жизни, былины сыграли в истории русского народа большую организующую роль, постоянно и неустанно взывая к его патриотическому долгу, к освобождению порабощенной родины, к нравственному самосовершенствованию».

Былинные идеи, художественные образы вдохновили многих деятелей русской культуры на создание замечательных произведений, нашли отражение в творчестве талантливых русских писателей, художников, композиторов: поэта А.К. Толстого, художников В.М. Васнецова, И.Е. Репина, композитора Н.А. Римского – Корсакова.

Былина «Садко» – одна из древнейших русских былин

Всемирно известная былина «Садко» относится к былинам новгородского цикла. Это былины, повествующие о жизни и быте Великого Новгорода, второго по значению города средневековой Руси, и его жителей. Ученые считают, что былина «Садко» – одна из древнейших (если не самая древняя) из сохранившихся и дошедших до нас былин.

В центре былины – новгородский купец Садко, талантливый гуслир. По его имени и названо произведение русского фольклора. Образ Садко жизненно достоверен и многогранен, очень неоднозначен. «Садко, – пишет известный исследователь В.Г. Мирзоев, – истинный представитель Великого Новгорода, воплотивший его характерные черты».

В начале былины Садко предстает перед нами как обыкновенный гуслищик (играющий на гуслих – старинном русском музыкальном инструменте), без знатного происхождения, богатства, достатка, «несчетной золотой казны». Однажды он встреча-

В былине «Садко» нашли отражение древнейшие верования, обычай принесения человеческой жертвы морским богам. Здесь отражен еще сохранившийся у людей Древней Руси страх перед морем, страх далеких путешествий на непрочных ладьях. Вот здесь проявились другие стороны личности Садко, не побоявшегося отправиться в далекое и опасное морское путешествие, — храбрость, смелость, отвага.

Интересен в былине еще один образ — образ Морского царя, в котором нашли воплощение такие черты, которые особенно ценились новгородцами в те далекие времена: щедрость, широта натуры. Морской царь восхищается игрой Садко и щедро его одаривает, требует его к себе, на дно морское; он пляшет широко, по-русски, под гусли новгородского купца Садко:

А-й как начал играть Садко как во гусли во яровчаты,
А как начал плясать уже Морской теперь в сине мори,
А от него сколебалося все сине море,
А сходилася волна да на синем мори,
А-й как стал он разбивать много черных кораблей
да на синем мори,
А-й как много стало ведь тонуть народу
да в синем море,
А-й как много стало гинуть именица
да в сине море.

Лишь в самом конце былины сказители ввели образ Святителя Николая, святого Николая-угодника, одного из самых почитаемых на Руси святых, который вызволяет Садко из плена. Как пишет В.Г. Мирзоев в своем исследовании, «Сочная, красочная былина «Садко», обнаруживая полнокровную жизнь Древнего Новгорода, сохранила нам дохристианские верования его населения (в другом варианте спасительницей Садко была русалка Чернавка. — М.Г.), а также ясно обрисовала детали местной жизни, психологию средневекового новгородского купца. Былина о Садко — живая картина с натуры, живой рассказ о жизни древнего города».

В былине о Садко ярко и выразительно описывается талантливая игра главного героя, новгородского купца, на гусях:

А-й как пошел Садке Ильменьда ко озеру,
А-й как он сажился на синь горюч камень да об озеро,
А-й как начал играть во гусли во яровчаты,
А-й как ведь опять играл он с утра до вечера,
А волна уж как в озере сходилася,
А вода ли с песком да смутилася;
А тут осмелился Садке да новгородский
А сидеть играть как он об озеро.
А-й как тут вышел царь водяной топерь со озера,
А-й как сам говорит царь водяной да таковы слова:
«Благодарим-ка, Садко да новгородский!
А спотепил нас теперь да ты во озере,
А у меня было да как во озере,
А-й как у меня столованье да почестен пир,
А-й как всех развеселил да на честном пиру,
А-й любезных да гостей моих.
А-й как я не знаю топерь, Садка, тебя да чем
Пожаловать.

В былинах «Садко» выразились взгляды народа на прекрасное, на значение прекрасного в жизни.

Народные представления о жизни, о прекрасном, о добре и зле, выраженные в былинах, вдохновили спустя много веков замечательного русского композитора XIX века Н.А. Римско-го-Корсакова на создание оперы с одноименным названием по мотивам известного памятника русского эпоса – былины «Садко».

Цветы в древних сказаниях и легендах

В мифах, преданиях, легендах многих народов мира – греков, римлян, египтян, древних евреев, персов и других – рассказывается о происхождении разных цветов, об обычаях и традициях, связанных с тем или иным цветком. Вот некоторые из них.

Гвоздика

В древнегреческом мифе рассказывается о происхождении гвоздики.

Однажды богиня Диана возвращалась с очень неудачной охоты и поэтому была сильно раздражена. Ей встретился красивый пастушок, который весело играл на свирели и пел. Богиня вне себя от гнева обвиняет пастушка в том, что он своей музыкой и пением разогнал всю дичь, испортил ей охоту; она набрасывается на юношу и вырывает у него глаза. Тогда только она приходит в себя и понимает весь ужас совершенного. Ее начинает постоянно мучить раскаяние, глаза безвинно погубленного пастушка преследуют ее. И тогда, чтобы увековечить эти так жалобно смотрящие на нее глаза, она бросает их на тропинку, и в тот же момент из них вырастают две красные гвоздики, которые напоминают своей расцветкой совершенное злодеяние, а цветом – невинно пролитую кровь (существуют такие разновидности гвоздик, у которых в середине находится пятно, напоминающее зрачок).

Во Франции сохранилась такая легенда. В 1270 году король Людовик IX совершил последний крестовый поход и осадил со своими 60 000 рыцарями город Тунис. В это время среди крестоносцев разразилась страшная чума. Люди гибли, как мухи, и все усилия врачей не помогали. Тогда Людовик Святой, верующий в то, что в природе против всякого яда существует и противоядие, и знающий толк в травах, нашел прекрасный цветок, росший на сухой, почти бесплодной почве. Его красивая окраска и запах, напоминавший приятную индийскую гвоздику, дают ему основания предположить, что это именно то, что он ищет. Он приказывает нарвать как можно больше этих цветов, делает из них настой и начинает поить им заболевающих. И случилось чудо – больные как будто начинают поправляться. Но сам король заболевает чумой и умирает. Вернувшись на родину, обожавшие своего доброго короля крестоносцы привозят на память о нем и гвоздику, которая с тех пор становится во Франции одним из любимейших цветов.

Анютины глазки

Анютины глазки – это русское название простого, скромного цветка, немцы называют его мачехой, объясняя это так.

Нижний, самый крупный, красиво испещренный лепесток представляет собой разодетую мачеху, два лепестка, находящихся немного выше и тоже очень красиво раскрашенные, — ее родных дочерей, а два самых верхних лепестка — беленьких, как бы полинявших, с лиловым оттенком — ее бедно одетых падчериц. Предание говорит, что прежде мачеха находилась наверху, а бедные падчерицы внизу. Однако Господь сжалился над бедными и обиженными девочками и повернул цветок.

Существует несколько легенд об анютиных глазках, их появлении на земле.

Однажды Венера решила искупаться в отдаленном от всех гроте, купалась довольно долго и вдруг услышала шорох и увидела нескольких людей, которые смотрели на нее. Разгневанная, она обращается к Зевсу и умоляет его наказать тех, кто дерзнул смотреть на нее. Зевс хочет наказать их, предав смерти, но потом сменил гнев на милость и превратил их в анютины глазки, роспись которых выражает погубившее их любопытство и удивление.

Греки называли этот цветок цветком Юпитера и создали такую легенду о происхождении этого цветка.

Однажды Юпитер, переодевшись в пастушка, спустился на землю. Здесь он увидел красавицу Ио, дочь царя Иноха, и страстно полюбил ее. Ио также полюбила пастушка, не подозревая, что это Громовержец. Об их любви узнала Юнона, жена Юпитера, и Юпитер, чтобы спасти Ио от гнева своей жены, вынужден был превратить ее в чудную, белоснежного цвета корову. Чтобы хоть немного смягчить ужасную участь Ио, земля, по приказанию Юпитера, вырастила этот приятный, лакомый для нее корм, цветок, который поэтому у древних греков и получил название цветка Юпитера и символически изображал краснеющую и бледнеющую стыдливость девушки.

Нарцисс

Нарцисс был воспет поэтами всех стран и веков почти так же много, как и роза. Сам Магомет сказал о нем: «У кого два

хлеба, тот пусть продаст один, чтобы купить цветок нарцисса, ибо хлеб — пища для тела, а нарцисс — пища для души».

О происхождении нарцисса существует такая древнегреческая легенда.

У речного бога Цефиза был сын, красавец Нарцисс. Ему было предсказано, что он сможет дожить до глубокой старости лишь в том случае, если никогда не увидит своего лица. В те времена зеркал не существовало, и увидеть себя можно было только в спокойной воде.

Однажды Нарцисса увидела Эхо, горная нимфа, она страстно влюбилась в него, старалась всячески его увлечь, но Нарцисс оставался к ней равнодушен. Тогда Эхо обратилась в отчаянии к богам с мольбой наказать Нарцисса за его бесчувственное и холодное сердце. Боги услышали ее мольбу и наказали Нарцисса.

Нарцисс почувствовал сильнейшую жажду; тогда он остановился около чистого и спокойного, как зеркало, источника и хотел напиться воды, и тут он впервые увидел свое прекрасное отражение; нарцисс так был поражен красотой своего изображения в источнике, что тут же влюбился в себя, и так сильно, что ни на мгновение не мог оторвать взгляда от него, зачах от любви и поблек, как цветок. Однако боги не дали ему совсем погибнуть, они превратили его в прекрасный цветок, замечательно красивый, с чудесным запахом и с венчиками, которые так и клонятся книзу, словно желая еще раз полюбоваться на себя в воде.

Роза

Роза считается царицей цветов. С давних времен ее любили, ей поклонялись, воспевали в разных странах. О ее происхождении существует множество легенд и преданий, живущих до сих пор в памяти народов Индии, Персии, Иране, Турции, Греции. Вот несколько из них.

Греки считали розу даром богов, а знаменитая древнегреческая поэтесса Сафо дала ей название царицы цветов.

По одной древнегреческой легенде роза родилась из бело-снежной пены, покрывавшей тело прекрасной Афродиты (Венеры), когда эта богиня любви вышла после купания из моря. Увидев на ней этот прелестный цветок, очарованные боги обрызгали его нектаром, который и придал ему чудный запах. Жрецы Афродиты отнесли прекрасный цветок в храм этой богини и украсили розой алтарь и окружающий сад. Роза оставалась белой до тех пор, пока Афродита не узнает о том, что любимый ею Адонис ранен насмерть вепрем. Она бежит в рощу, где находится Адонис, не обращая внимания на покрывающие розу шипы, которые до крови ранят ей ноги. Несколько капель этой божественной крови попадают и на розы и из белых превращают их в ярко-красные.

Согласно другому преданию, белая роза превратилась в красную во время одного из пиршеств богов на Олимпе.

Бог любви Амур, порхая в веселом танце, нечаянно опрокинул своими розово-красными крылышками сосуд с нектаром, который, попав на белые розы, которые тут цвели, окрасил их в красный цвет и придал им прелестный запах.

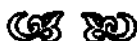
В другом древнегреческом сказании говорится о том, что своим происхождением роза обязана богине охоты Диане.

Богиня Диана была влюблена в Амура и однажды приревновала его к прекрасной нимфе Розалии. В диком гневе она схватила нимфу, потащила ее в ближайший куст колючего терновника и до смерти изранила ее страшными шипами этого кустарника.

Амур, узнав о трагедии, поспешил на место преступления и найдя свою возлюбленную бездыханной, в неутешном горе залился горячими слезами. Слезы его капали из глаз на терновник и случилось чудо: орошаемый слезами куст начал покрываться чудесными цветами. Этими цветами были розы.

Так, в легендах и преданиях разных народов рассказывается о происхождении цветов — символе прекрасной природы и самой жизни на земле.

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Жанровое многообразие древнерусской литературы. Особенности жанра жития

Древнерусская литература, по удачному выражению академика Д.С. Лихачева, долгие годы занимавшегося изучением культуры Древней Руси, была литературой «одной темы и одного сюжета. Этот сюжет – мировая история, и эта тема – смысл человеческой жизни».

«Этой теме и этому сюжету, – замечает ученый О.В. Творогов, – были посвящены все жанры древнерусской литературы, особенно если говорить о литературе раннего средневековья».

Древнерусская литература отличалась многообразием жанров: хроники и хронографы, рассказывающие об истории мира; летописи, повествующие об истории Руси; повести, посвященные отдельным важнейшим событиям русской и мировой истории; жития святых и пр.

Жития святых – это «обширная литература нравоучительных биографий», биографий святых, т. е. христианских подвижников, прославившихся своим благочестием и аскетизмом или погибших за свои религиозные убеждения от руки язычников или иноверцев, – так определяет жанр жития известный исследователь древнерусской литературы О.В. Творогов.

В Биобиблиографическом словаре «Литература Древней Руси» дается следующее толкование этого жанра: «Жития – жизнеописания людей, причисленных церковью к лику святых. Такие люди удостоивались церковного почитания и поминовения,

составление жития являлось неременным условием канонизации, т.е. признания святости».

Первые русские жития появляются в конце XI – начале XII века. Это два «Жития Бориса и Глеба», «Житие Феодосия Печерского», «Житие Антония Печерского» (эти произведения не сохранились).

Почему на Руси возник жанр жития? Как отмечают исследователи (Творогов О.В. и др.), возникновение этого жанра «было не только литературным фактом, но и важным звеном в идеологической политике Русского государства. В это время русские князья настойчиво добиваются прав на канонизацию своих русских святых, что существенно повысило бы авторитет русской церкви.

Рассмотрим характерные особенности жития, как одного из основных жанров древнерусской литературы.

Все жития имели вполне определенную композицию. Они состояли из трех основных частей: рассказ о детстве святого, свято верующего, избегающего игр со своими сверстниками; рассказ о его жизни с описанием подвигов благочестия и творимыми святым чудесами; рассказ о кончине и о посмертных чудесах.

В житиях была отражена жизнь вполне реальных людей: Александра Невского, Дмитрия Донского, Василия Блаженного, Сергия Радонежского, Зосимы и Савватия Соловецких, Ефросинии Полоцкой и других. Большинство житийных чудес представляло собой рассказ о помощи святого нуждающимся людям – больным, обиженным, нищим и т. д., людям, оказавшимся в критической ситуации. Как писал знаменитый русский филолог XIX века Федор Иванович Буслаев, «в статьях о чудесах угодников иногда в замечательно ярких очерках выступает частная жизнь наших предков, с их привычками, задушевыми мыслями, с их бедами и страданиями».

По типу сюжетов жития могут быть разделены на несколько групп: жития-мartyрия – рассказ о смерти святых, пострадавших за христианскую веру; жития о христианах, добровольно подвергших себя разного рода испытаниям (например, богатые юно-

ши оставляли свои состоятельные дома и вели полуголодную, полунищенскую жизнь подвижника; молодые люди оставляли города и уединялись в пустыни, жили там в полном одиночестве — их называли отшельниками и т. д.); жития, рассказывавшие об особом виде христианского подвижничества — столпничестве: святой долгие годы жил на вершине каменной башни, или в монастыре подвижники «затворялись» в келии и не покидали ее ни на час до самой смерти.

За традиционными житийными сюжетами часто скрывались живые человеческие чувства и взаимоотношения.

Жития русских святых создавались, как отмечают ученые, с XI по XII век на всем протяжении существования древнерусской литературы.

Ученые выделяют несколько типов жития по характеру героев (хотя эта классификация достаточно условна). Так, выделяют: жития княжеские (Александра Невского, Бориса и Глеба, Дмитрия Донского и др.); жития церковных иерархов (митрополитов Алексия, Ионы, Киприана, Петра, Филиппа); жития подвижников во славу церкви и создателей русских монастырей (Дмитрия Прилуцкого, Леонтия Ростовского, Сергия Радонежского); жития юродивых (Василия Блаженного, в память о котором построен храм на Красной площади в Москве, Михаила Клопского, Прокопия Устюжского). Существовали и женские жития, правда, их было очень мало: Анны Кашинской, княгини Ольги, Уфросинии Полоцкой, Ефросинии Суздальской.

В большинстве случаев имена авторов житий (это можно отнести и ко всем письменным памятникам Древней Руси) остались неизвестными. Однако о некоторых мы узнаем из текстов самих произведений. Наиболее прославленными авторами житий являются Нестор (XI — начало XII века), Епифаний Премудрый (2-я половина XIV — 1-я четверть XV века), Пахомий Лагофет (XV век).

Все жития отличаются традиционными характерными особенностями. Среди них торжественный, патетический, пафосный стиль описания.

Древнерусские летописи. К истории жанра

Летописи — это памятники исторической прозы Древней Руси. К исторической прозе ученые относят сочинения историков, которые видели свою задачу в том, чтобы осмыслить факты прошлого и изобразить их в яркой, живой форме. Основой летописи является политическая история, которая связана с современными событиями, с реальной жизнью. Объектом летописей является реальный человек и общество. Как пишет исследователь древнерусской литературы В.Г. Мирзоев, «... летописец, хотя в общем довольно осторожно, обрабатывал материал как предшественников, так и новый, им добытый, по своему разумению стараясь достоверно отразить свою эпоху».

Летопись является одним из основных жанров древнерусской литературы. Название этого жанра происходит от слова «лето» (год): в летописях, рассказывающих о тех или иных событиях, повествование велось по годам. Рассказ каждого года начинался с одного слова: «В лето...» (т. е. в такой-то год...). Летопись логично, в строгом хронологическом порядке рассказывает о событиях исторического прошлого, которые последовательно развиваются от года к году. Именно из летописей мы можем узнать о событиях истории нашей страны, давно прошедших: о трагической битве на реке Калка, о Куликовской битве, о том, как захватил Москву хан Тохтамыш, о междоусобной борьбе русских князей и многом другом.

Как и героический эпос, летопись представляла собой сборник фактов и идей и являлась результатом творчества разных людей, авторов, разных времен. Летопись, по убеждению специалистов, имеет большое значение как факт культуры народа — это «первичная форма исторических произведений в накоплении знаний о прошлом».

Каковы причины возникновения летописей? Литература уже осознает положение своей страны, своего государства в мировой

системе. Она пытается найти место своего народа в истории, осмыслить его значение в мировой истории, в мировом историческом процессе. Кроме этого расширяется потребность в исторических знаниях, и летопись стремится осветить как можно больше исторических фактов, событий.

На Руси летописи велись с XI по XVIII век. До середины XVI века (период царствования Ивана Грозного) летопись являлась основным видом исторического повествования. После этого времени она постепенно уступает свои позиции другому историографическому жанру – хронографу (хронографы – это исторические сочинения, излагающие всемирную историю).

Летописи составлялись в монастырях, при дворах русских князей (затем – русских царей), в канцеляриях митрополитов.

Авторы летописей, летописцы, не были независимыми, частными лицами; как правило, они выполняли поручение, задание или заказ духовных или светских властителей и отражали интересы определенной группы людей. Вот почему до нас дошли летописи, повествующие об одних и тех же событиях, но рассказывающие о них по-разному.

Исследователи различают два вида летописей. Одни летописи представляли собой или обычные записи по годам, сообщения о событиях, или летописные рассказы – описание событий с включением диалогов, конкретных деталей.

Летописные рассказы тоже различаются: в одних повествуются о событиях, современником которых является летописец; эти рассказы литературно обработаны и более реалистичны; другие рассказывают о событиях давно минувших лет, часто это эпические предания, легенды, внесенные в летопись не сразу, а спустя некоторое время. Характерными чертами таких летописей являются лаконичность описания, обобщенность образов героев, занимательный сюжет, эффект неожиданности.

Академик Д.С. Лихачев относит летописи к числу «объединяющих жанров» (термин Лихачева), потому что летописи вклю-

чают в себя элементы других жанров: исторической прозы, воинской повести, жития святого, поучения, похвального слова.

Многие известные и сейчас произведения древнерусской литературы дошли до нас в составе летописей. Это такие широко известные произведения, как «Поучение» Владимира Мономаха, «Хождение за три моря» Афанасия Никитина и другие.

В истории развития жанра летописи исследователи выделяют несколько периодов.

Первые записи исторических событий начали вестись в конце X века в Киеве. Однако как жанр летопись возникла в XI веке, в период княжения Ярослава Мудрого. Д.С. Лихачев считает, что в первой половине 1040 года мог быть составлен свод преданий о том, как возникло на Руси христианство. Создание этого свода объяснялось стремлением сказать о том, что история Руси близка истории древних христианских государств; это нужно было для того, чтобы повысить авторитет русской церкви и молодого русского государства.

Второй этап развития русских летописей ученые связывают с периодом 1060–1070-х годов: считается, что в это время сложилась форма летописного повествования – повествование в форме погодных (по годам) статей. Именно в этом было отличие древнерусских летописей от, например, византийских хроник, в которых исторические события описывались по периодам царствования того или иного правителя. Второй этап развития русских летописей связан с именем и деятельностью Никона – инок Киево-Печерского монастыря. Около 1095 года был создан «Начальный свод», который сохранился в новгородских летописях. На его основе был создан прекрасный памятник древнерусской литературы, не имеющий себе равных в Европе по разнообразию источников, а также талантливости повествования, – «Повесть временных лет» (написана около 1113 года). Всемирно известная летопись – «Повесть временных лет» – по существу является энциклопедией исторических знаний своего времени, как интересно отозвался о ней исследователь В.Г. Мирзоев, «сконцентрированный сгусток политической мудрости раннего русского средневековья». Повесть

указывала на место славян в мировой истории. Интересно, что значение «Повести временных лет» уже тогда хорошо осознавали в Древней Руси — именно она открывала все своды последующих лет.

В XII–XIII веках летописи ведутся не только в Киеве и Новгороде, но и в других русских городах — в Рязани, Владимире, Чернигове, Ростове. Знаменитыми памятниками XIII века являются летописные повести о битве на реке Калка в 1223 г. и о нашествии хана Батыя 1237–1241 гг.

Новый подъем в развитии летописи как жанра происходит в XIV веке. Ученые связывают это с такими важными историческими событиями в жизни Древней Руси, как Куликовская битва в 1380 году и возвышение Москвы.

Первый общерусский свод летописей был создан в 1408 (по некоторым данным в 1409) году. В 1480-х гг. записи текущих событий стали носить сугубо официальный характер; с этого времени независимое, местное летописание в русском государстве перестало существовать (за исключением Пскова).

С XVI века летописание ведется только в Москве, столице русского государства. Появляется русский Хронограф, который объединил изложение мировой истории (от библейского времени до падения Византии) и русской истории (от древнейшей истории до середины XV века).

В XVI веке (1568–1576 гг.) по заказу царя Ивана IV (Ивана Грозного) создается самый крупный летописно-хронографический памятник Древней Руси — Лицевой свод. Он содержит 10 томов, талантливо украшенных миниатюрами (в количестве более 16 тысяч).

К XVII веку исчезает общественное и историческое значение летописей.

Русская художественная литература не раз обращалась к летописям. Летописные рассказы использовали в своем творчестве такие известные русские писатели, как Н.М. Карамзин, А.С. Пушкин, А.К. Толстой и другие.

«Житие Александра Невского» — великий памятник литературы Древней Руси

«Житие Александра Невского» — один из великих памятников древнерусской литературы.

Литература Древней Руси — предшественница классической русской литературы XVII–XX вв. Это одна из самых древних литератур Европы — древнее, чем французская, английская, немецкая. Ее истоки исследователи относят к X веку.

В древнерусской литературе, пишет известнейший исследователь культуры и литературы Древней Руси Дмитрий Сергеевич Лихачев, «не было ни Шекспира, ни Данте. Это хор, в котором совсем нет или очень мало солистов... И тем не менее эта литература поражает нас своей монументальностью и величием целого».

Великой и своеобразной называют ученые культуру Древней Руси (Д.С. Лихачев, О.В. Творогов и др.). В ней тесно переплелись изобразительное искусство и литература, гуманистическая культура и материальная, широкие международные связи и резко выраженное национальное своеобразие.

В эпоху Древней Руси рукописи дарились и переходили не только за пределы княжеств, но и за пределы страны, — их перевозили из Болгарии на Русь, из Руси в Сербию и т. д. Артели мастеров-зодчих, фрескистов (мастеров фрески) переезжали из страны в страну. Например, в Новгороде один храм расписывали сербы, другой — русский художник Феофан Грек; в Москве работали греки. Таким же образом и книжники переходили из княжества в княжество. Так, «Житие Александра Невского», как отмечает академик Д.С. Лихачев, составлялось на северо-востоке Руси галичанином.

«Древнерусская литература вплоть до XVII века, — замечает акад. Д.С. Лихачев, — не знает или почти не знает условных персонажей. Имена действующих лиц — исторические: Борис и Глеб, Феодосий Печерский, Александр Невский, Дмитрий Донской,

Сергий Радонежский... При этом древнерусская литература рассказывает по преимуществу о тех лицах, которые сыграли значительную роль в исторических событиях: будь то Александр Македонский или Авраамий Смоленский».

Александр Невский (1221–1263), князь Новгородский и великий князь Владимирский, победитель над шведами (Невская битва 1240 г.) и немецкими рыцарями (Ледовое побоище 1242 г.), обезопасивший русские границы, занял достойное место в истории России и поэтому вполне закономерно, что древнерусская литература содержит произведения, посвященные этому замечательному деятелю истории и становления России.

Как отмечают ученые, первое «Житие Александра Невского» было написано в 80-е годы XIII века (всего различных редакций «Жития» насчитывается, по мнению исследователей, более десяти).

Существует несколько точек зрения относительно автора «Жития Александра Невского». Так, В.И. Охотникова считает, что автором первого «Жития» является книжник Владимирского Рождественского монастыря. Здесь был похоронен великий князь, а с конца XIII века его стали почитать святым (книжниками в эпоху Древней Руси называли по существу переписчиков текстов – вспомним, что книгопечатание появилось на Руси только в XVI веке, людей, причастных к истории литературного текста. Нередко книжники к переписываемому ими тексту относились очень творчески, в той или иной степени изменяя, корректируя его).

Академик Д.С. Лихачев высказывает другое мнение: (автор «Жития» – галичанин). Некоторые ученые предполагают также, что непосредственное отношение к составлению жизнеописания Александра имеет митрополит Кирилл, который в 1250 году переехал с юга к Александру Македонскому.

Долгое время «Житие Александра Невского» считалось образцом для описания жизни князей и воинских повестей. Оно оказало значительное влияние на многие заметные литературные памятники того времени: «Сказание о Мамаевом побоище»,

«Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича Донского», «Повесть о Довмонте» и др.

В различных списках (а их, как уже было сказано ранее, насчитывается больше десяти) «Житие» не имеет постоянного названия, заголовка; оно называется и «Повесть о жизни и храбрости», и «Слово о великом князе», и «Житие блаженного великого князя». Однако основная мысль «Жития» — прославление славного героя, защитника Родины, образ Александра Невского, принципы отбора материала для «Жития» оставались неизменными во всех редакциях. «Житие Александра Невского» — это не биография, не жизнеописание великого русского князя, в которых последовательно и подробно рассказывается о всей жизни Александра, о всех значительных и малозначущих событиях в его жизни. Автор «Жития», который называет себя современником великого князя, «самовидцем» его жизни, описывает только самые важные события из жизни Александра Невского. Это прежде всего битва со шведами на Неве, за которую князь и получил свое имя — Невский, это освобождение Пскова, Ледовое побоище, отношения с Ордой и др.

Автор с любовью и гордостью описывает Александра, его «святую, и честную, и славную жизнь». Он подчеркивает красоту князя — не только внутреннюю, но и внешнюю, при этом используя образы библейских героев: Александр красив как Иосиф Прекрасный, силен как Самсон, мудр (даже премудр) как Самсон. Он непобедим — никто и никогда не может одержать над ним победу.

Почтительное отношение автора к Александру Невскому, убеждение в священности княжеской власти, сравнение Александра с библейскими героями определяют и особенности стиля «Жития»: торжественно-величавый стиль.

Александр Невский в «Житии» — достаточно взрослый мужчина (хотя в 1240 году, когда он сражался со шведами на Неве, как утверждают историки, ему было всего 19 лет); о нем с уважением и почтением говорят уважаемые люди — послы других

стран: «Прошел я страны и народы, но не видел такого ни царя среди царей, ни князя среди князей», — говорит один из них.

Автор не дает подробного описания картин сражений Александра и его дружины на Неве, под Псковом, на немецких землях. Для него важно другое — нарисовать образ князя, гордого, решительного, самоотверженного, горячо любящего свою Родину.

Вот Александр обращается к своей дружине, и речь его сурова и лаконична: «Не в силе Бог, но в правде». Вот он освобождает Псков, чувствуя в себе огромную силу ненависти к захватчикам, пришедших на его землю и хвастливо восклицающих: «Покорим себе славянский народ», «Пойдем и победим Александра, и захватим его». Однако Александр разбивает самонадеянность врагов: они были разгромлены и с позором бежали с русской земли.

Автор с гордостью пишет о том, что слава Александра Невского разнеслась далеко за пределы Руси: «И прославилось имя его во всех странах, от моря Хонужского и до гор Араратских, и по ту сторону моря Варяжского и до Великого Рима».

Безымянный автор славит не только военные подвиги Александра Невского, не только черты характера славного воина-освободителя родной земли от врагов. Он с гордостью пишет и о таланте политика и дипломата, о политической мудрости и прозорливости великого князя. Таким Александр предстает в отношениях с Ордой, таким его видят читатели и в непростых отношениях с Папой Римским. Эти свойства личности Александра Невского признают и его враги. Так, Батый говорит: «Истину мне сказали, что нет князя, подобного ему».

Смерть князя воспринимается всеми как великое горе. «Уже зашло солнце земли Суздальской!» — восклицает митрополит Кирилл (Александр умер великим князем Владимирским); «Уже погибаем!» — горюет весь народ.

«Благоверным и великим князем» назван Александр Невский в одном из разделов «Жития». А наш современник И.П. Еремин

оценил «Житие Александра Невского» как «восторженную дань светлой памяти князя».

Нестор – автор памятника древнерусской литературы «Повесть временных лет»

Нестор – первый писатель российской истории, церковной и гражданской, первый официальный русский летописец, агиограф. Он является, по мнению исследователей древнерусской литературы (Д.Д. Лихачева, О.В. Творогова и др.), автором нескольких произведений, и прежде всего – автором знаменитого памятника литературы Древней Руси – «Повести временных лет».

Нестор был монахом Киево-Печерского монастыря. Точные даты жизни его неизвестны; как считают ученые, родился Нестор в 50-е годы XI века, а умер в начале XII века. Известно, что он был пострижен при игумене Стефане (Стефан был игуменом в 1074 – 1078 годах) и возведен в сан диакона. Предполагают, что канонизирован Нестор не был (О.В. Творогов).

Нестор помимо широко известной «Повести временных лет» написал еще несколько произведений. Он является автором двух памятников древнерусской литературы – это ранние житийные произведения Нестора: «Чтение» о князьях Борисе и Глебе и «Житие Феодосия Печерского». Уже эти произведения, как пишет академик Д.С. Лихачев, «характеризуют его как писателя, склонного к большим историческим обобщениям и к тщательной проверке исторического материала».

В своем первом произведении – «Чтение о житии и погублении блаженную страстотерпцю Бориса и Глеба» Нестор описывает историю гибели сыновей русского князя Владимира Святославовича. Автор размышляет о вечной борьбе добра и зла – это является своеобразным введением к самому повествованию. Добро воплощают Борис и Глеб, а зло – Святополк. Уже в пер-

вом произведении Нестора проявились такие черты его личности, как пытливость, стремление к достоверности, к большим историческим обобщениям, мудрость.

Позднее Нестор обращается к описанию жизни и деятельности игумена Феодосия, одного из основателей Киево-Печерского монастыря.

Киево-Печерский монастырь с середины XI века становится центром русского просвещения. Здесь получили образование первые русские епископы и священники; в стенах этого монастыря расцветали книжность и литература. «Житие преподобного отца нашего Феодосия, игумена Печерского» (таково полное название произведения), написанное Нестором, правдиво отражает киевскую жизнь той поры, монастырский быт XI века; произведение содержит яркие, живые характеристики и монахов, и мирян. Нестор описывает чудеса, которые совершал игумен Феодосий, при этом уже проявляет себя как талантливый писатель: исследователи отмечают мастерство диалогов, бытовых деталей в произведении, интересные образы. Так, талантливо обрисован образ матери Феодосия — женщины властной, решительной, волевой, даже суровой, которая не разделяет религиозные взгляды своего сына, сурово и жестоко обращается с ним в детстве (жестоко избивает, сажает на цепь), чтобы тот перестал думать о пострижении в монахи, о служении Богу. Интересен, неоднозначен и образ самого игумена Феодосия: крайне смиренный, терпеливый, он резко осуждает князя Святослава за его неблагоприятные поступки.

Имя Нестора связано и с таким жанром древнерусской литературы, как летопись. В 1037–1039 гг., как пишет академик Д.С. Лихачев, была составлена первая русская летопись — Древнейший Киевский свод. А далее, с начала 60-х годов XI века, игумен Киево-Печерского монастыря Никон продолжил ведение летописания. В 1073 году он составил второй летописный свод. С Киево-Печерским монастырем связан весь начальный период русского летописания. Как пишет Д.С. Лихачев, «по

38

существо все внешние особенности русского летописания – его связь с фольклором, с деловой речью (посольской, воинской, юридической и пр.), хронологический принцип изложения (построение его по годовым статьям) и т. д. – все это определилось уже здесь, в Киево-Печерском монастыре. Здесь же определились и многие идейные черты русского летописания – его публицистические тенденции, его учительный по отношению к княжеской власти характер, его рассудительность и принципиальность».

Нестор – сподвижник Антония и Феодосия Печерских. Собирая сведения о русской истории IX и начала X века, Нестор сталкивался и достойно преодолевал серьезные трудности. Часто он выступал как настоящий исследователь, которому приходилось, имея очень скудный материал, создавать стройную и объективную картину исторического развития Руси.

В своем произведении «Повесть временных лет» Нестор связал русскую историю с мировой, показал центральное значение русской истории среди других мировых держав. Нестор убедительно доказал, что русский народ имеет свою богатую историю, которой он заслуженно может гордиться. Само название произведения говорит о той цели, которую преследовал автор: «Се повесть временных лет, откуда есть пошла Русская Земля, кто в Киеве нача первее княжити и откуда Русская земля стала есть».

Как предполагает Д.С. Лихачев, «Повесть временных лет» появилась около 1113 года.

Первоначально одним из основных источников рассказа Нестора являлась греческая хроника Георгия Амартола и его продолжателя; собственно русских в нем немного – это: водворение Олега в Киеве, женитьба Игоря, поход Ольги на Царьград, второй поход Олега и смерть Игоря. Только потом постепенно Нестор начинает все больше следовать предшествующей летописи.

Важно отметить, что при работе над «Повестью временных лет» Нестор использовал тексты договоров русских с греками.

Он ясно понимал все значение этих документов и вставлял их текст в свое изложение, использовал также для проверки хронологических данных, уточнения княжеской генеологии. Как считают исследователи, эти договоры были выданы Нестору из княжеской казны.

Помимо текстов договоров Нестор использовал в своем рассказе народные предания: это рассказ о том, как Ольга сожгла Искоростень при помощи птиц, к которым был привязан подожженный трут; это также рассказ о белгородском киселе, в котором повествуется о том, как белгородцы налили кисель в колодец и таким образом убедили печенегов, осаждавших их город, что их кормит сама земля; это и рассказ о поединке юноши-кожемяки с печенежским богатырем.

«Последнюю часть своей летописи, по 1110 год, — отмечает Д.С. Лихачев, — Нестор писал в значительной мере на основании лично им собранных сведений». В этой части летописи сказалась типичная для Нестора манера изложения от первого лица.

В «Повести временных лет» проявились глубокий патриотизм автора, широта политических взглядов, обстоятельность, широкая начитанность Нестора, его талант историка-мыслителя. Нестор проявляет себя незаурядным исследователем. Его исследования в области хронологии, подчеркивает Д.С. Лихачев, «изумительны». В «Повести временных лет» проявился и талант Нестора как писателя. Пользуясь литературными источниками, Нестор свободно перестраивает, видоизменяет их текст, сокращает и упрощает его, подвергает стилистической правке.

Серьезное литературное образование Нестора, его исключительная начитанность в источниках, его умение выбрать наиболее существенное при сопоставлении разных источников, по мнению замечательного исследователя древнерусской литературы акад. Д.С. Лихачева, сделали «Повесть временных лет» «цельной, литературно изложенной историей Руси».

Летописец Епифаний Премудрый

Епифаний Премудрый был одним из ярких деятелей древнерусской культуры: агнограф – автор житийной литературы (агнография – вид церковной литературы – жития, жизнеописания святых), эпистолограф (эпистолография – вспомогательная историческая дисциплина, изучающая типы и виды личных писем древнего мира и средних веков), летописец, один из самых известных нам авторов житийной литературы.

Епифаний Премудрый предположительно жил в конце XIV–начале XV века; он учился в Ростовском монастыре Григория Богослова, т.н. Затворе, изучал там славянский и греческий языки. В изучении греческого языка ему очень помогло то, что в Ростове церковное богослужение велось параллельно по-гречески и по-славянски (об этом мы узнаем из «Повести о Петре, царевиче Ордынском»).

Епифаний Премудрый прекрасно знал Псалтырь, Новый и Ветхий Завет, был хорошо начитан в святоотеческой и агнографической литературе. Об этом свидетельствует тот факт, что в сочинениях Епифания Премудрого мы встречаем огромное количество приведенных по памяти, искусно соединенных с авторской речью цитат и фрагментов из этих книг.

Епифаний Премудрый побывал в известных святых местах мира – он был в Константинополе, на острове Афон в Греции и в Иерусалиме, об этом мы узнаем из написанного им Похвального слова прп. Сергию Радонежскому.

Сам Епифаний считал себя учеником прп. Сергия, а Пахомий Серб (Пахомий Логофет), русский ученый – монах, писатель-агнограф XV в., автор ряда житий московских и новгородских святых, который в XV веке редактировал «Житие преподобного Сергия Радонежского», говорил, что Епифаний Премудрый «много лет, паче же от самого возраста юности», жил вместе с Сергием Радонежским, основателем и игуменом Троицкой обители под Москвой.

Вообще это был очень грамотный, образованный по тому времени человек, опытный книжник, переписчик текстов — тогда на Руси еще не было книгопечатания, оно появилось в России только в XVI веке; причем книжник талантливый, относившийся очень бережно и вместе с тем творчески к переписываемому им тексту; Епифаний Премудрый написал Стихира (в 1380 г.) и сделал в нем ряд приписок, в т. ч. о происшествии 21 сентября 1380 года, на тринадцатый день после Куликовской битвы, и содержащих его имя.

Живя в Москве, Епифаний Премудрый познакомился с Феофаном Греком (около 1340 — после 1405), живописцем, родом из Византии, вместе с А. Рублевым и Прохором с Городца расписал старый Благовещенский собор в Московском Кремле, автором фресок и икон. Они вели долгие беседы о жизни, искусстве, испытывали чувства искренней симпатии друг к другу. Их сближало и то, что Епифаний Премудрый тоже был художником, книжным графиком — об этом потомкам стало известно из написанного в 1415 году письма Епифания Премудрого архимандриту Кириллу.

В 1408 году, во время нашествия Едигея, Епифаний Премудрый, собрав все свои книги, бежит в Тверь. Его приютит там архимандрит Кирилл.

В 1415 году Епифаний Премудрый возвращается в Троице-Сергиевый монастырь, потому что в это время он работает над житием основателя обители прп. Сергия Радонежского, а это требовало его присутствия в монастыре. Житие прп. Сергия Радонежского он закончил спустя три года, в 1418 году.

Умер Епифаний Премудрый не позже 1422 года — времени открытия мощей Сергия Радонежского.

Первым произведением Епифания Премудрого является «Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшего в Перми епископа («Слово» о Стефане Пермском).

Оно было написано под свежим впечатлением от смерти Стефана Пермского в 1396 году. Стефан Пермский (ок. 1345 —

1396) – русский миссионер-просветитель в землях Коми, 1-й епископ новой Пермской епархии; составил азбуку языка Коми и перевел на древнекоми язык ряд церковных произведений.

Епифаний Премудрый очень ответственно и добросовестно отнесся к этому труду. Он долго и старательно собирал везде сведения о Стефане, воспроизводил на письме собственные воспоминания. На работу над «Словом», как он сам говорил, его толкнула любовь к Стефану и желание рассказать о его жизни и подвижничестве.

Образ Стефана Пермского, его личность находятся в центре повествования. Автор говорит об учебе Стефана, о его прозорливом уме и его трудах по созданию пермской азбуки и пермской церкви.

«Слово» о Стефане Пермском является ярким литературным произведением. Для него характерна очень живая и богатая тональность описания (в нем сочетаются пафос, патетика и вместе с тем ирония – над собой, над церковными карьеристами). Нередко в тексте встречаются пословицы, интересная игра со словами (например: «епископ» «последователь» наречется, – и посетителя посетила смерть»).

В свою речь и речь своих персонажей автор широко вводил библейские выражения; он вообще, как замечают ученые, очень внимателен к смысловой и звуковой стороне слова, к оттенкам слова. Иногда в тексте встречаются периоды, фразы, близкие к стихотворным, – Епифаний Премудрый использует прием созвучия окончаний, что создает особую ритмичность текста. Кроме этого «Слово» насыщено метафорами, эпитетами, сравнениями.

Главным произведением Епифания Премудрого является «Житие Сергия Радонежского». Преподобный Сергей Радонежский (родился в 1314 г., умер в 1392 г.) является одним из самых почитаемых русских святых, это замечательная личность, великий подвижник (подвижниками называют людей, способных на подвиг, на самопожертвование), человек, вся

жизнь которого связана с Россией, со служением родному Отечеству и своему народу. Он создал знаменитую Троице-Сергиеву обитель под Москвой и являлся его игуменом.

«Житие Сергия Радонежского» Епифания Премудрого значительно по объему (больше, чем «Слово» о Стефании Пермском), содержит множество главок с собственными названиями.

Если сравнивать эти два произведения, можно обнаружить много общего: критическое отношение к действиям московской администрации на присоединяемых землях; особо уважительное отношение автора к герою жития, совпадает ряд цитат из Святого Писания, выражений и образов.

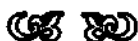
Однако есть и различия. Стиль «Жития» более ровный и спокойный, здесь значительно меньше иронии, игры со словами, почти нет ритмических периодов.

Кроме этих произведений Епифаний Премудрый написал «Слово о житии князя Дмитрия Ивановича (Донского)». Ученые предполагают, что, причастный к московскому летописанию, Епифаний Премудрый выполнял литературные заказы составителя общерусского летописного свода, написав для него, в частности, «Слово о житии и о преставлении великого князя».

Г.П. Прохоров считает, что «как признанный мастер своего дела, Епифаний Премудрый, по всей видимости, служил двум русским митрополитам – Киприану и Фотию: одному как публицист-летописец, другому как анонимный соавтор одного из его посланий».

Епифаний Премудрый был прекрасно начитанным и образованным писателем-профессионалом Древней Руси, он владел своими собственными литературными приемами, прекрасным и разнообразным стилем. Поэтому он мог быть и бесстрастным, и ликующим, горестным, сдержанным, ироничным – самым разноплановым, благодаря чему сумел так точно и выразительно донести до нас личность того, о ком писал.

ЛИТЕРАТУРА XVIII ВЕКА

ИВАН ИВАНОВИЧ ХЕМНИЦЕР

Страницы жизни

Иван Иванович Хемницер — крупнейший русский баснописец второй половины XVIII века. Он сыграл важную роль в создании русской национальной басни.

Великий русский литературный критик Виссарион Григорьевич Белинский отмечал, что И.И. Хемницер был первым русским баснописцем, предшественником великого И.А. Крылова, которому Крылов «много обязан».

Басни И.И. Хемницера охотно читались и высоко ценились современниками писателя, они были очень популярны в XVIII—XIX вв. — до середины XIX века вышло 35 изданий басен И.И. Хемницера.

Иван Иванович Хемницер родился 5 января (по старому стилю) 1745 года на Волге, в Енотаевской крепости, недалеко от Астрахани. Его отец и мать были немцами. Отец будущего баснописца, саксонский подданный Иоганн Хемницер, прибыл в Петербург еще в царствование великого Петра, Петра I. Здесь он получил должность военного штабного лекаря в петербургском сухопутном госпитале. Ему пришлось нелегко в чужой для него стране, пришлось вместе с женой немало постранствовать; так, по долгу службы отец И.И. Хемницера должен был с женой и 3-месячным ребенком странствовать по калмыцким степям. Вот там, в странствиях, отец сам обучал и воспитывал сына — обучил мальчика немецкому и латинскому языкам, а еще начал арифметику.

Когда сыну, маленькому Ивану, было шесть лет, родители поселились в Астрахани. Отец, думая об образовании сына, отдал его пастору Нейбауэру, который сразу заметил способности мальчика и порекомендовал отцу отдать его в трудный «синтаксический» класс. Так и было сделано. Мальчик был очень пытливым, любознательным, и в свободное время, которое оставалось у него после занятий, он занимался русским языком (отец нашел ему учителя русского языка), а также арифметикой и геометрией — один из офицеров-инженеров взялся обучать его этим наукам.

А затем родители переехали в столицу России — в Петербург. Ивану было тогда 11 лет. Жила семья Иоганна Хемницера (кроме Ивана, было еще двое детей) небогато: хоть и был Иоганн известным в медицине человеком, но он был добр и бескорыстен.

Отец хотел, чтобы сын продолжил его дело, стал врачом; поэтому он отдает его в медицинское училище. Однако через два года молодой Хемницер покинул дом и, скрыв свой возраст, поступил на военную службу — записался добровольцем в рядовые Петербургского (Шлиссельбургского) полка.

Молодой Хемницер был не только образованным, но и добрым и бескорыстным человеком — черты, которые он взял у своего отца. Биограф И.И. Хемницера отмечает: «Одаренный острым понятием и памятью. Преуспел он скоро в языках и науках, в общежитии необходимых; рожденный с добрым сердцем, легко заимствовал он от родителей своих коренные добродетели, наипаче: простосердечие, воздержанность, бескорыстие и горячность в дружбе».

На военной службе Иван Иванович Хемницер пробыл двенадцать лет. За это время он принял активное участие в семилетней войне с Пруссией, был адъютантом у нескольких русских военачальников и дослужился до поручика. Но военная служба, так же как и медицинская карьера, не удовлетворяет Хемницера, и он выходит в отставку. Он увлекается минералогией, горным делом

и поступает в Горное ведомство — в Горное училище. Вскоре он, как человек знающий и пытливый, становится членом ученого собрания при Горном училище, переводит — и не только механически переводит, но и изменяет, корректирует книгу ученого И. Лемана «Кобальтословие», затем переводит еще два сочинения по минералогии, составляет минералогические коллекции для этого общества, принимает участие в составлении Горного словаря. И уже тогда, в те же годы, И.И. Хемницер начинает заниматься литературной деятельностью — он пишет сочинения в жанре басни. Правда, будучи очень скромным человеком, он никому не говорит и не показывает свои сочинения. И только в 1879 году по настоянию Василия Васильевича Капниста, русского поэта и драматурга XVIII века, и Н.А. Львова он издает сборник под названием «Басни и сказки N...N...» (без указания своего имени), в который вошли 33 басни. Этому знаменательному событию в жизни И.И. Хемницера предшествовали два важных момента: длительное путешествие по Европе — в 70-е годы вместе с Николаем Александровичем Львовым, талантливым и разносторонним человеком — русским архитектором, художником, поэтом, музыкантом, ближайшим другом знаменитого русского поэта Г.Р. Державина, он посещает Голландию, Францию, Германию, а также вступление будущего баснописца в литературный кружок, где он знакомится с русскими известными писателями Г.Р. Державиным, В.В. Капнистом и другими. Члены этого кружка, известные русские литераторы, стремились создать национальную литературу, национальную поэзию, серьезно интересовались народным творчеством.

Сборник басен И.И. Хемницера был посвящен Марии Алексеевне Дьяковой, красивой, умной девушке, которой он всерьез был увлечен, хотел вместе с ней создать семью, не зная о том, что она уже втайне (родители были против ее брака) обвенчана с другим.

Из воспоминаний и писем знакомых и друзей И.И. Хемницера отчетливо вырисовывается образ будущего знаменитого

русского баснописца: человек увлекающийся, полностью поглощенный научными и литературными интересами, скромный, застенчивый, несколько чудаковатый и не приспособленный к жизни, но честный и очень порядочный человек. Хемницер так пишет сам о своей жизни в автоэпитафии «Надгробие на меня самого»:

Не мни, прохожий, ты читать: «Сей человек
Богат и знатен прожил век».
Нет, этого со мной, прохожий, не бывало,
А все то от меня далеко убегало,
Затем что сам того иметь я не желал
И подлости всегда и знатных убегал».

После ухода из Горного училища И.И. Хемницер какое-то время бедствовал без работы, а затем, при содействии Н.А. Львова, получил должность генерального консула в турецком городке Смирна. И там Хемницеру пришлось достаточно нелегко: жил он один и очень чувствовал свое одиночество в чужой стране, получал скудное жалованье и терпел разные невзгоды (сначала ему вообще не присылали жалованье, а потом, когда деньги стали доходить до него, представляли собой очень небольшую сумму). Но, несмотря на это, И.И. Хемницер честно выполнял свои обязанности, проявляя честность, принципиальность, строгость; он не брал подарков, которые присылали ему турки в расчете на его расположение (дорогие ковры, платки ручной работы и пр.). Он честно пытался расширить связи России с Турцией, однако в то время его усилия не могли увенчаться успехом — это был период обострения русско-турецких отношений после присоединения к России Крыма.

В Смирне И.И. Хемницер тяжело заболел. Он надеется вернуться домой, в Россию, но этой надежде не суждено сбыться. 20 марта по старому стилю Ивана Ивановича Хемницера не стало. Ему не было еще и сорока лет. Останки И.И. Хемницера были перевезены в Россию и похоронены в г. Николаеве.

На памятнике И.И. Хемницеру в Николаеве высечены слова из эпитафии баснописца, написанной для самого себя:

Жил честно, целый век трудился,
И умер гол, как гол родился.

И.И. Хемницер прожил суровую, одинокую, трудную жизнь. По существу он никогда не испытывал материального благополучия, вечно нуждался, испытал много невзгод, начиная с солдатской жизни и кончая периодом работы консулом в Турции. И вместе с тем такая жизнь не сломала его, не сделала озлобленным, злым — он всегда оставался добрым, справедливым и порядочным человеком.

Незадолго до смерти И.И. Хемницер был избран в члены Российской академии наук. А уже после его смерти его близкие друзья, Н.А. Львов и В.В. Капнист, разыскали в бумагах умершего друга басни, которые он писал, и в 1799 году, в год рождения другого талантливейшего литератора, великого русского поэта А.С. Пушкина, опубликовали сборник «Басни и сказки И.И. Хемницера, в 3-х частях», включив в него и ранее опубликованные писателем басни.

К истории развития басенного жанра в России

Басня — это жанр дидактической, поучительной литературы. Дидактическая литература излагала философские, моральные и научные знания и идеи в форме художественного произведения. Дидактические элементы в той или иной степени содержали многие жанры древнерусской литературы. Это эпические произведения — крупные повествовательные (повесть) и малые (притча, басня, афоризм), многочисленная житийная литература (жи-

тия святых), дидактическая лирика (поучения, назидательные послания).

В Литературном энциклопедическом словаре дается такое толкование басни: «Басня – это короткий рассказ в стихах или прозе с прямо сформулированным моральным выводом, придающим рассказу аллегорический смысл».

Своей повествовательной частью басня близка к сказкам, особенно к животным сказкам; моралистической частью, там, где содержится мораль, – к пословицам. Поэтому ученые считают, что это довольно сложный жанр.

У басни существуют традиционные образы: животные, растения, схематические фигуры людей, мотивы, сюжеты типа: «Как кто-то хотел сделать себе лучше, а сделал хуже».

Элементы басенного жанра есть в фольклоре (устном народном творчестве) всех народов.

Сложилась басня как литературный жанр в Греции, в VI веке до н. э., в творчестве Эзопа. Он и считается создателем басни как литературного жанра. По преданиям, Эзоп был народный мудрец, хромым раб, незаконно обвиненный в воровстве и сброшенный со скалы по решению дельфийских жрецов. Эзоп, как утверждают исследователи, является автором сюжетов почти всех известных в античности басен, которые были собраны в сборники «Эзоповы басни» еще в IV–III- веках до н. э. В XIV–XV веках эти сборники выходили в самых разных редакциях.

Из Древней Греции басня распространяется на Восток, а затем – обратно на Запад (в Индию, Сирию, Арабские страны). Широко известными западными баснописцами являются Федр и Бабрий, Жан Лафонтен, К.Ф. Геллерт и другие.

В России история басни имеет несколько этапов. Это потешная басня Александра Петровича Сумарокова, поэта и драматурга XVIII века (он жил в 1717 – 1777 годах); наставительная басня Ивана Ивановича Хемницера, крупнейшего русского баснописца второй половины XVIII века; изящная басня Ивана Ивановича Дмитриева, русского поэта конца XVIII – первой трети XIX века;

лукаво-умудренная басня Ивана Андреевича Крылова, знаменитого поэта-баснописца и драматурга конца XVIII – середины XIX века; красочно-бытовая басня Александра Ефимовича Измайлова (1779–1831 гг.).

А.П. Сумароков писал свои произведения в соответствии с мировой басенной традицией, однако у него своя манера, и он этого не скрывает:

Кто как притворствовать не станет,
Всевида не обманет.
На русску стать я Федре преврачу,
И русским образом я басню сплесть хочу.

Основные темы А.П. Сумарокова – это мир зла, мир эгоизма и корыстолюбия. Он считает, что зло и корыстолюбие ничего, кроме зла, не могут породить, зло порождает зло. Об этом он пишет, например, в басне «Коловратность» (характерно само название басни: «коло» – круг; мир отношений, построенный на корыстолюбии и эгоизме, создает порочный круг, ведет к всеобщему истреблению):

Собака кошку съела,
Собаку съел медведь,
Медведя, зевом, лев принудил умереть,
Сразити льва рука охотника умела,
Охотника ужалила змея,
Змею загрызла кошка.
Сия
Вокруг одна дорожка.
А мысль моя
И видно нам неоднократно,
Что все на свете коловратно.

А.П. Сумароков, чье творчество имеет большое значение в развитии русской поэзии 1750–1760 гг., подготовил расцвет жанра басни в творчестве И.И. Хемницера и И.А. Крылова.

И.И. Хемницер был после А.П. Сумарокова крупнейшим баснописцем в русской литературе. Его книга «Басни и сказки», выпущенная в 1779 году, была, как отмечают ученые (И.З. Серман),

новаторским явлением в басенном жанре. Его басни не так смешны, как басни Сумарокова, в них преобладает сатира на общие пороки, свойственные человеку, к какой бы национальности он ни относился.

Так, в басне «Крестьянин с ношею» поэт делает общий вывод:

Коль часто служит в пользу нам,
Что мы вредом себе считаем!

Коль часто счастье несчастьем зовем,
И благо истинно, считая злом, клянем!
Мы вечно умствуем и вечно заблуждаем.

И.И. Дмитриев много переводил французских поэтов, и в особенности Лафонтена. Жан де Лафонтен (1621—1695) — французский писатель; кроме пьес и поэм он писал и басни. С 1669 по 1694 год вышло 12 книг «Басен» Лафонтена. На русский язык басни Лафонтена переводятся со второй половины XVIII века поэтами М.В. Ломоносовым, В.А. Жуковским, К.Н. Батюшковым, И.И. Дмитриевым.

Ивану Ивановичу Дмитриеву удалось передать непринужденность басен Лафонтена, проникнуть в их сущность. Некоторые критики ставили его мастерство даже выше И.А. Крылова, называя его произведения «блестящими произведениями дарования и остроумия» (поэт П.А. Вяземский).

В баснях И.И. Дмитриева мы видим сочувствие к честным беднякам и осуждение злых богачей. Поэту присущи вместо тяжелой назидательности предшественников легкость, изящность слога, тонкая насмешка. К примеру, в басне «Пчела, Шмель и я» он с иронией рисует образ бездарного поэта-подражателя:

Я, лучшим следуя певцам,
Пишу, пишу, тружусь, потею
И рифмы, точно их кладу,
А все в чтецах не богатею
И к славе тропки не найду!

И.А. Крылов справедливо считается создателем жанра басни в России: «...истинным своим торжеством на святой Руси басня обязана Крылову. Он один у нас истинный и великий баснописец» (В.Г. Белинский).

Басни разных времен и народов являются выражением национального характера. «... отличительная черта в наших нравах есть какое-то веселое лукавство ума, насмешливость и живописный способ выражаться», — говорил великий русский поэт А.С. Пушкин. Он считал И.А. Крылова ярким представителем духа своего народа.

Творчество И.А. Крылова тесно связано с русской и мировой басенной традицией. В основу его басен легли басня восточная, античная, средневековая, европейская басня новых времен, и особенно русская басня.

Крылов был убежден в том, что русская литература должна быть правдивой, демократической, должна изображать истинную жизнь народа, преследовать и карать зло. Особенность творчества И.А. Крылова состоит в том, что, какие бы пороки он ни высмеивал, предметом его сатиры всегда было современное ему общество. Все «общечеловеческое» было для поэта современным, злободневным.

Особенностями басен Крылова являются гиперболизация и аллегория. Аллегория — это иносказание, которое прикрывает истинный смысл, аллегорическое повествование преподает истину более резко, остро; иносказание необходимо для более точного, полного и правдивого изображения жизни. По словам литературоведа В. Архипова, Крылов «учил литературу тайнописи, а читателя искусству углубленного прочтения и выявления смысла потаенной литературы». С детства мы помним знаменитые басни Крылова «Стрекоза и Муравей», «Ворона и Лисица», «Лебедь, Щука и Рак», «Листы и Корни» и многие другие. В них мастерски, под видом животных, высмеиваются автором-баснописцем такие человеческие пороки, как лень, тунеядство, хвастовство, глупость и пр.

Басня живет в русской и европейской литературе до середины XIX века, а потом постепенно исчезает, сохраняясь лишь в публицистической и юмористической поэзии — в нашей стране в творчестве Демьяна Бедного и Сергея Владимировича Михалкова.

Общечеловеческий смысл басен И.И. Хемницера

И.И. Хемницер — известный поэт-баснописец XVIII века. При его жизни был опубликован лишь небольшой сборник его басен (в него вошли 33 басни писателя). Только после его смерти друзья поэта — известный русский архитектор, художник, поэт и музыкант Николай Александрович Львов и Василий Васильевич Капнист, русский драматург и поэт, опубликовали полный сборник басен И.И. Хемницера — «Басни и сказки И.И. Хемницера, в 3-х частях» (1799 г.).

Общее содержание басен И.И. Хемницера достаточно разнообразно, но их все объединяет то, что поэт пишет о нравственности, о нравственных законах. Для него главный интерес представляет человек — его личность, положение в обществе, его взаимоотношения с людьми. В своих произведениях И.И. Хемницер говорит о человеческом достоинстве, правде, честности, пользе труда, о просвещении. И вместе с этим он обличает многие пороки современной ему жизни — бесчеловечность, поклонение богатству, невежество, взяточничество, бесчеловечность, все то, что отсутствовало в его характере и в жизни: по воспоминаниям современников, он был очень добрым, справедливым, бескорыстным и достойным человеком.

И.И. Хемницер много сам пережил, многое видел и испытал, и поэтому подмеченные им стороны современного ему общества

очень точны и верны. Как писали его современники (проф. Галахов, Н.А. Львов и др.), басни И.И. Хемницера служат верным отражением его характера и жизни.

Хемницер — тонкий наблюдатель, способный проникать в глубины человеческой души и анализировать ее свойства.

Мы люди — и губим людей,
И зло от нас и к нам стремится.
Кого сегодня мы браним,
Кого сегодня унижаем,
С тем завтра дружно говорим,
Того же завтра возвышаем,
И ту же поврежденну честь,
Сплетая нову ложь и лесть,
Честей всех лучше называем.
В обманах вечных жизнь ведем,
От лести к лести переходим,
И только в обращеньи сем
Мы утешенье находим:
Кого как лучше провести,
Других столкнуть, себя извести,
Вот в чем мы век свой весь проводим.

Нарисованная в этом стихотворении картина жизни и человеческих отношений — точна и правдива, сохранила свое содержание до наших дней, т. к. в ней показана глубина природы человеческих отношений.

Отличительными особенностями басен И.И. Хемницера являются простота и краткость нравоучений, простота изложения, «злая наивность», по верному замечанию исследователя жизни и творчества И.И. Хемницера в XIX веке И.М. Терновского (Терновский И.М. Хемницер и язык его басен. Воронеж, 1885), при всей их, басен, бесхитростности.

Известный русский баснописец осуждал войны — их бесчеловечность, все зло, которое они приносят. В басне «Два льва, соседи...» (она не была напечатана при жизни И.И. Хемницера) он показывает нелепость войны, которую развязывают

только из корыстолюбия и честолюбия, но из-за которой страдает множество судеб:

Два льва, соседи меж собой,
Пошли друг на друга войной,
За что, про что — никто не знает,
Так им хотелось, говорят.
А сверх того, когда лишь только захотят,
Как у людских царей, случается, бывает,
Найдут причину не одну,
Чтоб завести войну.

С гневом говорит И.И. Хемницер о власти денег, которая уничтожает в человеке его достоинство, дает ничтожным и подлым людям власть:

Сей свет таков, что кто богат,
Тот каждому и друг, и брат,
Хоть не имей заслуг, ни чина
И будь скотина;
И кто бы ни был ты таков,
Хоть родом будь из конюхов,
Детина будешь как детина;
А бедный, будь хоть из князей,
Хоть разум ангельский имей
И все достоинства достойнейших людей, —
Того почтения не дождется,
Какое богачу всегда уж воздается.

«Хемницер, — пишет исследователь Н. Степанов, — неоднократно возвращается к вопросу социального неравенства, несправедливости того общественного порядка, при котором бесчиновные и неимущие труженики обречены на нищету и унижение со стороны богатых и знатных тунеядцев». Эта мысль является основной в басне «Конь верховый», где простая труженица-кляча противопоставлена «гордому», «верховому» коню. Конь — важен, хвастается своим убором, хвалится тем, что все уступают ему дорогу. В ответ на это скромная рабочая лошадь справедливо ему отвечает:

Несносна кляче спесь коня.
«Пошел, хвостун! — ему на это отвечает. —
Оставь с покоем ты меня.
Тебе ль со мной считаться
И мною насмехаться?
Не так бы хвастать ты умел,
Когда бы ты овса моих трудов не ел».

Эта басня И.И. Хемницера предвосхищает известную басню великого русского баснописца И.А. Крылова «Листы и Корни», в которой сатирически высмеивается паразитизм господствующих классов, живущих за счет народа и уверенных в том, что только их трудом держится земля.

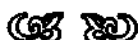
И.И. Хемницер высмеивает и осуждает лицемерие, скупость богатых, состоятельных людей. В его басне «Благодеяние» вдова, неожиданно разбогатевшая, всем и везде громко говорит о своем желании помогать бедным. Но когда к ней приходит нищий просить милостыню, она отказывает ему:

«Суди Бог, — говорит, — кто бедных покидает». —
И нищему большой гнилой сухарь несет.

Баснописец в своих произведениях выступает против беспрекословной покорности человека, он уверен, что человек должен быть свободным — тогда он будет и счастливым. В своей басне «Воля и неволя» он рассказывает, как голодный волк встречается с сытой собакой; та хвастается своей счастливой жизнью — беззаботной, сытой, роскошной, тем, как много еды ей достается от хозяина. Волк, «сраженный» ее рассказом, хочет уже идти к ее хозяевам, но вдруг замечает у нее на шее следы от привязи.

«На привязи? — тут волк вскричал. —
Так ты не все живешь на воле?
— «Не все; да полно, что в том нужды? — пес сказал.
— «А нужды столько в том, что не хочу я боле
Ни за что всех пиров твоих;
Нет, воля мне дороже их,
А к ней на привязи, я знаю, нет дороги!»
Сказал, и к лесу дай Бог ноги.

ЛИТЕРАТУРА XIX ВЕКА

ИВАН АНДРЕЕВИЧ КРЫЛОВ

Басня И.А. Крылова «Лжец»

И.А. Крылов справедливо считается создателем жанра басни в России: «...истинным своим торжеством на святой Руси басня обязана Крылову. Он один у нас истинный и великий баснописец», — говорил великий критик В.Г. Белинский.

Крылов был убежден в том, что русская литература должна быть правдивой, демократической, должна изображать истинную жизнь народа, преследовать и карать зло. В его произведениях с удивительным мастерством художника-баснописца нашли воплощение современная ему жизнь, а также личность самого писателя: народная мудрость, сила духа и мужество, умение выделить самое главное в сути человеческих характеров и проблем, ненависть к угнетателям — паразитирующим классам помещиков и чиновников, убежденность и непоколебимость его взглядов и убеждений. Особенность творчества И.А. Крылова состоит в том, что, какие бы пороки он ни высмеивал, предметом его сатиры всегда было современное ему общество. Все «общечеловеческое» было для поэта современным, злободневным.

Незамысловатые, простые, на первый взгляд, басни Крылова требуют очень внимательного, вдумчивого прочтения: за этой внешней простотой скрывается многое, и важно не упустить эту истину, не пройти мимо той сути, что скрыта за внешние неприятными диалогами, сюжетами, героями.

Каждая басня Крылова — своего рода драматическая сценка, поэтому в них так велика роль диалога, языковых характеристик персонажей.

И.А. Крылов первым в истории русской литературы сблизил литературный язык с живой народной речью, вводя в него просторечные слова, пословицы и поговорки, придавая языку «народный склад» и живую разговорную интонацию. Как верно отмечают исследователи творчества Крылова (В. Виноградов, Н. Степанов, В. Архипов и др.), основным стилистическим принципом басенного языка Крылова является отсутствие всяких разграничений между книжным и разговорным языками.

Очень простая, на первый взгляд, басня И.А. Крылова «Лжец» заключает в себе глубокий смысл. В этой басне, одной из лучших в творчестве писателя, мастерски высмеиваются такие человеческие пороки, как лживость, пренебрежение к родной стране, преклонение перед всем иностранным, хвастливость, высокомерие, глупость, хвастливость, самодовольство. Однако смысл басни значительно глубже: мы слышим не только безобидный смех писателя, но и чувствуем его сатирически-гневное обличение людей, пресмыкающихся перед всем иностранным, не умеющих и не желающих видеть в родной стране всего того, что есть в ней неповторимого, замечательного, стоящего, людей, не умеющих ценить свою историю, культуру, традиции, не помнящих своих корней, людей недалеких, высокомерных, самодовольных, лишенных чувства собственного достоинства.

Лжец в басне Крылова — не просто безобидный «враль», обманщик; это человек, который не только не любит, но и презирает, унижает свою страну, которому все здесь не мило, все не по сердцу, тогда как в любом другом государстве — все прекрасно; это человек неумный, самодовольно-высокомерный, лишенный чувства человеческого достоинства (жить в стране, которую так нещадно поносишь, — значит не уважать себя как личность). И нам не важно, к какой социальной груп-

пе относится этот «герой» басни — дворянин или крестьянин (хотя правы исследователи, замечая, что Лжец — дворянин: во времена Крылова презрение ко всему родному вместе с прославлением всего чужого, иностранного было присуще прежде всего высшим кругам общества), важно, что баснописец обличает саму сущность этого человеческого порока.

В своей басне Крылов сатирически изображает ложь как выражение нелюбви, презрения к своей родной стране и, напротив, неумного восторга, почтения и преклонения перед другими странами.

В басне «Лжец» проявилось мастерство Крылова — он показывает, каким образом мастерски герою удалось остановить расхваставшегося вконец Лжеца. Только скрытым образом припугнув Лжеца (искусный ход писателя: бить врага его же оружием!), пустив в ход выдумку о наказании лгунов (мост через реку не выдерживает груза лжи!), — герой заставляет Лжеца, по сути, признать свой рассказ выдумкой, неправдой, ложью.

Особенностями басен Крылова являются гиперболизация и аллегория. Аллегория — это иносказание, которое прикрывает истинный смысл, аллегорическое повествование преподает истину более резко, остро; иносказание необходимо для более точного, полного и правдивого изображения жизни.

С помощью такого художественно-изобразительного средства, как гипербола, писатель точно передает лживость своего персонажа. Лжец пытается подчеркнуть «удивительность» жизни в «заморских странах»:

«Ни шуб, ни свеч...
Ни садят, ни сеют...
Огурец — с гору...»

Все, о чем рассказывает с таким восхищением Лжец, — явное, совершенно фантастическое преувеличение: температура круглый год держится на одной планке; сказочно обильный и разнообразный урожай при том, что никто не трудится; и как завершение всего этого диковинного бреда — конкретный пример: в

этих заморских странах произрастают неимоверно огромные огурцы размером в гору.

Удивительно лаконично и точно И.А. Крылов показывает, как меняются характер, стиль и интонация рассказа Лжеца по мере приближения к «чудесному» мосту — своеобразному индикатору на честность, детектору лжи:

«Вот в Риме...

был он с гору»;

Далее:

«Хоть римских огурец велик...

но, право, будет с дом».

И в более близком приближении к мосту:

«Ну не такое еще диво... (в ответ на слова: огурец с дом
величиной — диковинка)

Не думай, что везде по-нашему хоромы;

Что там за дома:

— В один двоим за нужду влезть,

И то ни стать, ни сесть!»

Дом, как гора, — большой дом — малюсенький домик. Все меньше размах «чудес», увиденных героем в чужой стране, все менее сказочны рассказы Лжеца, все нагляднее его ложь. Перед нами происходит незаметное на первый взгляд изменение героя басни: надменно-лживый, презрительно-высокомерный к родной земле человек — и обескураженный, сникший «герой», уличенный во лжи:

«Послушай-ка, — тут перерыв мой Лжец: —

Чем на мост нам идти, поищем лучше броду».

Крылов мастерски отбирает лексику произведения, искусно синтаксически строит басню — неслучайно так много вопросительных и восклицательных предложений в рассказе Лжеца. Постепенно, с угрозой наказания (оказаться под мостом) изменяется сама интонация речи Лжеца, уменьшается количество вопросительно-восклицательных предложений в его речи. Сравним, обратившись к тексту басни, фразы, которые наглядно показывают особенности синтаксического построения рассказа

Лжеца по мере приближения к мосту – средству отличия правды от вымысла.

1. «Что здесь у вас за край?»
«Вот там-то прямо рай!
И вспомнишь, так душе отрада!»
«А если б посмотрел, что там растет и зреет!»
«Ах, мой творец»
«И по сию не вспомню пору!
Поверишь ли?»
2. «А какова у вас река?»
3. «Гора хоть не гора, но, право, будет с дом»
4. «Послушай-ка...
Поищем лучше броду».

Так мастерски, искусно, путем тщательного отбора лексики и умелого построения фразы, используя гиперболу и аллгорию, И.А. Крылов в своей басне «Лжец» высмеивает такие нравственные качества людей, как хвастливость, высокомерие, лживость, нескромность, болтливость, глупость, отсутствие гордости за свою страну, высказывает мысль о никчемности людей, не умеющих любить Родину.

Басня И.А. Крылова
«Листы и Корни»
как выражение своеобразия художественной
манеры великого баснописца

Иван Андреевич Крылов начал писать басни достаточно поздно, когда был уже зрелым человеком, – почти в сорок лет (первые басни писателя появились в 1806 году). Вероятно, этим объясняет глубина осмысления проблем, мудрость писателя, заключенные в его баснях: всем своим предшествующим опытом жизни Крылов был подготовлен к тому, чтобы правильно и объективно оценить окружающую его жизнь и людей, сделать пра-

вильные и мудрые выводы относительно того или иного явления или проблемы.

Язык басен И.А. Крылова, как отмечают исследователи (В. Архипов, В. Коровин), отличается афористичностью, интонационным богатством, близостью к народной речи.

Особенностями языка крыловских басен, и в частности басни «Листы и Корни», являются индивидуализированность языковых характеристик, живая интонация, свободная разговорная речь, яркие, быстрые диалоги, монологи, драматизация поэтической речи, насыщенность пословицами, поговорками, фразеологизмами. Многие выражения Крылова стали пословицами, например: «Сильнее кошки зверя нет», «А жаль, что не знаком ты с нашим петухом» и др.

Крылов — мастер афоризмов. Вот некоторые из его афоризмов, не потерявшие своего актуального значения и сейчас:

«Услуга в дружбе — вещь святая», «Хлеб слаще, нажитый трудом», «Кого нам хвалит враг, в том, верно, проку нет», «Мстят сильно иногда бессильные враги», «Скупой теряет все, желая все достать», «На деньги люди чутки», «Сила без ума — сокровище плохое».

К числу особенностей стиха И.А. Крылова исследователи относят то, что басенный стих писателя ознаменовал переход от монотонно-ораторского стиха поэтов XVIII в. к живому, насыщенному разговорной интонацией, ритмически разнообразному стиху XIX в. — стиху А.С. Грибоедова, А.С. Пушкина, А.Н. Некрасова. И.А. Крылов первым в истории русской литературы сблизил литературный язык с живой народной речью, вводя в него просторечные слова, пословицы и поговорки, придавая языку «народный склад» и живую разговорную интонацию. Как верно отмечают исследователи творчества Крылова (В. Виноградов, Н. Степанов, В. Архипов и др.), основным стилистическим принципом басенного языка Крылова является отсутствие всяких разграничений между книжным и разговорным языком.

И.А. Крылов справедливо считается создателем жанра басни в России. Как говорил великий русский критик В.Г. Белинский, «...истинным своим торжеством на святой Руси басня обязана Крылову. Он один у нас истинный и великий баснописец».

Басни разных времен и народов являются выражением национального характера. «... отличительная черта в наших нравах есть какое-то веселое лукавство ума, насмешливость и живописный способ выражаться», – говорил великий русский поэт А.С. Пушкин. Он считал И.А. Крылова ярким представителем духа своего народа.

«Листы и Корни», эта маленькая по объему басня, заключает в себе широкий и глубокий смысл. Истина и ложь, незаметный повседневный труд и самодовольная праздность, этика поведения – эти глубинные философские и этические вопросы поднимает непритязательное на первый взгляд произведение.

В басне И.А. Крылова утверждается мысль о роли труда в жизни человеческой цивилизации: (человечество живет трудом, без труда не может существовать человеческое общество), об уважении к людям труда. В этой басне Крылов вновь обращается к проблеме «истина и ложь», правда, в несколько ином, нежели в басне «Лжец», плане: не в бытовом, а общеполитическом. Праздные Листы, хвастаясь своей «густотой», «зеленью», красотой, убеждают в своей необходимости:

...Не мы ль от зноя пастуха
И странника в тени прохладной укрываем?
Не мы ль красотой своей
Плясать сюда пастушек привлекаем?
У нас же раннею и позднею зарей
Насвистывает соловей...

Однако это утверждение – ложь: понятно, что без Корней не было бы и Листьев. И они сами это понимают и втайне признают. Потому-то так резко меняется их речь (интонация, лексика, синтаксис) – от самодовольного любования собой до крайнего

раздражения, негодования, когда Корни, истинные труженики, без которых невозможны жизнь и существование всего дерева, и Листьев в том числе, «смирненно» заметили, что без них «не станет дерева, ни вас»:

Кто смеет говорить столь нагло и надменно!

Кто вы такие там,

Что дерзко так считаться с нами стали?

Баснописец подчеркивает и еще один момент, связанный с этической стороной проблемы «истина и ложь»: истина – немногословна, некриклива, не требует никаких доказательств, тогда как ложь – всегда громогласна, криклива, всегда нуждается в многочисленных подтверждениях и свидетельствах.

И.А. Крылов соблюдал форму эзоповой басни: его басня «Листы и Корни» состоит из двух частей – рассказа (повествования) и поясняющей его морали. Именно в морали выражена позиция автора, авторская точка зрения на проблему.

К особенностям языка басни «Листы и Корни» справедливо отнести живость диалогов, кропотливо отобранную лексику, мастерское синтаксическое построение произведения: тщательно отобранная писателем лексика отличается лаконизмом, точностью, образностью; синтаксис фразы необыкновенно продуман и выразителен. Басне присущи многословность, преобладание вопросительных и восклицательных предложений, интонационное богатство: мы слышим хвастливые интонации Листьев и выдержанность, спокойную уверенность, лаконизм, четкость, сдержанность речи Корней. Важно отметить и удачно использованные Крыловым приемы экспрессивно-звукового выражения явлений природы и языка животных, звукопись: шепот и шелест Листьев передан искусным подбором слов с шумно - зубными, свистящими фонемами:

«Кто вы такие там,

Что дерзко так считаться с нами стали?» –

Листы, по дереву шумя, залепетали.

Крылов был убежден в том, что русская литература должна быть правдивой, демократической, должна изображать истинную жизнь народа, преследовать и карать зло. В его произведениях с удивительным мастерством художника-баснописца нашли воплощение современная ему жизнь, а также личность самого писателя: народная мудрость, сила духа и мужество, умение выделить самое главное в сути человеческих характеров и проблем, ненависть к угнетателям — паразитирующим классам помещиков и чиновников, убежденность и непоколебимость его взглядов и убеждений. Особенность творчества И.А. Крылова состоит в том, что, какие бы пороки он ни высмеивал, предметом его сатиры всегда было современное ему общество. Все «общечеловеческое» было для поэта современным, злободневным.

ВАСИЛИЙ АНДРЕЕВИЧ ЖУКОВСКИЙ

Штрихи к портрету В.А. Жуковского

В.А. Жуковский — замечательный поэт, талантливый педагог, безукоризненно порядочный человек. Таким он был широко известен и почитаем своими современниками. Это признавалось даже царской семьей — неслучайно 25 лет В.А. Жуковский служит при дворе — сначала чтецом у вдовствующей императрицы, затем учителем русского языка и литературы царственных особ — жен братьев императора, потом — воспитателем, наставником цесаревича, Великого князя Александра, будущего русского императора Александра I.

В.А. Жуковский верил в великую силу слова в воспитании, в огромное влияние поэзии. Именно поэтому он считал необходимым, уже будучи при царском дворе, ознакомление царственных особ с русской поэзией, помогающей воспитывать «чувства добрые» и поступки. Чтение поэзии, считал В.А. Жуковский, кроме того, помогало лучше знать русский язык, которым, по его глубоко-

кому убеждению, должны были хорошо владеть управляющие такой огромной страной, какой была Россия.

В.А. Жуковский был добрым и мудрым человеком, очень сердечным, чутким к чужому горю и бедам других людей. В 1822 году он отпустил своих крепостных на волю, считая недостойным человека иметь у себя в подчинении по сути рабов.

Все признавали доброту и сердечную открытость В.А. Жуковского «У него сердце на ладони», — так сказал о Василии Андреевиче поэт Батюшков. Его мнение поддерживал А.С. Пушкин: «Что за прелесть чертовская его небесная душа!» «Внушитель помыслов прекрасных и высоких!» — так обратился к В.А. Жуковскому П.А. Плетнев в 1824 году в стихотворном послании.

С 1815 года начинается двадцатипятилетняя придворная служба В.А. Жуковского при царском дворе. Сначала он становится чтецом матери-императрицы Марии Федоровны; через два года он начал обучать русскому языку и литературе жен братьев русского царя: сначала жену Николая Павловича Александру Федоровну, а потом, с 1823 г., — жену Михаила Павловича, Елену Павловну. После этого В.А. Жуковский становится учителем русского языка и литературы, а затем — и воспитанником наследника русского престола, сына русского императора Николая I. Одной из причин назначения В.А. Жуковского на эту высокую придворную должность послужили его высокие нравственные качества, всем известная порядочность поэта. Его самое главное желание — содействовать воспитанию просвещенного монарха, который будет заботиться о своих подчиненных. Вот его пожелание императору:

Да на чреде высокой не забудет
Светлейшего из званий — человек...

Жить для веков в величии народном,
Для блага ВСЕХ — СВОЕ позабывать,
Лишь голоса отчества свободном
С смирением дела свои читать...

Сам В.А. Жуковский воспринимал свое высокое придворное назначение как высокую обязанность, возможность служения добру. Новая должность давала ему возможность «творить добро». И он, не переставая, использовал эту возможность, порой видя неодобрение, прямое порицание со стороны царственных особ, вплоть до Императора. В.А. Жуковский пытался облегчить судьбу декабристов, многих из которых он знал лично, некоторые были его друзьями, к примеру, Никита Муравьев, Николай Тургенев, Михаил Орлов. Благодаря своему влиянию при дворе он пытался облегчить судьбу сосланного в ссылку А.С. Пушкина, принимал активное участие в выкупе из крепостной неволи украинского поэта Тараса Григорьевича Шевченко, освобождении из ссылки Александра Ивановича Герцена, сыграл благотворную роль в судьбе русских писателей — Е.А. Баратынского, А.В. Кольцова, М.Ю. Лермонтова.

Живя во дворце, он не изменял своим привычкам: всегда подавал нищим, и они толпились у его квартиры.

Современники отмечают такие достоинства личности Жуковского, как редкое трудолюбие, ум, мудрость, всесторонняя образованность, высокое чувство долга. В воспитании наследника престола, будущего императора Александра I, это проявилось в полной мере. В.А. Жуковский очень ответственно относился к своим обязанностям учителя российской словесности; он значительно расширил круг изучаемых предметов: история, философия, эстетика, педагогика и др., наметил и осуществил целую программу самообразования (будучи высокообразованным человеком) — перечитал художественную литературу — от античной до новейшей, историческую, педагогическую; изучал передовой педагогический опыт, отечественный и зарубежный, разработал «План учения», Программу просвещения и воспитания ума и сердца цесаревича, ознакомления его с Россией — ее прошлым и настоящим, расписание жизни цесаревича на каждый день. Все это получило одобрение родителей Великого князя.

В.А. Жуковский хотел воспитать образованного монарха и строил свои занятия таким образом, чтобы развивать ум своего царственного ученика, привить ему вкус к занятиям. Многое ему удалось сделать. Неслучайно наш современник, акад. С.О. Шмидт, называет В.А. Жуковского «великим русским педагогом». В.А. Жуковский был человеком гражданского долга, смелым и мужественным, любил Родину, поэтому в годы Отечественной войны 1812 г. он вступил в ополчение, которое шло от Москвы к Можайску, где Кутузов наметил генеральную схватку с Наполеоном. В.А. Жуковский принимал непосредственное участие в самой кровопролитной и решающей битве – в сражении под Бородино 26 сентября 1812 года. Позднее он был назначен Кутузовым чиновником по особым поручениям при Главной квартире. В новые обязанности В.А. Жуковского входило ведение журнала о ходе военных действий, подготовка проектов приказов и донесений.

По своей должности Жуковский знакомился со всеми документами, перепиской, он был одним из самых осведомленных в армии людей. Из страниц донесений, рассказов участников сражений Жуковский представлял себе грандиозность происходящих событий, силу патриотизма и героизма народа, солдат и офицеров, самоотверженную борьбу партизанских отрядов. Позже он скажет о себе так:

В рядах отечественной рати,
Певец, по слуху знавши бой,
Стоял я с лирой боевой
И мщенье пел для ратных братьев...

В годы этой великой войны русского народа с казалось бы непобедимой французской армией В.А. Жуковский написал самое главное произведение о войне 1812 года – «Певец во стане русских воинов». По сути, это – гимн русскому народу, победившему в Отечественной войне 1812 года. Поэт прославляет русский народ, его героев, проявивших бесстрашие, мужество, героизм.

В.А. Жуковский был широко известным поэтом, непревзойденным переводчиком, незаурядным художником, талантливым педагогом, очень порядочным и нравственно сильным человеком, глубоко почитаемым современниками и даже царской семьей. В своем письме Николаю I от 30 марта 1830 года в ответ на обвинения императора в том, что он «впутывается в дела литераторов», В.А. Жуковский пишет:

«В защиту мою могу представить только всю прошедшую жизнь мою... Прожив сорок лет без «пятна», из этих сорока лет посвятил двенадцать исключительно семейству Вашего Величества, в котором мой нравственный характер мог сделать коротко известен... То, что я писал, смею сказать, говорит ясно о моем характере нравственном... писал... просто по влечению сердца, которое искренно выражалось в моих сочинениях; не искал похвалы, ибо презираю всякую выисканную происками похвалу. Лучшие люди были моими друзьями и остались моими друзьями; заслужить их одобрение было моею наградою, и я приобрел его. Как писатель, я был учеником Карамзина; те, кои начали писать после меня, называли меня своими учениками, и между ними Пушкин, по таланту и искусству, превзошел своего учителя. Смотри на страницы, мною написанные, скажу смело, что мною были пущены в ход и высокие мысли и чистые чувства, и любовь к вере, и любовь к отечеству. С этой стороны имею право на одобрение моих современников. Стихи мои останутся верным памятником и моей жизни, и, смею прибавить, славнейших дней Александрова времени. Я жил как писал: оставался чист и мыслями, и делами».

«И милость к падшим призывал...».

В.А. Жуковский и декабристы

Василий Андреевич Жуковский – широко известный русский поэт, достойный представитель русской классической литературы

ры, основоположник романтического направления в русской литературе. В свое время он был широко известен и почитаем не только как литератор, автор многих стихотворений, баллад и поэм, по сути, пресмник Н.И. Карамзина, но и как крупный общественный деятель, воспитанник наследника престола, высочайшего князя Александра Николаевича, как образованнейший человек, человек культуры, а также человек высокой нравственности, гражданской смелости и честности.

В.А. Жуковский близко знал многих из декабристов, некоторые были его друзьями, к примеру, Никита Муравьев, Николай Тургенев, Михаил Орлов. Сам Василий Андреевич не был членом тайного общества, но знал о том, что оно существует. В свое время декабрист Александр Муравьев не раз предлагал ему вступить в тайный союз, но Жуковский всегда отказывался. Он был сторонником просвещенной монархии и верил, что мудрый, умный и добросердечный монарх сможет сделать жизнь в своем государстве достойной для его народа.

В 1826 году, вскоре после восстания декабристов, В.А. Жуковский был назначен воспитателем цесаревича Александра, будущего русского императора Александра I. Жуковский был уже широко известен и почитаем как знаменитый поэт, основоположник русского романтизма, как человек высоких нравственных устоев. После разгрома декабрьского восстания и жестокого наказания его участников В.А. Жуковский не раз, не боясь навлечь на себя гнев и немилость царя Николая I, пытался облегчить участь декабристов, обращался к царю с просьбой о смягчении или отмене наказания.

Например, В.А. Жуковский добился аудиенции у царя Николая I и пытался смягчить участь Николая Тургенева. Николай Тургенев, член тайного общества, незадолго до начала восстания уехал за границу и не принимал непосредственного участия в восстании. Тем не менее он был заочно приговорен к смертной казни, которую потом заменили пожизненным заключением в крепости. Жуковский, добившись аудиенции, пытался убедить царя в том, что приговор по отношению к

Николаю Тургеневу несправедлив, что Тургенев – благородный и достойный человек. Василий Андреевич пытался также воздействовать на царя и-через свою бывшую ученицу, которая стала императрицей, и через других высочайших особ, писал множество прошений и каждый раз выслушивал слова высочайшего недовольства.

Когда Жуковский в очередной раз просил за Николая Тургенева, император сказал ему: «Ты при моем сыне (Жуковский стал воспитателем наследника престола, великого князя Александра Николаевича, в 1826 году). Как же ты можешь быть сообщником людей беспорядочных, осужденных за преступление?.. Тебя называют главою партии, защитником всех тех, кто только худ с правительством».

Уже современники поэта, а также представители культуры последующих эпох высоко оценивали заступничество В.А. Жуковского за декабристов, называя это подвигом: заступничество за декабристов служит «свидетельством того, - говорил в 1903 году А.Н. Веселовский, – что Жуковский был способен на гражданский подвиг».

В 1837 году, спустя 12 лет после восстания декабристов, В.А. Жуковский, заканчивая свою воспитательную деятельность при дворе по случаю совершеннолетия цесаревича Александра, совершал с наследником «образовательное путешествие» по всей России, в процессе которого Александр Николаевич должен был, по плану Жуковского, ознакомиться с необъятной страной, которой ему предстояло управлять. Царское Село, Юг России, Новгород, города Верхнего Поволжья, Урал, Сибирь – вот неполная география этого путешествия. В.А. Жуковский также вполне сознательно включил в маршрут те места, в которых отбывали ссылку декабристы: он надеялся на то, что сможет облегчить участь тех из них, кто еще остался в живых после долгих лет каторги.

В Кургане он познакомился с тринадцатью декабристами, отбывавшими там ссылку, – с Назимовым, Лихаревым, Лорером и

другими. В.А. Жуковский писал императрице в надежде на милость к осужденным; он писал также самому государю — в этом смысле очень показательно его письмо Николаю I из Златоуста: «Великий князь покинул Сибирь, которую обрадовало несказанно его минутное присутствие. Этот случай побуждает меня повергнуть к стопам Вашего Величества некоторые мысли, которые давно томились в душе моей, но теперь с новой живостью в ней пробудились.

Внутренний голос говорит мне, что я должен их сообщить Вам, что я погрешу перед Вами, перед великим князем и перед собою, если этого не сделаю. Я повинуюсь этому влечению, полный уверенности, что Вы, государь, оправдаете мое намерение и в таком случае, когда не согласитесь со мною... Государь, даруйте всепрощение несчастным осужденным и достойно наказанным по заговору 1825 года...»

Вскоре, еще будучи в Сибири, В.А. Жуковский получил ответное письмо от царя Николая I, в котором тот обещал некоторое послабление «преступникам».

22 июля 1837 года Сенат получил высочайший рескрипт (акт монарха в форме конкретного предписания): «Вняв ходатайству... сына нашего, наследника нашего престола, цесаревича и великого князя Александра Николаевича, мы признали за благо оказать некоторые облегчения и милость тем из находящихся в Сибири ссыльным, кои хотя и зачернили себя заблуждениями и преступлением, но иные поведением своим заслуживают, чтобы на них было обращено действие нашего милосердия».

«Певец во стане русских воинов». **Поэт В.А. Жуковский на войне 1812 года**

В сентябре 1812 года В.А. Жуковский вступил в ополчение, которое шло от Москвы к Можайску, где Кутузов наметил генеральную схватку с Наполеоном.

В.А. Жуковский принимал непосредственное участие в самой кровопролитной и решающей битве — в сражении под Бородино 26 сентября 1812 года.

Спустя 25 лет в одном из писем В.А. Жуковский рассказывал о том, что произошло утром 26 августа 1812 года, о том, что он видел как непосредственный участник Бородинского сражения.

«Накануне сражения... все было спокойно... Тишина, которая тогда воцарилась повсюду, неизобразима; в этом всеобщем молчании, в этом глубоком темном небе, которого все звезды были видны и которое так мирно распростиралось над двумя армиями, где столь многие обречены были на другой день погибнуть, было что-то роковое и несказанное. И с первым просветом дня грянула русская пушка, которая вдруг пробудила повсеместное сражение...

Мы стояли в кустах на левом фланге, на который напирал неприятель; ядра неведомо откуда к нам прилетали; все вокруг нас страшно гремело, огромные клубы дыма поднимались на всем полукружии горизонта, как будто от повсеместного пожара, и, наконец, ужасною белою тучей обхватили половину неба, которое тихо и безоблачно сияло над бьющимися армиями. Во все продолжение боя нас мало-помалу отодвигали назад. Наконец, с наступлением темноты, сражение, до сих пор не прерывавшееся ни на минуту, умолкло...» Как пишет исследователь и писатель В. Осокин, «обыденные слова Жуковского: «Мы стояли в кустах на левом фланге» современный историк комментирует так: «Это было самое напряженное место во время Бородинской битвы: Наполеон... хотел обойти левый фланг и разбить русских с тыла. На левый фланг шли пехотные корпуса маршалов Даву, Нея, Жюно, Молодая и Старая гвардии, конница Мюрата; почти вся французская артиллерия обстреливала левый фланг русских войск — под ее огнем находился и полк Жуковского».

После Бородинского сражения В.А. Жуковский сопровождает обоз русских раненых и французских пленных, направлявшийся

в г. Орел, а затем снова возвращается в действующую армию. Но возвращается уже не в свой полк, а на новую должность: Кутузов назначил поэта чиновником по особым поручениям при Главной квартире. А произошло это таким образом: директор походной типографии штаба Кутузова Андрей Сергеевич Кайсаров убедил Жуковского в том, что он принесет Родине больше пользы своим пером, чем находясь в строю, а брат Андрея Сергеевича – генерал Кайсаров рекомендовал В.А. Жуковского главнокомандующему.

В новые обязанности В.А. Жуковского входило ведение журнала о ходе военных действий. Кроме этого по поручению главнокомандующего Кутузова и генерала Ермолова он подготавливал проекты приказов и донесений.

По своей должности Жуковский знакомился со всеми документами, перепиской, «он был одним из самых осведомленных в армии людей» (В. Осокин).

Из страниц донесений, рассказов участников сражений Жуковский представлял себе грандиозность происходящих событий, силу патриотизма и героизма народа, солдат и офицеров, самоотверженную борьбу партизанских отрядов. Позже он скажет о себе так:

В рядах отечественной рати,
Певец, по слуху знавши бой,
Стоял я с лирой боевой
И мщенье пел для ратных братий.

В.А. Жуковский написал самое главное произведение о войне 1812 года – «Певец во стане русских воинов».

«Певец во стане русских воинов» – это, по сути, гимн русскому народу, победившему в Отечественной войне 1812 года. Поэт прославляет русский народ, его героев, проявивших бесстрашие, мужество, героизм.

Это и сам командующий русской армией М.И. Кутузов:
Хвала тебе, наш бодрый вождь,
Герой под сединами!...

Это и верные сподвижники командующего — генералы Ермолов, Раевский, Кайсаров, Орлов:

Орлов отважностью орел;
И мчит грозу ударов
Сквозь дым и огонь, по грудам тел,
В среду врагов Кайсаров.

Это и знаменитый командир партизанского отряда Денис Давыдов:

Давыдов, пламенный босц,
Он вихрем в бой кровавый;
Он в мире счастливый певец
Весны, любви и славы!

В.А. Жуковский пишет о тех, кто отличился в славный день Бородина, кто пал смертью храбрых или был тяжело ранен. Он, певец воинской славы, воздаст должное всем участникам Бородинского сражения — от командующего и его генералов до простых солдат, основных победителей в решающей схватке над сильнейшим врагом. Таким образом, пером поэт В.А. Жуковский внес свой вклад в борьбу русского народа против захватчиков-французов.

«Певец во стане русских воинов» был восторженно принят современниками поэта. Ф.Н. Глинка, участник Бородинского сражения, Иван Лажечников, офицер, будущий автор исторических романов, вспоминали: «Часто в обществе военном читаем и разбираем «Певца во стане русских воинов», новейшее произведение г-на Жуковского. Почти все наши выучили уже сию пиесу наизусть... Какая поэзия! Какой неизъяснимый дар увлекать за собой душу воинов!».

После знаменитого сражения под Красным, где русская армия нанесла сокрушительный удар отступавшим французам, В.А. Жуковский был награжден орденом святой Анны II степени и чином штабс-капитана.

«Певец во стане русских воинов» В.А. Жуковского вскоре станет широко известным и популярным в России. Когда в Москву, опустошенную французами, вернулись жители и началась

мирная жизнь, в типографии Московского университета печатники одним из первых начали набирать произведение В.А. Жуковского, известное до этого в списках, — «Песец во стане русских воинов».

В.А. Жуковский — наставник наследника русского престола

В.А. Жуковский — талантливый русский поэт, переводчик, основоположник литературного течения «романтизм» в русской литературе, автор широко известных баллад «Людмила», «Светлана», «Эолова арфа», «Вадим», романтических стихотворений «Цвет завета», «Море». В.А. Жуковский — блестящий переводчик: им сделаны прекрасные переводы «Одиссеи» Гомера, баллады В. Скотта «Замок Смальгольм, или Иванов вечер», индийской народной повести «Наль и Дамаянти» и др.

Хорошо известна и детально изучена учеными литературная деятельность В.А. Жуковского. Значительно меньше знают его педагогическую деятельность, в частности, его 12-летнюю работу по воспитанию великого князя Александра Николаевича, наследника российского престола. «Великим русским педагогом» назовет его наш современник, проф. С.О. Шмидт. Жуковский был наставником будущего императора Александра II, тем самым он сыграл значительную роль в общественно-политической жизни России середины XIX века, поэтому вполне справедливо звучит оценка Шмидта.

Великий русский литературный критик Виссарион Григорьевич Белинский говорил о Жуковском: «Искусство было «для него как бы средством к воспитанию общества»; он «действовал на нравственную сторону общества посредством искусства».

В 1815 году В.А. Жуковский становится чтецом матери-императрицы Марии Федоровны, вдовы Павла I, — с этого времени и начинается двадцатипятилетний период его придворной службы, сначала в качестве чтеца, затем — учителя русского языка и литературы, а затем — воспитателя наследника русского престола. В 1817 г. он начал обучать русскому языку и литературе дам царской семьи, жен братьев русского царя: сначала жену Николая Павловича Александру Федоровну, а потом, с 1823 г., — жену Михаила Павловича, Елену Павловну. В.А. Жуковский очень ответственно относился к своим обязанностям учителя российской словесности; он значительно расширил круг предметов: история, философия, эстетика, педагогика и др.

В 1818 году по случаю рождения юного племянника царствующего императора — Александра Николаевича, В.А. Жуковский напишет стихотворение, в котором есть такие строки — главное пожелание новорожденному:

Да на чреде высокой не забудет
Светлейшего из званий — человек...

Жить для веков в величии народном,
Для блага ВСЕХ — СВОЕ позабывать,
Лишь голоса отечества свободном
С смиреннем дела свои читать...

В.А. Жуковскому предложили стать главным наставником цесаревичей и руководить деятельностью других воспитателей и учителей. Возможно, были и другие претенденты на эту высокую должность, но у Василия Андреевича было много преимуществ перед остальными, что и было принято во внимание — учитывались достоинства личности Жуковского: редкое трудолюбие, ум, мудрость, порядочность, доброта и отзывчивость, всесторонняя образованность; его широкая известность как поэта, общественно-политические взгляды (поэт был сторонником просвещенной монархии); уважительное отношение к нему Н.М. Карамзина, известного литератора, к которому испытывали доверие дамы царской фамилии. В

Жуковском сочетались почитаемый и широко известный литератор и человек, духовно и нравственно образованный. Царская семья понимала, что общение с таким человеком, как Жуковский, будет благоприятно сказываться на ребенке, к тому же выбор его в качестве наставника-воспитателя будет приветствоваться в образованном обществе.

Сам В.А. Жуковский воспринимал свое высокое придворное назначение как высокую обязанность, возможность служения добру. Новая должность давала ему возможность «творить добро».

Василий Андреевич считал, что единственная форма правления в России — это монархия. Поэтому очень многое в судьбе общества зависело от монарха, его личности, взглядов и поведения. Жуковский возлагал надежды на просвещенного монарха, человеколюбивого, мудрого и достойного государя, который может и хочет изменить к лучшему жизнь своих подданных.

«Можно полагать, что Жуковский, сам освободивший своих крепостных еще в 1822 году, приучал своего царственного воспитанника к мысли об отмене крепостного права», — предполагает С.О. Шмидт. Благодаря своему влиянию при дворе Жуковский стремится облегчить участь декабристов, сосланного в ссылку А.С. Пушкина, выкупа из крепостной неволи украинского поэта Тараса Григорьевича Шевченко, освобождения из ссылки Александра Ивановича Герцена, он сыграл благотворную роль в судьбе русских писателей — Е.А. Баратынского, А.В. Кольцова, М.Ю. Лермонтова.

В.А. Жуковский согласился с предложением быть наставником цесаревича и стал серьезно, как и все, что он делал, готовиться к своей миссии. Он работает по самосовершенствованию, самовоспитанию и самообразованию. Образованный человек, он читает и перечитывает огромное количество книг: художественную литературу — от античной до новейшей литературы, философскую и педагогическую литературу. Готовясь

к началу занятий (с осени 1826 года), В.А. Жуковский собирает библиотеку для наследника престола, знакомится с опытом зарубежной педагогики, особенно швейцарской, тогда самой демократической, и с деятельностью великого швейцарского педагога-гуманиста И.Г. Песталоцци.

«Педагогической деятельности В.А. Жуковский отдавался с увлечением и чувством высокой ответственности», – пишет ученый С.О. Шмидт.

Жуковский разрабатывает «План учения», Программу просвещения и воспитания ума и сердца цесаревича, ознакомления его с Россией – ее прошлым и настоящим. План Жуковского, так же как и составленное наставником расписание его жизни на каждый день, получили одобрение родителей Великого князя.

Интересно, как планировался день наследника (по часам): занятия, гимнастика, отдых, обозрение прошедшего дня – каждый вечер, ведение «журнала».

Сам В.А. Жуковский взял на себя преподавание в первый период русской грамматики, физики и «Истории человека», «Истории и географии». Он присутствовал на уроках других учителей, советовал, как лучше проводить занятия. Императрица присутствовала на ежемесячных испытаниях сына – цесаревича Александра Николаевича, император – на полугодовых.

Жуковский хотел сделать наследника русского престола глубоко образованным человеком. С этой целью он приглашал известных ученых – например, проф. К.И. Арсеньева, – вести занятия по предмету «История, география и статистика Российского государства». На свои занятия он привлекал данные археологии и этнографии, убедил императора предоставить ему возможность пользоваться архивами для того, чтобы углубить содержание предмета «История».

Позже В.А. Жуковский писал своему ученику, Великому князю: «Я сам убедился, что обладаю некоторыми способностями преподавать таким способом, который мог бы привязать ученика к труду, развивать ум и сообщить ему вкус к занятиям».

Вся жизнь Жуковского теперь подчинена этому делу. «Теперь живу не для себя», — признался он в письме от 30 марта 1830 года императору Николаю I.

В.А. Жуковского особенно волнует формирование души, характера будущего государя. «Счастлив тот, кого сердце стремится к исполнению должности...»; «Где правитель любит народное благо, там и народ любит власть правителя»; «Не уважать народ свой есть совершенное безумство» — вот такими должны быть, по мнению Жуковского, обязанности государя и правительства по отношению к своему народу.

В.А. Жуковский с большим чувством собственного достоинства держал себя при дворе, понимая, что, живя там, нужно подчиняться либо владыке, государю-императору, либо своему долгу. Последним своим долгом он считает организацию «образовательного» путешествия Александра по России и странам Западной Европы — поэтому не покидает двор до осуществления этого путешествия, завершающего учение. Он сопровождает наследника в путешествии по России — сам составил план путешествия, главной целью которого была образовательная — ознакомить будущего государя со своей страной. Однако в течение этого путешествия он разочаровывается и в себе, в своих возможностях как воспитателя, и в самом воспитаннике. Он понимает, что не в его силах воспитать идеального монарха.

В 1841 году, когда серьезно обострились отношения В.А. Жуковского с царским двором, он получает почетную отставку и уезжает в Германию.

12 лет В.А. Жуковский был воспитателем наследника престола. В 1826 году он был назначен воспитателем Великого князя Александра, а в 1837 году, когда тот достиг своего совершеннолетия, закончил его воспитание «образовательным путешествием». Жуковский еще в самом начале своей педагогической деятельности смело заявлял императору, что он хочет воспитывать не «полкового командира», а «просвещенного монарха. И он са-

моотверженно делал все от него зависящее, чтобы выполнить эту благородную задачу.

Современники поэта отмечали, что, хотя Александр был сыном своего отца и не отличался приверженностью идей своего воспитателя, однако получил от него общую склонность к добру.

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН

Как учился А.С. Пушкин

А.С. Пушкин вспоминает годы учения в Царскосельском лицее как один из самых счастливых периодов своей жизни. Здесь он познакомился со сверстниками, ставшими его верными друзьями на всю жизнь: Пушин, Дельвиг, Кюхельбскер, В. Одоевский... Судьба свела его в годы учебы с неординарными людьми – учителями лицея: это молодые профессора А.П. Куницын, И.К. Кайданов, Я.И. Карцев, Н.Ф. Кошанский, талантливые люди и талантливые педагоги. Именно здесь развился талант будущего гениального поэта России, именно здесь его талант был признан широко известными талантливейшими поэтами его времени – Державиным, Капониным, Жуковским, Батюшковым.

Царскосельский лицей был открыт в 1811 году. До 1843 года это было мужское высшее привилегированное закрытое учебное заведение в России (Царское Село) для детей дворян. Предназначалось для подготовки преимущественно высших государственных чиновников. Имел права университета. В 1844 – 1917 годах – Александровский лицей в Петербурге (Энциклопедический словарь, 1980)

А.С. Пушкин поступил в только что открытый Царскосельский лицей в 1811 году. Этот лицей был привилегированным учебным заведением, целью которого являлась подготовка высших государственных чиновников из детей дворянского сословия.

А.С. Пушкин, уже будучи взрослым человеком, так вспоминал свои лицейские годы:

Златые дни!
уроки и забавы,
И черный стол,
и бунты вечеров,
И наш словарь,
и плески мирной
славы,
И критики
лицейских мудрецов!

Черновик стихотворения «19 октября». 1825 г.

Царскосельский лицей задумывался как элитное учебное заведение. В то время по Петербургу ходили упорные слухи о том, что император Александр I хотел воспитывать своих братьев-подростков – Николая четырнадцати лет и Михаила двенадцати лет вместе с детьми знатных сановников и с этой целью организовал Царскосельский лицей.

При поступлении в лицей подростки сдавали экзамены, но главным условием поступления было их происхождение: здесь должны были обучаться будущие государственные мужи, поэтому принимали в лицей детей знатных фамилий. Исследователи считают поступление Пушкина в Царскосельский лицей случайностью, «он не был столь высокого происхождения, чтобы обучаться вместе с великими князьями». Хотя получилось так, что из тридцати поступивших в лицей мальчиков года оказались и дети небогатых и незнатных родителей – возможно, сыграл свою роль тот факт, что первый прием состоялся накануне войны 1812 года, и император Александр I не очень контролировал набор в лицей.

Царскосельский лицей был учебным заведением закрытого типа; это касалось не только сословного порядка отбора воспитанников, но и условий их проживания в лицее: ни разу в течение 6 лет обучения мальчики не имели права отлучаться домой, они жили только в лицее, а с родителями виделись лишь тог-

да, когда те ненадолго приезжали в гости. Поэтому все свое время — и время занятий, и внесудебное время — они проводили в стенах лицея.

Режим дня воспитанников был достаточно насыщенным, четким:

«Вставали в шесть утра и шли на молитву.

С семи до девяти занятия.

В девять чай.

До десяти прогулка.

С десяти до двенадцати опять «класс».

От двенадцати до часа — прогулка.

В час обед.

От двух до трех — чистописание или рисование.

От трех до пяти — другие уроки.

В пять — чай.

До шести прогулка, потом повторение уроков — «вспомогательный класс».

В половине девятого — ужин.

После ужина до десяти — отдых (рекреация).

В десять — вечерняя молитва и сон».

Так как основной целью Царскосельского лицея была подготовка будущих государственных чиновников высшего ранга, образование воспитанников было качественным, широким и разноплановым. Царскосельский лицей по своим правам был приравнен к российским университетам.

Преподавали в лицее высокообразованные, талантливые педагоги. Интересно, что все профессора лицея, кроме одного — Давида Ивановича де Будри, были молодыми людьми, им не исполнилось и тридцати лет. Важно и то, что основные науки преподавали русские педагоги, а не иностранные — для России того времени это было новшеством. Если говорить о любимых педагогах Пушкина, то надо назвать прежде всего Александра Петровича Кунницына. Это был высокообразованный, просвещенный человек, человек достаточно передовых взглядов, талантливый педагог, относившийся с большим чувством уважения к своим воспитанникам. Вместе с И.К. Кайдановым и Я.И. Карцевым он успешно окончил Петербургский педагогический институт. Как

способных студентов всех троих отправили за границу — продолжить там образование. После возвращения они были назначены профессорами в Царскосельский лицей.

Директором лицея был Василий Федорович Малиновский. Он был строг и в то же время справедлив и по-настоящему добр со своими воспитанниками. Он считал, что воспитывающие и воспитуемые — одно сословие, говорил об уважительном отношении к лицеистам. Сам он никогда ни на кого не кричал и очень гордился тем, что в то время Царскосельский лицей был единственным учебным заведением в России, где воспитанников не секли.

Программа обучения в лицее была довольно обширной и включала множество предметов: математические, физические науки, статистика, риторика, словесность, русская и мировая история, чистописание, рисование, пение, танцы, фехтование, верховая езда, плавание. Особое значение придавалось изучению иностранных языков: воспитанники изучали русский, латинский, французский и немецкий языки.

На уроки отводилось семь часов каждый день, правда, с большими перерывами. Каникулы у обучающихся в лицее продолжались один месяц — июль.

Пушкин учился неплохо, многие педагоги говорили о том, что он способный ученик, хотя не возлагали на него особых надежд. Вот как о нем писал один из самых любимых педагогов Пушкина и других лицеистов Александр Петрович Кунцын в ведомостях об успехах Пушкина по логике: «Хорошие успехи. Не прилежен. Весьма понятен».

Одиннадцать месяцев в году лицеисты проводили в стенах своего учебного заведения. Понятно, что их жизнь не сводилась только к учебе. В лицее была прекрасная библиотека, и воспитанники проводили там много времени, особенно Пушкин, который считался самым начитанным из воспитанников, и Кюхельбекер, соперничавший с ним в этом.

Одним из самых любимых занятий воспитанников лицея было творчество — они выпускали самые разные и многочис-

ленные литературные журналы: «Царскосельские лицейские газеты», «Императорского лицея вестник», «Для удовольствия и пользы», «Неопытное перо», «Лицейский мудрец» и другие и поочередно выступали то авторами, то редакторами-издателями.

Пушкин принимал самое активное участие в этих журналах. В журналах «Юные плывцы» и «Неопытное перо» он выступал как издатель, в других журналах помещал свои литературные опыты и рисунки, которые вызывали высокую оценку и у воспитанников, и у педагогов. Хотя нужно сказать, что Пушкин не сразу был признан первым среди лицейских поэтов — воспитанник Илличевский считался первым стихотворцем.

В своем стихотворении «19 октября», написанном в 1825 году, Пушкин с нежностью вспоминает Царскосельский лицей и друзей, которых он там приобрел:

Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он, как душа, неразделим и вечен —
Непоколебим, свободен и беспечен
Срастался он под сенью дружных муз.
Куда бы нас ни бросила судьбина
И счастье куда б ни повело,
Всё те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское село...

Наставники А.С. Пушкина в годы учебы в Царскосельском лицее

Царскосельский лицей, в котором учился Пушкин, сыграл огромную роль в духовном и нравственном развитии поэта. Лицей в Царском Селе был открыт в 1811 году и предназначался для подготовки высших государственных чиновников. Созданный по замыслу образованного и умного министра Михаила Сперанского, он был по-настоящему передовым учебным заведением. Пра-

вом поступления в лицей пользовались дети только дворянского сословия. При поступлении претенденты на обучение в лицее сдавали обширный экзамен, состоящий из экзаменов по словесности, истории, географии, иностранным языкам, математике и пр. Экзамен проходил в кабинете министра просвещения России графа Разумовского. Из 36 поступающих было отобрано 30 подростков, в числе которых был и Пушкин.

Обучение в лицее проходило по специальной углубленной программе. В лицее была строгая дисциплина, которая должна была, как считали его устроители, уберечь учеников от вредных внешних влияний. Режим учреждения был закрытый, т. е. воспитанники в течение почти всего года (11 месяцев — 1 месяц каникулы) находились в стенах лицея; их не отпускали домой, а с родителями они могли встречаться только на недолгое время, когда те приезжали в лицей. С одной стороны, это было достаточно сурово для воспитанников, но, с другой, — воспитывало в них самостоятельность, целеустремленность, давало хорошие и обширные знания. Эти условия пребывания воспитанников в лицее были разработаны первым директором Царскосельского лицея Василием Федоровичем Малиновским. Он и еще десять человек составляли штат наставников лицейстов на первых порах существования лицея. Это, помимо директора, были учителя и гувернеры. Правда, кроме тех, кто непосредственно обучал и воспитывал лицейстов, были и еще наставники: надзиратель, помощник гувернера, доктор и еще четыре человека — в бухгалтерии и при хозяйстве.

Василий Федорович Малиновский. Это был человек очень образованный, прогрессивно мыслящий, умный, справедливый, талантливый педагог, хотя он и был в чине генерала (действительного статского советника). Он был русским просветителем, публицистом, первым директором Царскосельского лицея. Он мечтал о том, что лицей, которым он руководит, и лицейсты примут активное участие в государственных реформах, которые, как он надеялся, должны привести к лучшему существова-

нию России. В.Ф. Малиновский был автором одного из первых проектов отмены крепостного права (1802 г.); он являлся сторонником промышленного и культурного развития России, государственных преобразований М.М. Сперанского, русского государственного деятеля, с 1808 года ближайшего советника императора Александра I. Ф. Малиновский, самолично отбравший воспитанников лицея на вступительном экзамене, был к ним достаточно требовательным и в то же время всегда с радостью отмечал их успехи, продвижения в учебе. Для него все воспитанники были равны, независимо от того, богаты они, знатны, какое положение занимают их родители. Например, в письме к матери Владимира Вольховского он писал, что особенно радуется успехам ее сына, который добился успехов сам, своими силами, а не за счет сословного звания или богатства. Малиновский поддерживал своих преподавателей, многим из которых не было еще тридцати лет, поощрял их заниматься наукой, несмотря на заполненность рабочего дня, призывал относиться к воспитанникам строго, но справедливо, уважая в них личность.

Александр Петрович Куницын. Один из любимых учителей Пушкина и большинства воспитанников. Адъюнкт – профессор нравственных наук (в те времена существовали такие науки), юрист. Последователь истории естественного права. Он является автором книги «Право естественное», в двух частях (1812–1820 гг.), которую постигла печальная участь: она была изъята как противоречащая «истинам христианства». Он был верным помощником и единомышленником Малиновского. А.П. Куницын оказал на Пушкина большое влияние. Именно ему посвятил позднее Пушкин строки, в которых выразил то значение, которое имел Александр Петрович на воспитание и нравственное становление воспитанников и его самого:

Куницыну дань сердца и вина!
Он создал нас, он воспитал наш пламень,
Поставлен им красугольный камень,
Им чистая лампада возжена...

Один из воспитанников лицея вспоминает:

«Пушкин охотнее всех других классов занимался в классе Куницына и то совершенно по-своему: уроков никогда не повторял, мало что записывал, а чтобы переписывать тетради профессора (тогда еще не было учебников, печатных пособий), у него и в обычае не было. Все делалось а *livre ouvert* (без подготовки, с листа, — *франц.*)». Куницын чувствовал одаренность мальчика, но его «манера» учиться вызывала у него сложное чувство. Это нашло отражение в характеристике Пушкина: «Пушкин — весьма понятен, замысловат и остроумен, но крайне не прилежен. Он способен только к таким предметам, которые требуют малого напряжения, а потому успехи его очень невелики...»

Среди святых воспоминаний
Я с детских лет здесь возрастал...

Воспоминания в Царском селе, 1829

С младенчества дух песен в нас горел,
И дивное волненье мы познали;
С младенчества две музы к нам летали,
И сладок был их лаской наш удел...

Благослови, ликующая муза,
Благослови: да здравствует лицей!
Наставникам, хранившим юность нашу,
Всем честию, и мертвым, и живым,
К устам подъяв признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадим.

19 октября, 1825

В лицее преподавал брат знаменитого вождя Французской революции Жана Поля Марата — педагог де Будрис, которого многие лицеисты считали лучшим преподавателем.

Словесность преподавал Николай Федорович Кошанский (в дальнейшем его заменил Александр Иванович Галич). Они любили свой предмет, требовали от учеников прилежности и усердия в занятиях. «По части словесности, — писал в своем от-

чете Н.Ф. Кошанский, — за год читали избранные места из од Ломоносова и Державина и лучшие из басен Хемницера, Дмитриева и Крылова. Сие чтение сопровождается было приличным разбором и объяснением, сообразным с летами и понятием воспитанников. Лучшие из стихотворений выучиваемы были наизусть. Из риторики показаны основания периодов и различные роды их сопряжений с лучшими примерами».

По классу Н.Ф. Кошанского, отдающего предпочтение высокому стилю, Пушкин находится где-то в середине — занимает шестнадцатое место.

Иван Кузьмич Кайданов. Он преподавал историю, был ироничным и доброжелательным человеком. Он понимает лицеистов и не очень обижается даже на их порой дерзкие поступки. Например, однажды Пушкин и его друг Пуштин написали достаточно «вольные» стихи в его адрес и прочитали их ему. И.К. Кайданов «берет Пушкина за ухо и тихонько говорит ему: «Не советую вам, Пушкин, заниматься такой поэзией, особенно кому-нибудь сообщать ее. И вы, Пуштин, не давайте волю язычку» (См. Пушкинский альманах, 1999).

Конечно, не все преподаватели были любимы и уважаемы лицеистами. Самым ненавистным был преподаватель немецкого языка Гауеншильд. Его прозвали Австрийцем. Не любили лицеиста и преподавателя математики профессора Карцева — за злой характер его прозвали Червяком. Лицеисты, многие из которых писали стихи, посвящают ему множество эпиграмм. Вот одна из них, написанная Алексеем Илличевским, с которым Пушкин делил пальму первенства в плане стихосложения:

Могу тебя измерить разом,
Мой друг Червяк!
Ты математик — минус разум,
Ты злой насмешник — плюс дурак.

Через много лет после окончания лицея друг Пушкина Пуштин вспомнит об этом преподавателе и о Пушкине на его уроках:

«В математическом классе вызвал Пушкина раз Карпов к доске и задал алгебраическую задачу. Пушкин долго переминался с ноги на ногу и все писал молча какие-то формулы. Карцев спросил его наконец: «Что же вышло? Чему равняется x ?» Пушкин, улыбаясь, ответил: нулю. «Хорошо! У вас, Пушкин, в моем классе все кончается нулем. Садитесь на свое место и пишите стихи».

Однако в целом наставники оставили самые теплые воспоминания у своих воспитанников, а период учебы в Царско-сельском лицее будет важным этапом их духовного возмужания, нравственного взросления, становления личности. Позднее это не раз выразится в стихах Пушкина — в его знаменитом стихотворении «19 октября 1825» (кроме этого у поэта есть еще два стихотворения, которые так и называются: «19 октября 1827 года (Бог помочь вам, друзья мои...»; «19 октября 1828 года («Усердно помолившись Богу...»), Воспоминания в Царском Селе («Воспоминаньями смущенный...», 1829) и др. Во многом благодаря своим наставникам — прекрасным, светлым, талантливым людям — так много дал для своих воспитанников Царско-сельский лицей, ставший для них поистине Отечеством. Об этом Пушкин напишет в стихотворении «19 октября 1825 года»:

Куда бы нас ни бросила судьбина
И счастье куда б ни повело,
Все те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское Село...

Два портрета А.С. Пушкина

Наиболее известными портретами великого русского поэта А.С. Пушкина считаются портреты русских художников В.А. Тропинина и О.А. Кипренского.

Василий Алексеевич Тропинин, выдающийся русский художник-портретист, родился в 1776 году в Новгородской губернии в семье крепостного. В качестве приданого он был передан другому барину. У него рано открылся дар художника, и сначала нелегально, а затем по неожиданному благословению барина он стал посещать бесплатные рисовальные классы Академии художеств. По прихоти барина он вынужден покинуть академию и уехать на Украину, в новое имение барина. Он исполняет обязанности камердинера и кондитера и вместе с тем пишет портреты – своих господ Марковых, их соседей, друзей, пишет иконы местной церкви, которую сам и спроектировал. В начале 20-х годов Тропинин вместе с графом окончательно переезжает в Москву, слава его как художника растет, Тропинин пишет портреты Н. Карамзина, И. Дмитриева, Н. Майкова и других деятелей русской культуры. Только в сорок семь лет, в 1823 году, став известным художником, В.А. Тропинин получил вольную, а через год получил звание академика. Тропинин – автор известных портретов Н. Карамзина, К. Брюллова, таких известных картин, как «Старик нищий» и «Кружевница». Всего им написано больше трех тысяч портретов. Среди них – и известный портрет А.С. Пушкина.

Портрет поэта был создан художником в самый плодотворный период его творчества (исследователи считают, что это 20–30-е годы) – в 1827 году. Тропинин мастерски передал силу духа, волю поэта, его человеческое достоинство и независимость. Образ, созданный В.А. Тропининым, привлекает своей открытостью и раскованностью. Необычайно привлекательно лицо поэта, хотя его нельзя назвать красивым. В нем заключены внутренняя красота, ум, проницательность, пытливый характер. Интересно высказывание внуки фельдмаршала Кутузова, Д.Ф. Фикельмон о том впечатлении, которое произвел на него Пушкин, – оно выражает своеобразие внешности Пушкина, мастерски переданное Тропининым, – сочетание внешней некрасивости (одно из лицейских прозвищ Пушкина, данное «по

физиономии и некоторым привычкам», было «смесь обезьяны с тигром», и внутренней красоты, особый духовный облик Пушкина, который заставлял забыть о его некрасивости: «Когда он говорит, забываешь о том, чего ему недостает, чтобы быть красивым, его разговор так интересен, сверкающий умом, без всякого педантизма... Невозможно быть менее притязательным и более умным в манере выражаться» (Е. Павловы). Особую роль в портрете, выполненном В.А. Тропининым, играет костюм Пушкина. Его своеобразие заключается в том, что здесь соединились типичные атрибуты байронизма (это расстегнутый ворот рубашки с большим белым воротничком, галстук-шарф, повязанный небрежно) и типично московская принадлежность одежды того времени — халат; все это создает представление о свободной, творческой личности.

Другим, не менее известным и удачным портретом Пушкина является портрет кисти Ореста Адамовича Кипренского, (1782 — 1836) выдающегося русского художника-портретиста. Как говорил художник Александр Иванов, «он первый вынес имя русского в известность в Европе». Интересен такой факт: в Италии для галереи Уффици, где собирали портреты знаменитых художников, был заказан автопортрет Кипренскому. Это был первый заказ в истории русской живописи, и он свидетельствовал о славе Кипренского (В.М. Кирсанова).

Судьба Кипренского тоже была достаточно драматична. Он являлся внебрачным сыном крепостной крестьянки; отцом его был помещик Дьяконов, который отдал мальчика в семью своего крепостного Адама Швальбе; затем он дал Швальбе вольную, а своему сыну фамилию Кипренский. Детские годы будущего художника прошли в крестьянской семье. У мальчика обнаружились способности к рисованию, и он был устроен в воспитательное училище при Петербургской академии художеств.

Когда Кипренскому было 23 года, он получил Большую Золотую медаль за картину «Дмитрий Донской на Куликовом поле»

(в 1805 году). А затем он начинает писать портреты — в этом жанре живописи особенно раскрылся его талант художника. Он создает портреты своих современников, работая с 1809 г. в Москве и Твери, — Е. и Ф. Ростопчиных, Е. Корсакова, И. Гагарина и др. Кипренский пишет портреты замечательных русских поэтов — К. Батюшкова, В. Жуковского и А.С. Пушкина. Портретам Кипренского присущи психологизм, лиричность, человечность образа. Он отказывается от академической парадности портретов. Для художника главное — показать внутренний образ, внутреннюю сущность образа.

Все это характерно и для широко известного портрета А.С. Пушкина, созданного художником в 1827 году. Портрет писался с натуры. Пушкин только появился в Петербурге после семилетней ссылки. По дороге в столицу он встретил арестантов-декабристов, в том числе и Вильгельма Кюхельбекера, Кюхлю, его лицейского товарища, поэта-декабриста. Встреча их была горькой, тяжелой. Пушкин написал и отправил в Сибирь декабристам известное послание — «Во глубине сибирских руд...» (1827):

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремление...

Вот в какой этап жизни поэта Кипренский начал писать портрет Пушкина. Замерла лира в руках поэта. Мудрый, всепознающий и во все проникающий взгляд. Бесстрашный взгляд серо-голубых глаз.

Кипренский хотел прежде всего изобразить Пушкина-поэта, гения поэзии, передать его внутреннюю сущность. И это ему в полной мере удалось. Современники Пушкина и Кипренского отмечали поразительное внешнее сходство и глубокое постижение художником внутренней личности русского поэта. Кипренский в своем портрете выразил идею высокого служения поэзии, поглощенность творчеством, ум и глубину натуры великого по-

эта, его пронизательность; он все понимающим взором глядит на мир, как настоящий поэт, он видит зачастую то, что не дано увидеть многим другим. Пушкину портрет понравился, он говорил, что художнику удалось передать его сущность, его внутренний мир. Он даже написал благодарственное стихотворение Кипренскому.

Кипренскому

Любимец моды легкокрылый,
Хоть не британец, не француз,
Ты вновь создал, волшебник милый,
Меня, питомца чистых муз, —
И я смеюсь над могилой,
Ушед навек от смертных мук.

Себя как в зеркале я вижу,
Но это зеркало мне льстит.
Оно гласит, что не унижу
Пристрастия важных аонид.
Так Риму, Дрездену, Парижу
Известен впредь мой будет вид.

1827 г.

Пушкин признает «удачу портрета и констатирует преобразующую роль искусства: на портрете не зеркальная копия, художник — «волшебник», который «вновь создал» «питомца чистых Муз», то есть портрет, которому суждено теперь представлять за живого Пушкина («И я смеюсь над могилой, / Ушед навек от смертных уз»). Не теряя внешнего сходства с моделью («себя как в зеркале я вижу»), Кипренский передал в портрете и духовную красоту Пушкина, из скромности названную поэтом «лестью», а в черновике «чудом» (но чудо-зеркало мне льстит»» (Е. Павлова).

Оба художника — и В.А. Тропинин, и О.А. Кипренский — смогли показать исключительность личности Пушкина, передать его неординарность, глубину натуры пусть и разными средствами (портрет Тропинина более «домашний»), но и в том, и в другом портретах перед нами истинный великий поэт, «приподня-

тый» над обыденной жизнью. Эти портреты стали самыми известными и популярными портретами А.С. Пушкина.

**«Друзья мои,
прекрасен наш союз...».
А.С. Пушкин**

Кроме великого поэтического таланта А.С. Пушкин обладал прекрасным талантом – талантом дружбы. Человек открытый, жизнерадостный, доброжелательный, он имел много знакомых – приятелей и настоящих друзей, друзей на всю жизнь. Он был хорошо знаком со многими известными людьми его времени – поэтами и писателями – Василием Андреевичем Жуковским, Константином Николаевичем Батюшковым, Петром Андреевичем Вяземским, Евгением Абрамовичем Баратынским, прославленными воинами – героями Отечественной войны 1812 года: гусаром и поэтом Денисом Давыдовым, Александром Николаевичем Раевским, прогрессивными мыслителями и политиками – Петром Яковлевичем Чаадаевым, Иваном Дмитриевичем Якушкиным, художниками – Дмитрием Владимировичем Веневитиновым, Орестом Адамовичем Кипренским и многими другими. Многим из них он посвящал свои стихотворения, некоторых просто упоминал, вспоминая те или иные события жизни – поэтому одной из основных тем пушкинской лирики является тема дружбы. «Ужели их забуду, друзей души моей!» – восклицал Пушкин в своем стихотворении, и действительно, близкие его друзья были с ним всегда рядом, в самые трудные и радостные для поэта дни.

Мой рассказ – о трех самых близких друзьях А.С. Пушкина.

Дельвиг Антон Антонович (1798 – 1831) – один из самых близких и любимых друзей Пушкина. С ним поэт познакомился в 1811 году, при поступлении в Царскосельский лицей, и

96

с тех пор Дельвиг оставался одним из его лучших друзей. Интересно, что Дельвиг одним из первых поверил в поэтический дар Пушкина. В 1815 году, в годы учебы в лицее, он опубликовал восторженное стихотворение «К Пушкину», первым, как отмечают исследователи (Д.Д. Благой, Е.В. Муза, Магидсон С. и др.), предсказав Пушкину великую славу и бессмертие.

Пушкин! Он и в лесах не укроется:
Лира выдаст его громким пением,
И от смертных восхитит
Бессмертного
Аполлон на Олимп торжествующий.

Антон Антонович сам писал стихи, и Пушкин высоко ценил его поэтический талант, отмечая в стихах друга «необыкновенное чувство гармонии» и «классической стройности».

Дельвиг был издателем альманаха «Северные цветы» и «Литературной газеты», в которых Пушкин принимал самое активное участие.

К сожалению, Дельвиг прожил очень недолгую жизнь. Одной из причин его преждевременной кончины явились события, связанные с его прогрессивными взглядами и издательской деятельностью. Однажды он поместил в издаваемой им «Литературной газете» стихотворение поэта Де Ла Виня, посвященного жертвам Июльской революции во Франции. Последовали репрессивные меры со стороны царского правительства: Дельвиг получил грубейший выговор от начальника жандармского управления Бенкендорфа, было принято решение запретить издавать «Литературную газету». Это все страшно потрясло А.А. Дельвига, вскоре он заболел горячкой, и в 1831 году его не стало. Пушкин тяжело переживал смерть друга. Вскоре после смерти Дельвига Пушкин пишет П.А. Плетневу: «...никто на свете не был мне ближе Дельвига. Из всех связей детства он один оставался на виду — около него собиралась наша бедная кучка. Без него мы точно оси-

ротели. Считай по пальцам: сколько нас? Ты, я, Баратынский, вот и все».

В стихотворении 1831 года «Чем чаще празднует лицей...», посвященном лицейской годовщине, он с глубокой болью и горечью говорит о безвременно умершем друге:

...И мнится, очередь за мной,
Зовет меня мой Дельви́г милый,
Товарищ юности живой,
Товарищ юности унылой,
Товарищ пессим молодых,
Пиров и чистых помышлений,
Туда, в толпу теней родных
Навек от нас ушедший гений...

А.А. Дельви́гу посвящено несколько стихотворений Пушкина: «Дельви́гу» («Друг Дельви́г, мой парнасский брат...»), «Дельви́гу» («Любовью, дружеством и ленью...»), «К Дельви́гу (ответ)» («Послушай, муз невинных...»), а также строфы в разных стихотворениях (например, в стихотворении 1825 года «19 октября» («Роняет лес багряный свой убор...»). Дельви́г в числе первых посетил Пушкина в его ссылке в с. Михайловском, и Пушкин с благодарностью об этом вспоминает:

Когда постиг меня судьбины гнев,
Для всех чужой, как сирота бездомный,
Под бурею главою поник я томной
И ждал тебя, вещун пермесских дев,
И ты пришел, сын лени вдохновенный,
О Дельви́г мой: твой голос пробудил
Сердечный жар, так долго усыпленный,
И бодро я судьбу благословил.

Вяземский Петр Андреевич (1792–1878) – ближайший друг Пушкина. Он был поэтом и литературным критиком. Человек прогрессивных взглядов, отличался независимостью суждений и оценок, в молодости был оппозиционно настроен по отношению к царскому правительству. Петр Андреевич очень помогал Пушкину в издании его произведений, часто выступал с лите-

98

ратурно — критическим обзором его творчества. И Пушкин признавал верность и справедливость суждений друга, прислушивался к ним. П.А. Вяземскому посвящено стихотворение «К портрету Вяземского», написанное в 1820 году, и много стихотворных строк Пушкина, сохранилось около 80 писем поэта к Петру Андреевичу.

К портрету Вяземского

Судьба свои дары явить желала в нем,
В счастливом баловне соединив ошибкой
Богатство, знатный род с возвышенным умом
И простодушие с язвительной улыбкой.

1820.

Вяземский тяжело переживал гибель друга. 9 февраля 1837 года он пишет А.Я. Булгакову:

«Чье сердце любило русскую славу, поэзию, знало Пушкина не поверхностно, как знал его равнодушный или недоброжелательный свет, но умело оценить все, что было в нем высокого и доброго... кто умеет сострадать несчастью близкого, тот может ли не содрогнуться от участи, постигшей Пушкина, и не оплакивать его горячими сердечными слезами?».

Пушкин Иван Иванович (1798—1859) был ближайшим другом Пушкина в годы учебы в Царскосельском лицее. По воспоминаниям знавших его людей, он был в лицее любимцем всех товарищей, выделялся умом, добрым сердцем, отзывчивостью. Первым 11 января 1825 года он приехал к Пушкину, когда поэта отправили в ссылку в с. Михайловское.

...Поэта дом опальный,
О, Пушкин мой, ты первый посетил;
Ты уладил изгнанья день печальный,
Ты в день его лица превратил, —

Так писал Пушкин в известном стихотворении «19 октября» 1825 года (Роняет лес багряный свой убор...), посвященном годовщине лица. Это оказалось последним свиданием друзей.

Пушкин был декабристом, более того он принадлежал к самому революционному крылу декабристов. После восстания 14 декабря 1825 года он был приговорен к смертной казни, которую заменили двадцатилетней ссылкой. Перед смертью Пушкин думал о лицейском друге; он говорил: «Как жаль, что нет теперь здесь Пушкина... мне было бы легче умирать».

А.С. Пушкин посвятил своему другу несколько стихотворений: первое было им написано еще в лицейские годы – в 1815 году; второе – «И.И. Пушкину («Мой первый друг, мой друг бесценный!»)» написано 13 декабря 1825 года, накануне первой годовщины восстания декабристов. Это стихотворное послание было отправлено Пушкиным Пушкину с женой декабриста Н.М. Муравьева, А.Г. Муравьевой, ехавшей к мужу в Сибирь. А.Г. Муравьева передала стихи-послание Пушкина другу в первый день Пушкина в Читинский острог. Спустя годы Пушкин вспоминал: «Отрадно отозвался во мне голос Пушкина».

И.И. Пушкину

Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.

Молю святое провиденье:
Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешенье,
Да озарит он заточенье
Лучом лицейских ясных дней!

1826.

В своих «Записках о Пушкине» незадолго до смерти, в 1858 году, И.И. Пушкин писал: «...в грустные минуты я утешал себя тем, что поэт не умирает и что Пушкин мой всегда жив для тех, кто, как я, его любил, и для всех умеющих отыскивать его, живого, в бессмертных его творениях...»

Прекрасная сказочница (о няне А.С. Пушкина Арине Родионовне)

Всем детям с раннего возраста известны замечательные сказки А.С. Пушкина, читают их в детском саду, изучают в школе. Это широко такие известные сказки замечательного поэта, как «Сказка о царе Салтане», «Сказка о попе и его работнике Балде», «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях», «Сказка о рыбаке и рыбке», «Сказка о золотом петушке». А у истоков «сказочного» творчества поэта, а если говорить о его творчестве в целом – его близости к устному народному творчеству – стоит один человек: это няня Пушкина Арина Родионовна.

Арина Родионовна сыграла очень большую роль в духовном становлении мальчика, в формировании его личности, а также его поэтического дара. Она очень любила Пушкина, и поэт отвечал ей тем же.

Арина Родионовна родилась 10 апреля 1758 года в селе Суйда Петербургской губернии, которое принадлежало графу Ф.А. Апраксину. В 1785 году граф Апраксин всех жителей села продал Абраму Петровичу Ганнибалу – деду А.С. Пушкина.

Как и все жители села, Арина была крепостной. Когда ей было десять лет, умер отец, оставив семерых детей. Девочке с малых лет приходилось работать – уже в восемь стирала и убирала в избе, шила и вышивала, с десяти лет работала в поле, ухаживала за лошадьми и скотом. «Нужда, недоедание, непосильный труд крепостного – вот ее воспоминания детства», – замечает автор статьи о ней С. Бойко. Несмотря на тяжелую жизнь, Арина была девочкой доброй, веселой – в селе ее любили; а еще она прекрасно рассказывала сказки. В село иногда приходил настоящий сказочник, пожилой крестьянин, который не мог выполнять тяжелую крестьянскую работу, но знал множество сказок и умел талантливо их рассказывать, этим и жил. Арина с восхищением слушала сказочника, а по-

том пересказывала сказки детворе – она обладала очень хорошей памятью. Повзрослев, овладела мастерством сказочницы и стала сама сочинять сказки, применяя законы построения этого фольклорного жанра: своеобразные зачины, присказки и концовки, постоянные тропы (эпитеты, сравнения) и придумывая самостоятельно эпитеты, сюжетные линии и пр., талантливо рассказывая сказки – где надо повышая или понижая голос, изменяя интонацию, делая точные паузы, передавая мимикой и жестами все, что нужно было передать в исполнении. Став замечательной сказочницей, уже взрослая Арина, которую мы знаем как знаменитую няню Пушкина Арину Родионовну, она передала будущему великому поэту любовь к русскому народному творчеству, к богатому русскому языку.

Когда Арине исполнилось 23 года, она вышла замуж за крепостного крестьянина Федора Матвеева из соседней деревни. В своей поэме «Евгений Онегин» Пушкин описывает разговор главной героини произведения – Татьяны Лариной с няней (как Пушкин сам говорил, «оригинала няни Татьяны»); вполне вероятно, что в нем переданы настроения этого факта жизни его любимой няни – такова была типичная доля русской женщины-крестьянки в те годы.

«Расскажи мне, няня,
Про ваши старые года:
Была ты влюблена тогда?»

И, полно, Таня! В эти лета
Мы не слыхали про любовь;
А то бы согнала со света
Меня покойница свекровь. –
«Да как же ты венчалась, няня?»
Так, видно, Бог велел. Мой Ваня
Моложе был меня, мой свет...
А было мне тринадцать лет.
Недели две ходила сваха
К моей родне, и наконец
Благословил меня отец.
Я горько плакала со страха,

Мне с плачем косу расплели
И с пенъем в церковь повели.
И вот ввели в семью чужую...

У Арины Родионовны было два сына и две дочери. Прямые потомки няни Пушкина в 30-е годы проживали в Ленинградской области.

В том же году, когда Арина вышла замуж, умер Абрам Петрович Ганнибал, и она вместе с мужем стала крепостной его сына, Осипа Абрамовича. А в 1797 году Арину Родионовну взяли в дом Пушкиных — ее выбрали из всех крепостных за добрый нрав, трудолюбие, умение ладить с детьми и взяли в дом в качестве няни для родившейся у Сергея Львовича и Надежды Осиповны дочки Оли, старшей сестры Пушкина. Через два года господа дали Арине Родионовне вольную, и она могла бы уйти, но осталась в доме и нянчила других детей Пушкиных.

Дети очень любили свою няню. Оля вспоминала спустя много лет: «Арина Родионовна мастерски говорила сказки, знала народные поверья и сыпала пословицами и поговорками».

А Пушкин позже напишет:

Наперсница волшебной старины,
Друг вымыслов, игривых и печальных,
Тебя я знал во дни моей весны,
Во дни утех и снов первоначальных.
Я ждал тебя: в вечерней тишине
Являлась ты веселою старушкой
И надо мной сидела в шушуне,
В больших очках и с резвою гремушкой.
Ты, детскую качая колыбель,
Мой юный слух напевами пленила
И меж пелен оставила свирель,
Которую сама заворожила.

Но настал момент, когда няню, простую крестьянку, заменили настоящей «мадам» — бедной, но благородной дамой, которая прекрасно владела французским: в то время «в чести» был французский язык, весь свет говорил только по-француз-

ски, и Мария Алексеевна Ганнибал, и Сергей Львович не хотели, чтобы их сын «заслушивался дворни» и говорил на русском языке; на русском языке дети — Оля, Саша и младший сын Лева — могли говорить только в детской, а за ее пределами — только на чужом языке. Маленький Саша очень переживал это, просил родителей оставить в доме Арину Родионовну, но они были непреклонны. В первый же вечер Саша попросил новую няню рассказать ему сказку, но та стала говорить по-французски. Мальчик замолк и отвернулся к стене. Он тогда в первый раз понял, что ему интересны только те сказки, какие говаривала Арина Родионовна.

Арина Родионовна вернулась в село Михайловское Псковской губернии. Именно туда был выслан из Петербурга опальный поэт Пушкин в июле 1824 года под надзор местного начальства. И здесь с радостью его встретила постаревшая его няня, Арина Родионовна, которая по-прежнему так же любила своего Сашу, а он называл ее «мамушкой». В ее маленький домик, стоящий рядом с господским, часто приходил Пушкин и слушал песни няни, ее сказки. В письме знакомому Пушкин писал в декабре 1824 года: «...вечером слушаю сказки моей няни...; она единственная моя подруга — и с нею только мне не скучно».

Своей любимой няне, дорогому и близкому человеку, простой крестьянской женщине, посвятил поэт свое стихотворение, которое так и называется «Няне». Стихотворение написано в октябре 1826 года в Москве, куда Пушкин был неожиданно вызван царем, что очень встревожило Арину Родионовну.

Няне

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!
Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждешь меня.
Ты под окном своей светлицы
Горюешь, будто на часах,
И медлят поминутно спицы
В твоих наморщенных руках.

Глядишь в забытые ворота
На черный отдаленный путь:
Тоска, предчувствие, заботы
Теснят твою всечасно грудь...

Сохранилось несколько писем к Пушкину, написанных под диктовку Арины Родионовны, в которых проявляется вся глубочайшая любовь няни к своему Саше: «... вы у меня беспрестанно в сердце и на уме; и только когда засну, то забуду вас и ваши милости ко мне... Ваше обещание к нам побывать летом меня очень радует. Приезжай, мой Ангел, к нам, в Михайловское, всех лошадей на дорогу выставлю... Я вас буду ожидать и молить Бога, чтобы дал нам свидеться...»

Арина Родионовна умерла в 1828 году в доме Ольги Сергеевны Павлищевой, в девичестве Пушкиной, той Оли, няней к которой она была введена в дом Пушкиных.

В этом же году Пушкин опубликовал второе издание своей поэмы «Руслан и Людмила», в которой поместил Пролог, написанный в Михайловском, где сказал о том, как дороги ему русские народные сказки, которые он с наслаждением слушал и в детстве, и в годы Михайловской ссылки от своей няни Арины Родионовны.

МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ ЛЕРМОНТОВ

Памятники М.Ю. Лермонтову

Память о Михаиле Юрьевиче Лермонтове, великом русском поэте, увековечена в России в многочисленных монументальных скульптурах, обелисках, небольших бюстах. Они отмечают места пребывания поэта в том или ином крае, городе и связаны с жизнью или творчеством М.Ю. Лермонтова. Такие памятники поэту установлены в Москве, Петербурге, Тарханах, Тамбове, Пензе, на Кавказе.

Самый первый памятник М.Ю. Лермонтову был воздвигнут в 1889 году в г. Пятигорске, городе на Кавказе, где прошли последние годы жизни поэта, где он трагически погиб. Автором памятника является знаменитый скульптор Александр Михайлович Опекушин, который является также создателем известного памятника А.С. Пушкину в Москве на Пушкинской площади.

Памятник М.Ю. Лермонтову был открыт в городском сквере, откуда открывается замечательный вид на горы, которые так любил поэт и которые так часто были отображены им в его творчестве, поэтическом и живописном.

Сбор средств на памятник начался через тридцать лет после гибели поэта, в июне 1871 года, и продолжался восемнадцать лет. Конкурс на лучший проект памятника проходил в Петербурге в 1883 году; проект А.М. Опекушина был признан лучшим. Скульптор изобразил М.Ю. Лермонтова в бронзе — фигура поэта помещена на гранитном пьедестале в виде скалы высотой более двух метров (2,35 м).

Через три года, в 1892 году, был установлен второй памятник М.Ю. Лермонтову в г. Пенза, тоже в городском сквере. Автор памятника — скульптор Илья Яковлевич Гинцбург. Он изобразил поэта в мундире Тенгинского пехотного полка.

В июне 1896 года памятник М.Ю. Лермонтову был открыт в Петербурге по проекту, который был удостоен 1-й премии на конкурсе, объявленном в 1891 г. Авторами памятника являются скульптор В.П. Крейтан и архитектор Н.В. Максимов. Памятник представляет собой бронзовый бюст поэта высотой чуть более одного метра на гранитном постаменте.

Еще один памятник М.Ю. Лермонтову в конце XIX в. был установлен в бывшем имении «Середниково» Дмитрия Алексеевича Столыпина, родственника поэта по материнской линии, под Москвой. Заказчицей этого памятника была последняя владелица имения Ф.И. Фирсанова. Бронзовый бюст высотой 74 см был отлит в Париже и установлен в сквере перед домом.

К 60-летию гибели М.Ю. Лермонтова было решено установить памятник поэту в Пятигорске на месте первоначального погребения Лермонтова. Когда в 1841 г. гроб Лермонтова перевезли с Пятигорского кладбища в Тарханы, где прошли детские годы поэта, могильная плита на Пятигорском кладбище была зарыта в землю. В 1901 г. была создана специальная комиссия, которая должна была установить место погребения М.Ю. Лермонтова. Однако это место точно не было установлено, и памятник поэту был воздвигнут около склепа Акима Павловича Шан-Гирея, троюродного брата и близкого друга поэта. В 1903 году на этом месте появился гранитный обелиск; на передней грани его были изображены венок и крест, а на мраморной доске вычеканена надпись: «Место первоначального погребения М.Ю. Лермонтова».

В Пятигорске был установлен и еще один памятник М.Ю. Лермонтову — на месте дуэли поэта с Мартыновым, закончившейся гибелью поэта. Почитатели М.Ю. Лермонтова собрали средства, на которые был сделан гипсовый бюст поэта. Однако в 1907 году памятник были вынуждены разобрать из-за непрочности материала. В 1915 году в Пятигорске, на месте дуэли Лермонтова, был установлен новый памятник поэту работы известного скульптора Бориса Михайловича Микешина.

В Петербурге 9 мая 1916 года был открыт второй памятник М.Ю. Лермонтову работы этого же скульптора. Проект памятника был одобрен на конкурсе в 1910 г., предполагалось открыть памятник в 1914 году, но началась Первая мировая война, и открытие памятника пришлось отложить. Памятник М.Ю. Лермонтову установили перед Николаевским кавалерийским училищем. Фигура поэта высотой 1,3 м была отлита из бронзы. Лермонтов изображен в гусарском мундире, в накинутой на плечо шинели, сидящим на скамье. На тыльной стороне пьедестала написаны основные произведения поэта.

Памятники великому русскому поэту М.Ю. Лермонтову воздвигались и после Октябрьской революции 1917 года.

Первый советский памятник Лермонтову был установлен в Тамбове, в городском сквере (автор — скульптор М.Д. Рындзюнская). Бронзовый бюст поэта высотой 32 см. был отлит в Ленинграде накануне Великой Отечественной войны. Но даже эта страшная война не смогла помешать открытию памятника великому русскому поэту: памятник был открыт, когда уже шла война с фашистами, в столетнюю годовщину со дня гибели поэта, — 15 июля 1941 года.

Уже после окончания Второй мировой войны памятники М.Ю. Лермонтову были установлены в Геленджике на Кавказе (в 1953–1954 г.) и в Музее-усадьбе Лермонтова «Тарханы» (1958). Дом-музей Лермонтова (преобразованный затем в Музей-усадьбу поэта) был открыт 30 июня 1939 года в доме, где жил Лермонтов с бабушкой, Е.А. Арсеньевой с 1815 по 1827 г., в с. Тарханы Пензенской губернии (сейчас это село Лермонтово в Пензенской области).

В Москве памятник М.Ю. Лермонтову был открыт в июне 1965 г. Автором его является известный скульптор Исаак Давидович Юродский. Замысел памятника поэту возник еще в 1940 году: предполагалось расположить памятник недалеко от дома, где родился Лермонтов. Однако к тому времени, когда создавался памятник, дома, где родился поэт, не стало: на его месте было построено высотное здание. Монумен т М.Ю. Лермонтову был воздвигнут в сквере напротив станции метро «Красные ворота», между проездом Красных ворот и Новой Басманной улицей, он обращен к Лермонтовской площади. Это монументальный памятник — бронзовая фигура поэта высотой 5 метров расположена на четырехметровой гранитной площадке; с одной стороны памятника находится декоративная решетка, на которой отражены основные мотивы творчества Лермонтова. Перед входом на площадку воздвигнута стела с цитатой из поэмы Лермонтова «Сашка»: «Москва, Москва!.. Люблю тебя как сын, как русский, — сильно, пламенно и нежно». Автору памятника удалось передать

108

характерные черты личности М.Ю. Лермонтова – мужество, силу духа и поэтичность, лиризм.

В 1978 году памятники замечательному русскому поэту М.Ю. Лермонтову открылись в Пензе и г. Грозном.

М.Ю. Лермонтов – художник

М.Ю. Лермонтов – великий русский поэт и писатель. Однако не многие знают о том, что он был еще и талантливым художником. «На протяжении всей жизни Лермонтова художник в нем жил рядом с поэтом», – пишет Н.П. Пахомов. М.Ю. Лермонтов не получил специального художественного образования. Он обучался рисованию только во время своей непродолжительной учебы в Московском университетском пансионе и тогда, когда, став офицером, брал частные уроки у художника Петра Ефимовича Заболотского (1803–1866), русского художника, известного своими скромными и правдивыми портретами М.Ю. Лермонтова и жанровыми сценами, в традициях школы Алексея Гавриловича Венецианова (1780–1847), известного русского художника, одного из основоположников бытового жанра в русской живописи.

Произведения Лермонтова-художника довольно разнообразны по жанру. Это пейзажи (особенно кавказские, занимают значительное место в творчестве Лермонтова-художника), портреты, карикатуры (один из любимых жанров М.Ю. Лермонтова; они находятся в его альбомах и в альбомах его друзей), жанровые сценки (светские сценки, кавказский быт, сцены из крестьянской жизни), иллюстрации к своим поэтическим произведениям (самая немногочисленная группа живописных работ поэта).

К лучшим графическим рисункам М.Ю. Лермонтова исследователи относят рисунки из кавказской жизни поэта. Кавказ занимал особое место в жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова – с

ним связаны и первое серьезное увлечение поэта, и первые чувства восхищения грозной красотой кавказских гор, и годы ссылки — первой и второй — на Кавказ. Кавказу Лермонтов посвятил много своих поэтических произведений.

Теме Кавказа посвящено и немало художественных работ поэта, прежде всего, если говорить о графических рисунках, следует назвать «Эпизод из сражения при Валерике». Этот рисунок Лермонтова был раскрашен акварелью художником Г.Г. Гагариным, с которым Михаил Юрьевич познакомился в Петербурге зимой 1839—1840 года. Их дружба продолжалась и на Кавказе, куда Лермонтов был сослан царем, а Гагарин отправился по своему желанию. До нас дошли копии Гагарина с рисунков М.Ю. Лермонтова.

Сражение, эпизод из которого запечатлен Лермонтовым, происходило 11 июля 1840 года во время экспедиции в Чечне. Лермонтов сам непосредственно участвовал в этом страшном сражении у реки Валерик (в переводе с грузинского означает «река смерти»).

М.Ю. Лермонтов изображает смертельный рукопашный бой на фоне красивого, нежного и очень величественного пейзажа. Этот рисунок поэта, выразительный и очень эмоциональный, служит как бы иллюстрацией к его стихотворению «Валерик», выражает основную мысль поэта, выраженную в стихотворении:

Я думал: жалкий человек,
Чего он хочет!.. Небо ясно,
Под небом места много всем.
Но беспрестанно и напрасно
Один воюет он — зачем?

Почти все рисунки, картины М.Ю. Лермонтова автобиографичны. Например, картина «Сцена из кавказской жизни». На ней изображены два всадника, которые находятся в засаде и готовятся напасть на мирных путников. Картина была написана в 1838 году для знакомой поэта А.М. Верещагиной. Или картина «Воспоминание о Кавказе» — она была создана М.Ю. Лермон-

товым в 1838 году после возвращения из ссылки. Картина передает ощущение тревоги, опасности, которая ожидает всадников. Эти настроения передает колорит картины — багряные и сиреневые тона. Сами названия этих картин говорят об автобиографическом материале, о том, что вызваны они жизнью Лермонтова на Кавказе, его размышлениями о кавказцах, о кавказских войнах и их причинах: «Всадники, стреляющие в горах», «Горящая степь», «Эпизод из Кавказской войны 1840 г.», «Перестрелка в горах Дагестана. 1840—1841 гг.» и др. Этим картинам Лермонтова присущи динамизм, четкость описания лиц и поз изображенных, эмоциональность. Нередко события, изображенные художником Лермонтовым, происходят на фоне кавказского пейзажа.

«Лучшими среди живописных работ Лермонтова справедливо считаются кавказские пейзажи», — отмечают искусствоведы. М.Ю. Лермонтов был одним из первых художников, начавших писать Кавказ (во время и после первой ссылки, во время второй ссылки на Кавказ). Когда поэт оказался в ссылке на Кавказе, он старался отразить не только в своих поэтических произведениях, но и в художественном творчестве виды этого несравненного, замечательного по красоте края. Это такие рисунки М.Ю. Лермонтова, как «Дарьяльское ущелье» (Вид с арбой), «Вид Бештау близ Железноводска», «Тамань», «Вид Тифлиса», «Вид Пятигорска», «Эльбрус при восходе солнца», «Военно-Грузинская дорога близ Мцхеты». «Для Лермонтова-пейзажиста характерно стремление сочетать документальную точность изображения с поэтической образностью природы» (Е.А. Ковалевская), живописность и сочность красок, выразительность.

Часто М.Ю. Лермонтов писал портреты. Ему удавалось передать не только внешнее сходство, но и внутренний мир человека. Самой ранней работой поэта в технике масляной живописи из дошедших до нас, — это портрет легендарного предка Лермонтова — «Герцога Лармы». Также получил широкую известность «Автопортрет» Лермонтова, написанный по-

этом-художником в 1837 году. Лермонтов изобразил себя в форме Нижегородского драгунского полка на фоне гор. Портрет написан Лермонтовым во время первой кавказской ссылки — он был сослан на Кавказ за нашедшее стихотворение «Смерть поэта» — отклик на смерть А.С. Пушкина. Выразительно и печально лицо поэта. С неясной тревогой смотрит он в будущее. Кроме этой работы широко известен замечательный портрет В.А. Лопухиной, Вареньки Лопухиной, к которой Лермонтов испытывал самые нежные чувства и которая оставила глубокий след и в жизни поэта, и в его творчестве. Очень привлекательно лицо В. Лопухиной — оно прекрасно внутренней красотой, чистое, умное, нежное. Лицо любимой женщины поэта, одухотворенное, тонкое, с правильными чертами и огромными глазами, часто встречается в рисунках и акварелях М.Ю. Лермонтова.

Наследие Лермонтова-художника долгое время не было доступно широкой публике. В 1891 г., по случаю 50-летия со дня гибели поэта, было воспроизведено 11 работ М.Ю. Лермонтова. Только в XX веке, в 1910–1913 гг., когда было издано 5-томное академическое собрание сочинений поэта, началась более широкая публикация его художественного творчества. С 1934 года издания сочинений М.Ю. Лермонтова, как правило, сопровождаются публикацией его картин, акварелей, рисунков.

Художественному творчеству М.Ю. Лермонтова посвятили свои работы многие известные исследователи: И. Андронников, Л. Гроссман, Н. Пахомов и другие.

«Лермонтовский отряд»

Во время второй ссылки на Кавказ М.Ю. Лермонтов принимал самое активное участие в военных событиях. С 10 ок-

тября до конца ноября 1840 года он командовал отрядом добровольцев — «сотней» отборных конных бойцов, казаков-«охотников» во время походов в Малую и Большую Чечню. Этот отряд был известен своей безудержной отвагой и отчаянностью, удастью, презрением к опасности, преданностью своему командиру. Отряд, кроме того, что принимал активное участие в боевых операциях, действовал как партизанский — занимался разведкой. По воспоминаниям П.А. Султанова, который был разжалован в солдаты и служил в этом отряде, «поступить в него могли люди всех племен, наций и состояний без исключения... Желавшему поступить назначался экзамен, состоявший в исполнении какого-нибудь трудного поручения. Если экзаменуемый не проваливался, ...то ему брили голову..., приказывали отпустить бороду..., одевали по-черкесски и вооружали двухстволкой со штыком».

В дальнейшем «сотня» именовалась Лермонтовским отрядом, и вновь М.Ю. Лермонтов показал себя смелым и бесстрашным человеком.

М.Ю. Лермонтов был назначен командиром этого отряда генералом А.В. Галафеевым после сражения на реке Валерик, где проявил истинное мужество и храбрость. Вообще отрядом добровольцев командовал знаменитый офицер Дорохов; в одном из боев его ранили, он отказывался ехать в лазарет, и успокоился и дал увезти себя лишь тогда, когда узнал, что отрядом будет командовать М.Ю. Лермонтов.

Лермонтов был доволен своим назначением, т. к. это давало ему некоторую независимость и возможность отличиться, что помогло бы осуществить его заветное желание — уйти в отставку.

Начальство сразу отметило мужество М.Ю. Лермонтова: «...Всегда первый на коне и последний на отдыхе», — было сказано о нем в приказе.

Внешне М.Ю. Лермонтов — командир отряда, ничем не отличался от своих бойцов: ходил в расстегнутом сюртуке с ото-

гнутом воротом, в холщовой рубашке. Сослуживец поэта-бойца, Константин Христофорович Мамацев, вспоминал: «Я хорошо помню Лермонтова и как сейчас вижу его перед собою то в красной канаусовой рубашке, то в офицерском сюртуке без эполет, с откинутым назад воротником и переброшенною через плечо черкесскою шашкой, как обыкновенно рисуют его на портретах. Он был среднего роста, со смуглым или загорелым лицом и большими карими глазами».

«Даже в этом походе, — вспоминает К.Х. Мамацев, — он никогда не подчинялся никакому режиму, и его команда, как блуждающая комета, бродила всюду, появляясь там, где ей вздумается, в бою они искали самых опасных мест...» «При трудной переправе через реку Аргун, воспользовавшись залпом наших орудий внезапно бросился с отрядом на мешавших переправе чеченцев и заставил их ускориться в соседний лес. Во время фуражировки с горстью людей отбил нападение чеченцев на наших стрелков, помогая войскам проходить через густой Шалинский лес», — пишет в своей книге о великом поэте Т. Иванова. Он со своим отрядом отвлекал внимание чеченцев в чаще, потом, заняв выгодную позицию, охранял цепь стрелков. Именно он первым обнаружил при переходе через Гойтинский лес завалы и, обойдя чеченцев стороной, выбил их из леса.

В отряде М.Ю. Лермонтов жил, как и его воины, по — спартански: делил с ними все тяготы походной жизни: ел с солдатами из одного котла, спал в холодные осенние ночи вместе со своим отрядом на голой земле, засыпая под свист чеченских пуль. С людьми, которые находились под непосредственным его командованием, Лермонтов обращался очень просто, дружески, ничем не подчеркивая превосходства своего командирского положения. Он не пользовался никакими привилегиями офицера, жил с солдатами одной общей жизнью. Был справедливым, строг, но, когда нужно, заступался за солдат. Они его любили и уважали, чем Лермонтов очень гордился. Простые сол-

даты, служившие под командованием офицера-поэта, платили ему искренней любовью и преданностью, не покидая его в самые опасные минуты боя. Они даже дали ему прозвище Правильный Поручик.

Старших офицеров, служивших в генеральном штабе, возмущало такое поведение Лермонтова, они злобно насмехались над ним. «Натуру его постичь было трудно, — пишет исследователь Л.П. Семенов. — В кругу своих товарищей, гвардейских офицеров, участвовавших вместе с ним в экспедиции, он был всегда весел, любил острить, но его остроты часто переходили в меткие и злые сарказмы, не доставлявшие особого удовольствия тем, на кого они были направлены...»

Зато молодые артиллеристы полка приняли поэта в изгнании как своего. Лермонтов подружился с этими молодыми офицерами-артиллеристами, которых отличали передовые взгляды, образованность — даже в полку они читали передовые журналы, знали литературу. В этом кругу М.Ю. Лермонтова хорошо знали, ценили и уважали.

Поручик Лермонтов не раз представлялся к наградам за участие в кавказской войне. В одном из аттестационных списков ему была дана такая характеристика: «Во всю экспедицию в Малой Чечне, с 27 октября по 6 ноября, поручик Лермонтов командовал отлично во всех отношениях, всегда первый на коне и последний на отдыхе, этот храбрый расторопный офицер неоднократно заслуживал одобрение высшего начальства». За бой на реке Валерик М.Ю. Лермонтов был представлен к ордену Владимира 4-й степени с бантом, но командир корпуса снизил представление до ордена Станислава 3-й степени, который Лермонтов также не получил.

Лермонтов был представлен к награде вторично, на этот раз к золотой сабле с надписью «За храбрость», за участие в экспедиции, состоявшейся в конце октября — начале ноября. Однако и на этот раз неугодный властям офицер опальный поэт М.Ю. Лермонтов награды не удосужился.

Трагедия у Перкальской горы. Дуэль Лермонтова и Мартынова

М.Ю. Лермонтов, крамольный поэт, был неугоден царскому двору. За его гневные стихи «Смерть поэта», написанные после убийства великого русского поэта, он был отправлен в ссылку на Кавказ. Царское самодержавие надеялось таким образом избавиться от неугодного молодого поэта. Но Лермонтову удалось остаться в живых после участия в кавказской войне. В 1840 году он был сослан вторично на Кавказ, активно участвовал в военных действиях, руководил отрядом добровольцев, проявив бесстрашие, мужество, храбрость. И вновь он проявил себя как порядочный и смелый офицер (Лермонтов дважды был представлен к наградам за проявленные мужество и бесстрашие, которые так и не получил). Вопреки ожиданиям царя и его приближенных вновь пули не тронули офицера. Тогда стали искать другие пути избавления от поэта.

В 1841 году М.Ю. Лермонтов остановился на некоторое время в Пятигорске. Вокруг него тут же стали плестись интриги: поэта хотели убрать, но случая все не представлялось. Начали искать подставное лицо — исполнителя интриги. Остановились на молодом офицере Лисаневиче: он был влюблен в одну из дочерей генеральши Верзилиной, в семье которой бывал Лермонтов и где собирался цвет пятигорской молодежи; Лисаневич не раз являлся объектом шуток насмешливого, остроумного поручика Лермонтова. Лисаневичу стали внушать, что недостойно молодого терпеть насмешки Лермонтова, что обидчика стоит вызвать на дуэль. Однако Лисаневич оказался порядочным человеком. Он отказался участвовать в заговоре против Лермонтова, сказав, что если Лермонтов слишком далеко заходит в своих шутках, то всегда извиняется. «Что вы, — говорил Лисаневич, — чтобы у меня поднялась рука на такого человека!»

Рука поднялась у другого офицера — Мартынова. «Это было воплощенное ничтожество, — пишет автор нескольких книг о

М.Ю. Лермонтов и Т. Иванова. — Товарищ Лермонтова по военной школе, он был хорошо знаком ему чуть не с детства. Красив, самовлюблен, воображал себя поэтом. Соревнование посредственности с талантом всегда опасно: оно рождает чувство непреодолимой зависти, которая не останавливается ни перед чем... Мелкое тщеславие, неудачи по службе — все делало Мартынова особенно уязвимым». И делает вывод: «На струнах такого человека было нетрудно играть».

В один из вечеров в доме генеральши Верзилиной, за одной из дочерей которой ухаживали Лермонтов и Мартынов, Мартынов оскорбился на шутки Лермонтова. Он сказал, что заставит Лермонтова замолчать; на что поэт с достоинством ответил, что не боится его угроз и готов дать ему удовлетворение, если тот считает себя оскорбленным. Мартынов вызвал Лермонтова на дуэль.

Приятель поэта, Дорохов, предпринял отчаянные попытки помирить противников, убеждал секундантов развести их на время. Сам опытный дуэлянт, он хорошо знал все средства к примирению и пытался объяснить это секундантам. Он надеялся, что секунданты найдут способ избежать дуэли — ведь они — приятели Лермонтова: Столыпин (троюродный брат поэта), Васильчиков, Глебов... Но все было напрасно.

Лермонтов сам говорил секундантам, что он готов извиниться, что он не будет стрелять в Мартынова, своего старого приятеля. Однако секунданты не передали всего этого Мартынову, а тот все больше распалялся. По городу поползли слухи, вскоре все говорят о дуэли, но власти не делают ничего, чтобы предотвратить ее.

Условия дуэли были крайне тяжелыми. «Каждый имеет право стрелять, когда ему угодно... Осечки должны были считаться за выстрел. После первого промаха ... противник имел право вызвать выстрелившего на барьер...», пишет исследователь — лермонтовед В.А. Мануйлов; — он откровенно называет условия дуэли «смертельными»: каждый из дуэлянтов имел право на три выстрела с вызовом отстрелявшегося на барьер.

Настал день поединка. Лермонтов едет, не думая о смертельной опасности: его соперник — товарищ детства, секунданты — приятели и даже родственник (Столыпин)...

Дуэль великого русского поэта, двадцатисемилетнего М.Ю. Лермонтова, с Мартыновым состоялась около семи часов вечера 15 июля 1841 года недалеко от г. Пятигорска, у Перкальской горы. Когда все — и секунданты, и дуэлянты — прибыли на место дуэли, и Лермонтов и Мартынов заняли свои места, поэт сказал, что не будет стреляться, поднял руку и выстрелил в воздух. Мартынов выстрелил в Лермонтова в тот самый момент, когда рука «противника» была поднята вверх, т. е. будучи абсолютно уверен, что тот в него наверняка не выстрелит... М.Ю. Лермонтов был убит выстрелом в грудь навывлет.

На месте поединка не было ни врача, ни экипажа на случай гибели кого-то из стрелявшихся. Один из секундантов поскакал в Пятигорск за врачом и экипажем. Начался дождь, и только через несколько часов убитого поручика Лермонтова увезли в город.

«А наутро толпа народа осаждает маленький домик, — пишет Т. Иванова. — Тело засыпано цветами. Все цветы Пятигорска несут в дар Лермонтову. Царит скорбь и негодование, как в дни гибели Пушкина. Возбужденная толпа стоит на улице, заполняет двор. Фигура жандарма не раз появляется на пороге. Жандарм пытается убедить теснящихся к дому взволнованных людей, что убийства здесь не было, что был поединок... Голубые мундиры появляются и на всех скамейках пятигорского бульвара...»

После убийства великого русского поэта все было сделано властями как будто так, как следовало: было следствие, затем — суд и, наконец, приговор: признать виновными Мартынова и секундантов, приговорить их к лишению чинов и прав состояния (т. е. подсудимые оставались на свободе). Затем приговор смягчили, и в итоге последовало решение императора Николая I, которому был представлен доклад по делу: «Майора Мар-

тынова посадить в Киевскую крепость на гауптвахту на три месяца и предать церковному покаянию. Титульного же советника кн. Васильчикова и корнета Глебова простить, первого во внимание к заслугам отца, а второго по уважению полученной тяжелой раны».

Современники поэта и были возмущены таким приговором, а по существу, прощением виновных. «Тягчайшим преступлением против русской культуры» характеризовали организацию дуэли, исполнители которой остались по существу безнаказанными (В. Мануйлов).

Род Лермонтова

Еще мальчиком М.Ю. Лермонтов испытывал жгучий интерес к своей родословной: кто его предки? Почему он носит такую интересную, не славянскую фамилию? Когда начался его род?

По отцовской линии (отец поэта – Юрий Петрович Лермонтов) он не знал о своей родословной раньше XVIII века. Еще мальчиком М. Лермонтов строил романтические догадки о своей фамилии, которая представлялась ему по своему языковому оформлению происходящей от исторических имен: испанского *Letma* или шотландского *Learmonth* – полулегендарного поэта-прорицателя Томаса Рифмача, который был прозван Лермонтом и считается родоначальником шотландской литературы (XIII в.). Эти мысли М.Ю. Лермонтова, его колебания относительно своего происхождения и родословной нашли отражение в его стихотворениях «Баллада» («Берегись! Берегись!»), «Гроб Оссиана», «Желание»:

... На запад, на запад помчался бы я.
Где цветут моих предков поля,
Где в замке пустом, на туманных горах,
Их забвенный поконится прах....

Последний потомок отважных бойцов
Увяжает среди чуждых снегов;
Я здесь был рожден, но нездешний душой...
Желание

Когда М.Ю. Лермонтов учился в Московском университете, рассказывают, ему приснился испанский предок Лерма — будущий великий русский поэт дважды писал его портрет. В 1832–1838 гг. Лермонтов иногда подписывался его именем. Он даже обращался с запросом о своем предке в мадридский архив.

Уже после гибели поэта был обнаружен интересный архивный документ 1698 года, уточняющий генеалогические данные Лермонтова; в нём говорится, что в XI веке за помощь королю Малькольму III в разгроме Макбета их предку «Лерманту дано в вотчину господинство Дерси (ныне это деревушка в восьми километрах от г. Сент-Андрус). Член английского парламента А. Лермант в 1873 г. письменно подтвердил: «Мы некогда были владельцами поместья Dairsie, которое находится в графстве Файф в Шотландии; моя фамилия происходит от Томаса поэта» (Лермонтовская энциклопедия). Версию о том, что Лермонтовы являются потомками соратников Малькольма III подтверждает военный и государственный деятель петровской эпохи шотландец Патрик Гарсон.

Основателем рода Лермонтовых в России явился Георг (Юрий) Лермонт. На русской земле он оказался впервые в 1613 году в составе польского гарнизона города Белого (сейчас это центр Бельского района Камышинской области), осажденного русскими войсками. В московское войско перешло около 60 шотландцев и ирландцев, и среди них был Георг Лермонт, перешедший на службу русскому царю. Сначала он служил офицером в войске князя Д.М. Пожарского, затем, в 1621 году, являясь поручиком, был пожалован поместьями в Костромской губернии. Георг Лермонт погиб во время русско-польской войны 1632–1634 гг. в звании ротмистра.

У него было три сына – Вильям, Петр и Андрей. Дети были только у среднего сына – Петра, который принял православную веру в 1653 году и стал позднее воеводой г. Саранска. Именно он был дедом Юрия Петровича Лермонтова (родился в 1722 году), отца поэта Михаила Юрьевича Лермонтова, на котором оборвалась ветвь.

Юрий Петрович закончил Шляхетский кадетский корпус, был поручиком, а затем секунд-майором русской армии. Его сын – Петр Юрьевич (дед поэта) – поручик, а с 1784 года – Галицкий уездный предводитель дворянства.

По отцовской линии М.Ю. Лермонтова идут родственники поэта, судьба которых достаточно интересна.

Так, Михаил Николаевич Лермонтов (1792–1866) служил в гвардейском экипаже, принимал участие в русско-шведской войне и Отечественной войне 1812 года. В 1860 г. уволен в отставку в чине адмирала.

Сын Михаила Николаевича Лермонтова, Александр Михайлович Лермонтов (1838–1906), в годы русско-турецкой войны участвовал в освобождении нескольких болгарских городов от турецких захватчиков. В г. Бургаса болгарами в 1878 г., к 100-летию освобождения г. Бургаса, был воздвигнут монумент в честь генерала Александра Михайловича Лермонтова.

Интересна судьба еще одной родственницы Лермонтова по отцовской линии. Это Юлия Всеволодовна Лермонтова (1846–1919) – первая русская женщина-химик, получившая еще в 1874 году, в двадцать восемь лет, звание доктора наук, подруга и соратник знаменитой женщины-математика Софьи Ковалевской. Ю.В. Лермонтова внесла значительный вклад в развитие науки химии в России.

По материнской линии Лермонтов имеет богатую родословную. В роду Столыпиных были генералы, крупные государственные чиновники, известные общественные деятели.

Мама М.Ю. Лермонтова – Арсеньева. Бабушка поэта со стороны матери, вырастившая будущего поэта, – Арсеньева Елиза-

вета Алексеевна, урожденная Столыпина (1773–1845), представительница известного на Руси рода.

Род Арсеньевых в России берет начало в 1389 году, когда к Великому князю Владимирскому и Московскому Дмитрию Донскому перешел на службу из Золотой Орды, вместе с другими представителями татарской знати, Аслан Мурза, Челебей. Челебей принял христианскую веру и получил имя Прокопий. У Прокопия было три сына. Старший сын, Арсений (Юсуп) и является родоначальником Арсеньевых. Из рода Арсеньевых вышли крупные государственные и военные деятели России.

В 1794 году бабушка будущего поэта вышла замуж за М.В. Арсеньева (деда Лермонтова) – Елецкого помещика, капитана лейб-гвардии Преображенского полка, предводителя дворянства в Чембарском уезде. В память о нем внук, Михаил Юрьевич Лермонтов, получил свое имя.

Брак их не был счастливым. 1 января 1810 года М.В. Арсеньев отравился. В 1817 году умерла их единственная дочь – Мария Михайловна Лермонтова, мать будущего великого русского поэта. Всю свою любовь, всю жизнь бабушка, Елизавета Алексеевна, отдала внуку, – «он один свет очей моих, все мое блаженство в нем», – писала она. Она вырастила Михаила, неустанно заботилась о его здоровье (первые путешествия на Кавказ были связаны именно с усилиями бабушки поправить здоровье внука), дала ему прекрасное образование, она же и похоронила Михаила Юрьевича, убитого на дуэли, перевезла его останки в родовое имение в Тарханах.

Девичья фамилия бабушки М.Ю. Лермонтова – Столыпина. Ее отец, Алексей Емельянович, прадед поэта, – пензенский помещик и губернский предводитель, ценил просвещение и дал сыновьям прекрасное образование. Он был владельцем одного из лучших крепостных театров в России. Его сын, Александр Алексеевич Столыпин, являлся адъютантом великого русского полководца А.В. Суворова, впоследствии – автор воспоминаний о талантливом военачальнике.

Другой сын – Аркадий Алексеевич (1778–1825), был тайным советником, обер-прокурором Сената, затем – сенатором. Он являлся близким другом Михаила Михайловича Сперанского, русского государственного деятеля, ближайшего советника императора Александра I, автора плана либеральных преобразований в России. Аркадий Аркадьевич Столыпин имел незаурядное литературное дарование. В 1795 году он опубликовал свое первое стихотворение – «Письмо с Кавказской линии к другу моему Г.Г.П. в Москве». «Это было первое в русской литературе стихотворное произведение о Кавказе», отмечают – исследователи. Аркадий Аркадьевич был знаком с известными людьми своей эпохи – писателями Н.М. Карамзиным, А.С. Грибоедовым, многими декабристами – В.К. Кюхельбекером, К.Ф. Рылеевым и др. Он пользовался уважением среди декабристов, его даже предполагали ввести после победы декабристского восстания в состав Временного правительства.

Семейная драма М.Ю. Лермонтова

В детские годы будущий русский поэт пережил тяжелую драму – когда ему было три года, умерла мать мальчика, и с этого же времени, по решению бабушки, он по существу лишился отца – Елизавета Алексеевна не разрешила видеться отцу и сыну.

Кто же были родители М.Ю. Лермонтова? Что за драма скрывалась за фактом разлуки отца и сына?

Юрий Петрович Лермонтов родился в 1787 году в Тульской губернии в семье небогатых помещиков. В Петербурге окончил Первый Кадетский корпус, потом служил в Кексгольмском пехотном полку – сначала прапорщиком, затем воспитателем. Вышел в отставку в 1811 году в чине капитана – из-за болезни. В годы Отечественной войны 1812 года Юрий Петрович воевал в Тульском дворянском ополчении.

В 1813 году он знакомится с Марией Михайловной Арсеньевой и женится на ней. После свадьбы молодые переезжают в Тарханы, родовое имение Арсеньевых, однако их семейная жизнь не сложилась. Исследователи жизни и творчества М.Ю. Лермонтова строили много гипотез относительно этого. Не вдаваясь в подробности (было бы бестактно «ворошить грязное белье»), скажу только, что наиболее часто называют «недовольство Е.А. Арсеньевой браком дочери... и охлаждение Юрия Петровича к жене». Отношения Юрия Петровича с Елизаветой Алексеевной еще более обострились после смерти Марии Михайловны, матери маленького Михаила, в 1817 г. Юрий Петрович уезжает из Тархан в свое имение Кропотово, а сына оставляет на воспитание у бабушки: таково было ее условие в завещании (некоторые биографы М.Ю. Лермонтова считают, что за отказ от воспитания сына Юрий Петрович получил от Е.А. Арсеньевой 25 тысяч рублей. Однако этот факт не доказан).

Юрий Петрович любил сына, он виделся с ним в Кропотове в 1827 году, а потом каждый год в Москве. К сожалению, до нас не дошла переписка М.Ю. Лермонтова с отцом. Известно только завещание Юрия Петровича, в котором нашла выражение его горячая любовь к сыну и ответная любовь, нежное отношение Михаила к отцу, понимание Юрием Петровичем таланта сына. Вот фрагмент из этого завещания: «... ты одарен способностями ума, — не пренебрегай ими и всего более страшись употреблять оные на что-либо вредное или бесполезное: это т а л а н т, в котором ты должен будешь некогда дать отчет Богу!... Ты имеешь, любезнейший сын мой, доброе сердце... Благодарю тебя, бесценный друг мой, за любовь, твое ко мне внимание». Одни только обращения отца к сыну: «любезнейший сын мой», «бесценный друг» говорят о нежном и любовном отношении Юрия Петровича к разлученному с ним сыну.

Об ответной любви М.Ю. Лермонтова к отцу, с которым он вынужден был с раннего детства жить в разлуке, свидетельствуют и отдельные его стихотворения:

«Я видел тень блаженства; но вполне...», «Пусть я кого-нибудь люблю» (зачеркнутая в автографе 3-я строфа), «Эпитафия («Прости! Увидимся ль мы снова?»).

Стихотворение «Ужасная судьба отца и сына...» было написано в связи со смертью отца, которая произошла в 1831 году; в нем выражено трагическое осознание М.Ю. Лермонтовым давнишней семейной драмы, приведшей к тяжелой, страдальческой жизни отца, к ужасной разлуке близких людей.

Ужасная судьба отца и сына...
Ужасная судьба отца и сына
Жить розно и в разлуке умереть...

...О мой отец! Где ты? Где мне найти
Твой гордый дух, бродящий в небесах?
В твой мир ведут столь разные пути,
Что избирать мешает тайный страх...

Стихотворение «Эпитафия» («Прости! Увидимся ль мы снова?») было написано М.Ю. Лермонтовым в 1832 году и посвящено памяти отца. В нем открыто выражено чувство страдания от потери близкого человека.

Эпитафия
Прости! Увидимся ль мы снова?
И смерть захочет ли свести
Две жертвы жребия земного,
Как знать! Итак, прости, прости!..
Ты дал мне жизнь, но счастья не дал;
Ты сам на свете был гоним,
Ты в людях только зло изведal...
Но понимаем был одним.
И тот один, когда рыдая
Толпа склонялась над тобой,
Стоял, очей не обтирая,
Недвижный, холодный и немой.
И все, не ведая причины,
Винили дерзостью его,
Как будто миг твоей кончины

Был мигом счастья для него.
Но что ему их восклицанья?
Безумцы! не могли понять,
Что легче плакать, чем страдать
Без всяких признаков страданья.

Семейная драма М.Ю. Лермонтова, особенно столкновение его отца с бабушкой, нашла отражение также и в драматургии поэта, в юношеских пьесах «Станный человек» и «Menschen und Leidenschaften». Герой говорит: «У моей бабки, моей воспитательницы – жестокая распря с отцом моим, и это все на меня упадет».

М.Ю. Лермонтов не понимает, почему близкие ему люди так жестоки друг к другу, и это причиняет ему всю жизнь страдание и боль. Он не может – и не хочет быть судьей отца, любимого им человека: «Мы не нашли вражды один в другом, / Хоть оба стали жертвою страданья! / Не мне судить, виновен ты или нет...» (Стихотворение «Ужасная судьба отца и сына...»).

Мать поэта, Мария Михайловна (1795–1817), была единственной дочерью М.В. и Е.А. Арсеньевых. Она была с детства очень болезненной, слабой. С будущим мужем Мария Михайловна познакомилась у родственников в Орловской губернии. Несмотря на то что мать была против ее брака, вышла за Юрия Петровича Лермонтова замуж.

Современники, знавшие Марию Михайловну, очень тепло вспоминают о ней: говорят о ее доброте и отзывчивости – она сама лечила крестьян, о ее незаурядных музыкальных способностях – Мария Михайловна часто играла и пела, взяв сына на колени. Став взрослым, Лермонтов вспоминал то время: «Когда я был трех лет, то была песня, от которой я плакал... Ее певала мне покойная мать».

Мария Михайловна, мать будущего поэта, умерла от чахотки в 22 года, когда Лермонтову было три года. «В слезах угасла мать моя...», – писал он в черновике стихотворения «Пусть

я кого-нибудь люблю». Похоронили ее в родовом имении в Тарханах.

Образ рано умершей матери появится в поэме М.Ю. Лермонтова «Сашка», в автобиографической строфе: «Он был дитя, когда в тесовый гроб / Его родную с пеньем уложили...»

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ГОГОЛЬ

Памятные места Москвы, связанные с Н.В. Гоголем

Николай Васильевич Гоголь является одним из великих писателей России. Его творчество – ранние повести «Вечера на хуторе близ Диканьки», его повести «Тарас Бульба», «Шинель», «Нос», знаменитая пьеса «Ревизор» и не менее знаменитый роман «Мертвые души» сделали его имя широко известным и почитаемым еще при жизни. А после смерти писателя его произведения вошли в золотой фонд классической русской литературы.

Н.В. Гоголь умер 21 февраля 1852 года в возрасте 43 лет. Его смерть потрясла всю Москву. «Тургенев, Вяземский, Жуковский – новое и старое, «пушкинское» поколение литературы откликнулось болью на смерть Гоголя. Не было мыслящего человека во всем государстве, которого бы не поразила эта весть», – пишет И. Золотусский.

И.С. Тургенев, знаменитый современник Гоголя, в своем письме из Петербурга писал: «Гоголь умер! – Какую русскую душу не потрясут эти два слова? – Он умер. Потеря наша так жестока, так внезапна, что нам все еще не хочется ей верить... Да, он умер, этот человек, которого мы теперь имеем право, горькое право, данное нам смертью, назвать великим; человек, который своим именем означил эпоху в истории на-

шей литературы; человек, которым мы гордимся как одной из слав наших!..»

А своей близкой знакомой Полине Виардо Иван Сергеевич Тургенев, известный писатель-классик, писал из Петербурга в Париж: «Нет русского сердца, которое не обливалось бы кровью в настоящую минуту. Для нас это был более чем писатель: он раскрыл нам самих себя. Он во многих отношениях был для нас продолжателем Петра Великого».

С 22 по 24 февраля доступ к телу Н. Гоголя был открыт в его последней квартире в доме 7а на Никитской улице. К этому дому шло огромное множество людей, которых никто не звал, не агитировал, не просил; они шли потому, что понимали, какой великий человек ушел из жизни. У гроба Н.В. Гоголя в церкви Московского университета, куда решили перенести писателя как почетного члена университета, почитатели таланта великого писателя России дежурили постоянно, день и ночь, и день и ночь все шли и шли люди, чтобы отдать дань любви, уважения любимому писателю, попрощаться с ним. «Стечение народа в продолжение двух дней было невероятное, — писал знакомый умершего писателя Ф.И. Иорден близкому другу Гоголя, художнику А.А. Иванову в Италию. — Рихтер (художник), который живет возле университета, писал мне, что два дня не было проезду по Никитской улице».

Утро 24 февраля. Множество людей стоит у церкви Московского университета. Здесь и генерал-губернатор Москвы А.А. Закревский, и попечитель Московского учебного округа В.П. Назимов; здесь и друзья писателя, стоящие у гроба, — Грановский, Островский, Чаадаев, Хомяков. И. Аксаков сказал: «Мы хороним одну из слав России». Его слова продолжил Грановский: «Больше, кажется, хоронить некого».

Более восьми километров несли на руках гроб с телом писателя — от улицы Моховой, где находилась церковь Московского университета, до Данилова монастыря, где и был похоронен великий русский писатель Н.В. Гоголь.

Уже после Октябрьской революции, 31 мая 1931 года, прах Гоголя был перенесён на Новодевичье кладбище в г. Москве.

В Москве на Суворовском бульваре стоит замечательный памятник Н.В. Гоголю — дань памяти и любви русского народа к великому русскому писателю.

Еще в 1880 году, во время проведения торжественных мероприятий, посвященных А.С. Пушкину, когда на Тверском бульваре был воздвигнут памятник поэту работы знаменитого скульптора Опекушина, возникло решение о создании памятника другому замечательному русскому писателю — Н.В. Гоголю. Было создано жюри конкурса и объявлен конкурс на проект лучшего памятника писателю, а также подписка на памятник Н.В. Гоголю. Со всех концов страны приходили подписные листы с малыми и большими суммами, — из столицы, крупных городов, даже сел и деревень. И подписывали их и великие князья, и купцы, и люди духовного звания, и литераторы, и крестьяне. Среди этих подписных листов было немало и таких, в которых вместо подписи стояли крестики — неграмотные люди России тоже знали и любили писателя Гоголя и хотели обесмертить его имя.

Условия конкурса были достаточно суровые: проект памятника может быть принят только в том случае, если все члены жюри проголосуют за него единогласно, если не будет ни одного, кто был бы не согласен с мнением остальных.

И вот спустя почти тридцать лет, 26 апреля 1909 года в Москве, на Арбатской площади был открыт памятник Н.В. Гоголю. Автором его явился молодой скульптор Н.А. Андреев.

Николай Андреевич Андреев (1873—1932) — русский советский скульптор, заслуженный деятель искусств РСФСР. Кроме памятника Н.В. Гоголю он создал в Москве также памятники нескольким известным писателям XIX века — великому русскому драматургу Александру Николаевичу Островскому, автору пьес-сказки «Снегурочка», известных во всем мире пьес «Беспри-

данница» и «Гроза» и др., Александру Ивановичу Герцену, русскому революционеру, писателю, философу XIX века и Николаю Платоновичу Огареву, русскому революционеру, поэту, публицисту, другу и соратнику А.И. Герцена.

«Я должен до последней минуты своей работать» (Н.В. Гоголь)

В воспоминаниях современников Н.В. Гоголя, в его «Авторской исповеди» сохранились заметки о литературном труде великого писателя, о том, как он работал над своими произведениями.

Предоставим слово самому писателю.

Гоголь говорит о долге писателя, о том, что писательский труд — это служение государству, отечеству: «Я увидел ясно, — пишет Н.В. Гоголь в 1847 году в своей «Авторской исповеди», — что больше не могу писать без плана, вполне определительного и ясного, что следует хорошо объяснить прежде самому себе цель сочинения своего, его существенную полезность и необходимость, вследствие чего сам автор возгорелся бы любовью истинной и сильной к труду своему, которая животворит все и без которой нейдет работа, — словом, чтобы почувствовал и убедился сам автор, что, творя творенье свое, он исполняет именно тот долг, для которого он призван на землю, для которого именно ему даны способности и силы и что, исполняя его, он служит в то же самое время так же государству своему, как бы он находился на государственной службе».

Писателю, считает Гоголь, необходимо хорошо знать жизнь, быть пытливым и любознательным, хорошо знать людей, пытаться проникнуть в их характер, внутренний мир, чтобы художественные образы в его произведениях были достоверными и выразительными.

«... Я стал знакомиться с людьми, от которых мог чему-нибудь научиться и разузнать, что делается на Руси... Мне хотелось сойтись с людьми всех сословий и от каждого что-нибудь узнать. Всякий должностной и чем-нибудь занятый человек стал в глазах моих интересен... Мне казалось это необходимым для писателя, который берет людей на разных поприщах». Гоголь жадно вглядывается в жизнь, вбирает в себя впечатления окружающего мира. Иногда он как будто оправдывается: «Я чувствую, что уже слишком любопытен, но это страсть моя». Исследователь А. Турков приводит в своей книге рассказ одного из знакомых писателя в подтверждение этого постоянного желания Гоголя больше узнать о самых разных людях. «... Я оставил Гоголя с городничим и пошел на станцию. Через четверть часа я застал их еще на том же месте... Гоголь влился в моего городничего, как пиявка, и не устал расспрашивать его обо всем, что его занимало... Покуда мы обедали, он все время разговаривал с половым, расспрашивал его, откуда он, сколько получает жалованья, где его родители, кто чаще других заходит к ним в трактир, какое кушанье больше любят чиновники в Малоярославце и какую воду употребляют, хорош ли у них городничий и тому подобное. Расспросил о всех живущих в городе и близ города...»

Современники Гоголя вспоминают, что Гоголь сам говорил о писательском труде: «Человек пишущий так же не должен оставлять пера, как живописец кисти. Пусть что-нибудь пишет непременно каждый день. Надобно, чтобы рука приучилась совершенно повиноваться мысли».

Знакомый Н.В. Гоголя, Н.В. Берг, оставил интересные воспоминания о том, подолгу, кропотливо, тщательно, настойчиво работал сам писатель над своими произведениями.

«Гоголь рассказал при мне, как он обыкновенно пишет, какой способ писать считает лучшим. «Сначала нужно набросать в с е, как придется, хотя бы плохо, водянисто, но решительно в с е, и забыть об этой тетради. Потом, через месяц, через два,

иногда более (это скажется само собою), достать написанное и перечитать: вы увидите, что многое не так, много лишнего, а кое-чего и недостает. Сделайте поправки и заметки на полях — и снова забросьте тетрадь. При новом просмотре ее — новые заметки на полях, и где не хватит места — взять отдельный клочок и приклеить сбоку. Когда все будет таким образом исписано, возьмите и перепишите тетрадь собственноручно... Тут сами собой явятся новые озарения, урезы, добавки, очищения слога. Между прежних вскочат слова, которые необходимо там должны быть, но которые почему-то никак не являются сразу. И опять положите тетрадку. Путешествуйте, развлекайтесь, не делайте ничего или хоть пишите другое. Придет час — вспомнится заброшенная тетрадка: возьмите, перечитайте, поправьте тем же способом, и когда снова она будет измарана, перепишите ее собственноручно. Вы заметите при этом, что вместе с крепчением слога, с отделкой, очисткой фраз — как бы крепчает и ваша рука; буквы ставятся тверже и решительнее. Так надо делать — по моему, в о с е м ь раз... Я делаю восемь раз. Только после восьмой переписки непременно собственной рукою труд является вполне художнически законченным, достигает перла создания. Дальнейшие поправки и пересматриванье, пожалуй, испортят дело; что называется у живописцев: з а р и с у е ш ь с я. Конечно, следовать постоянно таким правилам нельзя, трудно. Я говорю об идеале. Иное пустишь и скорее. Человек все-таки человек, а не машина».

Об этой же кропотливой работе Гоголя над своими произведениями говорит и знакомый писателя Д.А. Оболенский: «Граф А.П. Толстой сказывал мне, что ему не раз приходилось слышать, как Гоголь писал свои «Мертвые души». Проходя мимо дверей, ведущих в его комнату, он не раз слышал, как Гоголь один, в запертой горнице, как будто бы с кем-то разговаривал, иногда самым неестественным голосом. В черновых рукописях видны следы этой работы. Каждый разговор переделывался Гоголем по нескольку раз. Зато как живо, верно и естественно говорят все его действующие лица».

В известной статье В.Г. Белинского, посвященной творчеству Николая Васильевича Гоголя, — «О русской повести и повестях Гоголя», есть интересный фрагмент, который, как вспоминает П.В. Анненков, русский критик и мемуарист, был особенно близок Н.В. Гоголю, фрагмент, в котором определяется процесс творчества. «Я имел случай видеть действие этой статьи на Гоголя, — вспоминает П.В. Анненков. — С особенным вниманием остановился в ней Гоголь на определении качеств истинного творчества, и раз, когда зашла речь о статье, перечитал вслух одно ее место: «Виде создание художника есть тайна для всех, еще он не брал пера в руки, — а уже видит их (образы) ясно, уже может счесть складки их платья, морщины их чела, изборозжденного страстями и горем, а уже знает их лучше, чем вы знаете своего отца, брата, друга, свою мать, сестру, возлюбленную сердца; так же он знает и то, что они будут говорить и делать, видит всю нить событий, которая обовьет и свяжет между собою». «Это совершенная истина», — заметил Гоголь.

Об этом свойстве Гоголя-художника — его замечательной работоспособности, преданности писательскому делу, писательскому труду говорят многие из тех, кто лично знал Гоголя, и те, кто знает его по его произведениям, воспоминаниям современников. Прониновенно сказал об этом наш современник, литературный критик А. Турков.

«...Я с детства люблю памятник, некогда стоявший на Гоголевском бульваре, а потом перекочевавший к тому самому дому, где прошли последние месяцы, недели, дни, часы писателя.

Гоголь сидит понурый, угнетенный, может быть, только сжегший свою последнюю книгу, все потерявший и во всем отчаявшийся.

Больной. Бездомный. Одинокий.

И — бесконечно прекрасный: человек, который трудился».

В письме своему другу, великому русскому художнику А.А. Иванову, Гоголь писал: «Мне нет дела до того, кончу ли я свою картину (имеется в виду поэма «Мертвые души») или

смерть меня застигнет на самом труде; я должен до последней минуты своей работать, не сделавши никакого упущения со своей собственной стороны. Если бы моя картина погибла или сгорела перед моими глазами, я должен быть так же спокоен, как если бы она существовала, потому что я не зевал, я трудился».

Друзья Н.В. Гоголя

Н.В. Гоголь был знаком со многими известными людьми своего времени – литераторами, художниками, издателями литературных журналов. Среди них – великие русские поэты А.С. Пушкин и М.Ю. Лермонтов, великий русский критик В.Г. Белинский, первый русский баснописец И.А. Крылов, известные русские поэты В.А. Жуковский и Е.А. Баратынский, талантливые писатели С.Т. Аксаков, И.А. Гончаров, А.И. Герцен, великие русские художники А.А. Иванов и К.П. Брюллов, издатели М.П. Погодин и И.И. Панаев, известный знаток и собиратель произведений народно – поэтического творчества В.П. Киреевский и многие другие. «Гоголь любил людей. Многие дружеские связи писатель нерушимо пронес через всю жизнь, и никакие обстоятельства не изменили их. Друзей Гоголь находил везде, в самых различных слоях русского общества, с которым сталкивала его жизнь. Гоголя не интересовало общественное положение человека, его титулы, чины и звания. Писателя привлекал сам человек, его характер, его личные качества», – отмечают исследователи жизни и творчества Н.В. Гоголя П.К. Боголепов и Н.П. Верховская.

Окружающие писателя люди тянулись к нему – их привлекали талант Гоголя как гениального писателя, его тонкий вкус, остроумие, бескорыстие.

Среди многочисленных знакомых Гоголя были у него близкие друзья, с которыми он прошел и горести, невзгоды, и счастливые моменты своей жизни.

Прежде всего это семья Аксаковых.

Глава семьи, Сергей Тимофеевич Аксаков (1791–1859), – известный русский писатель, автор популярных произведений «Записки ружейного охотника», «Семейные хроники», «Детство Багрова – внука» и других. Дом Аксаковых в 30–40-х годах был одним из самых известных литературных домов Москвы.

Сыновья Сергея Тимофеевича Аксакова были связаны с литературой, может быть, поэтому, Гоголь сблизился с ними. Старший, Константин Сергеевич, был писателем-публицистом, Иван Сергеевич – поэт, критик и публицист. Отношения между Константином Сергеевичем и Николаем Васильевичем Гоголем были особенно близкими, дружескими, и хотя позднее они разошлись во взглядах, но продолжали относиться друг другу благожелательно.

С семьей Аксаковых Гоголь познакомился в свой первый приезд в Москву, летом 1832 года. С первой же встречи Гоголь и Аксаковы почувствовали взаимную симпатию, скоро это чувство переросло в дружбу, которой Аксаковы оставались верны всю жизнь. Семья Аксаковых ценила Гоголя как гениального писателя, все члены этой большой семьи стремились окружать Гоголя вниманием, теплотой и заботой. Сергей Тимофеевич принимал самое активное участие в делах Гоголя в течение всей жизни, сделал ему немало добра. Например, в трудные для Гоголя дни он организовал материальную помощь писателю, которую Гоголь получал от своих московских друзей в складчину. С.Т. Аксаков охотно выполнял поручения Гоголя (писатель прожил долгие годы в Петербурге), в своих письмах рассказывал ему обо всем, что происходило в Москве, особенно в ее литературной жизни.

В свою очередь, как отмечают критики, общение с Гоголем помогло Сергею Тимофеевичу Аксакову найти свою дорогу в литературе.

В доме Аксаковых Гоголь чувствовал себя своим – легко, уютно, приятно. Лишенный семьи, домашнего очага, в этой се-

мье он находил домашний уют и всегда очень ценил горячую привязанность к себе Аксаковых.

С.Т. Аксаков оставил интересные воспоминания о Н.В. Гоголе, ознакомившись с которыми можно многое узнать о характере, взаимоотношениях с людьми, писательском труде замечательного русского писателя.

Павел Васильевич Анненков (1812 – 1887), известный русский критик и мемуарист. Он сотрудничал в прогрессивном литературном журнале «Современник», является автором широко известных «Литературных мемуаров», занимающих существенное место в литературе XIX века.

П.В. Анненков был в дружеских отношениях с И.С. Тургеневым, В.Г. Белинским, А.И. Герценом и другими известными деятелями литературы того времени.

П.В. Анненков был хорошо знаком с Н.В. Гоголем, более того, был дружен с ним. Они познакомились в первые годы жизни Гоголя в Петербурге, когда уже были известны его «Вечера на хуторе близ Диканьки». Летом 1841 года П.В. Анненков встретился с Гоголем в Риме, где поселился с ним в одном доме, помогал Гоголю переписывать его знаменитую поэму «Мертвые души».

Александр Андреевич Иванов (1806–1858), знаменитый русский художник, автор всемирно известной картины «Явление Христа народу», над которой работал в течение многих лет.

Так случилось, что А.А. Иванов прожил всю жизнь в Италии, куда был командирован обществом поощрения художников, после успешного окончания Петербургской академии художеств, на три года да так и остался. Вернулся А.А. Иванов на родину только за два месяца до смерти.

Гоголь познакомился с художником в первую свою поездку за границу (1836-1839 гг.), когда работал над своей поэмой «Мертвые души», а Иванов был долгие годы занят замыслом своего колоссального полотна. Они подружились. А.А. Иванов

познакомил Гоголя с русскими художниками, проживающими в Риме, и писатель постоянно общался с ними.

«Грусть и скука нам без вас в Риме, — писал Иванов Гоголю после отъезда писателя в Петербург. — Мы привыкли в часы досуга или слышать подкрепительные для духа ваши суждения, или просто забавляться вашим остроумием и весельем. Теперь ничего этого нет...»

Гоголь всерьез интересовался творчеством А.А. Иванова, их сближало и то, что оба долго работали над фундаментальными произведениями искусства: Иванов — над своей картиной «Явление Христа народу», а Гоголь — над двухтомным романом-поэмой «Мертвые души». «Хорошо бы было, — писал Гоголь другу в 1850 году, продолжая работу над вторым томом «Мертвых душ», — если бы и ваша картина, и моя поэма явились вместе». Гоголь высоко ценил творчество своего друга, он характеризовал художника как «знаменитого нашего и решительно первого живописца».

А.А. Иванов был благодарен другу за его заботу и постоянное внимание к себе. «Это человек необыкновенный, — писал он отцу из Рима летом 1841 года, — имеющий высокий ум и верный взгляд на искусство, человек самый интереснейший... Ко всему этому он имеет доброе сердце». Известен портрет Гоголя работы А.А. Иванова. Писатель изображен на нем по-домашнему: он в халате, чуть-чуть ленивый, с беспечной улыбкой, смотрит спокойно, немного рассеянно.

Михаил Петрович Погодин (1800 — 1875), профессор Московского университета, историк, издатель журнала «Москвитинин», литератор, написавший несколько повестей и исторических драм.

Гоголь познакомился с М.П. Погодиным летом 1832 года, когда впервые приехал в Москву. Погодин стал покровительствовать молодому талантливому писателю, автору уже известных и полюбившихся читающей публике «Вечеров на хуторе близ Диканьки», он ввел его в круг московских литера-

торов. Вскоре между ними установились дружеские отношения. Гоголь высоко ценил знания Погодина-историка, его удивительную трудоспособность. Всегда, приезжая в Москву, Гоголь встречался с М.П. Погодиным, так же как и Погодин, приезжая в Петербург, обязательно виделся с Гоголем. Они активно переписывались, Гоголь делился с Погодиным своими творческими замыслами, прямо и откровенно высказывался о произведениях товарища.

Когда у А.С. Пушкина в период его работы над историческими произведениями возникла необходимость в помощниках, Погодин предложил ему кандидатуру Гоголя. М.П. Погодин помогал Гоголю в ведении его дел, не раз помогал ему деньгами.

Смирнова Александра Осиповна (1809—1882), в девичестве Россет, одна из образованных женщин того времени, близкий друг Н.В. Гоголя.

Как и писатель, она родилась на Украине, которую очень любила, там же прошли ее детские годы. После окончания Смольного института Александра Осиповна была назначена фрейлиной к императрице. Во дворце она познакомилась с В.А. Жуковским, А.С. Пушкиным и другими писателями, которые стали у нее бывать. Так организовался небольшой литературный салон красивой и образованной женщины, фрейлины Россет. «Живая, веселая, очень остроумная и образованная, интересующаяся искусством, она сумела привлечь в гостиную лучшие литературные силы того времени», — пишут в своей книге о Гоголе П. Боголепов и Н. Верховская.

В 1834 году А.О. Россет вышла замуж за крупного чиновника Н.М. Смирнова, ставшего позднее губернатором г. Калуги.

Н.В. Гоголь познакомился с А.О. Россет в первые годы своей жизни в Петербурге. Она встречалась с ним, а также с А.С. Пушкиным и В.А. Жуковским летом в Царском Селе, где молодой писатель читал в ее салоне «Вечера на хуторе близ Диканьки», а позднее — знаменитые пьесы «Ревизор» и роман «Мертвые души».

Н.В. Гоголь считал Александру Осиповну очень близким себе человеком — по взглядам, по духовным настроениям. В течение всей своей жизни он переписывался с нею, а во время своих заграничных путешествий встречался со своей незаурядной землячкой на водах. В последние годы Гоголь жил в Москве и ездил гостить к Александре Осиповне в Калугу или в ее подмосковную усадьбу. А когда она приезжала в Москву, он виделся с нею каждый день. Поэту Н.М. Языкову летом 1845 года Н.В. Гоголь писал из Гамбурга: «Это перл всех русских женщин, каких мне случалось... знать... Прекрасных по душе... Она являлась истинным моим утешителем, тогда как вряд ли чье-либо слово могло меня утешить».

Бессмертные гения

«Для русских он — Николай Васильевич, для украинцев — «Микола Васильевич», римские друзья называли его «синьор Николо», для человечества же он просто Гоголь, великий чародей слова, ясновидец, обладавший даром проникать в самые сокровенные тайны души человеческой», — так говорил земляк Николая Васильевича Гоголя, известный украинский писатель Олесь Гончар на международном симпозиуме в Венеции в 1976 году, посвященном творчеству Н.В. Гоголя.

Гоголь был знаменитым русским писателем. Его произведения — повести из цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки», роман «Мертвые души», комедия «Ревизор», его повести «Шинель», «Портрет» и др. известны всему миру.

Являясь великим русским писателем, Н.В. Гоголь сохранял во все годы своей жизни связь с той жизненной средой, которая окружала его в детстве и ранней юности. Он вел тетради украинских песен, и это говорит о том, что Гоголь прекрасно знал живой язык своего родного народа; сохранилось письмо Гоголя

к Богдану Залесскому, написанное по-украински; много раз он собственной рукой переписывал десятки народных песен, как предполагают исследователи его творчества, готовя их к печати. Гоголь написал статью «О малороссийских песнях», вошедшую в сборник «Арабески» (1835 г.), в которой сделанный им анализ украинских песен до сих пор поражает тонкостью и глубиной наблюдений, понимания человека, искренне и горячо любящего свой народ и свою культуру.

В своем докладе, сделанном на симпозиуме в Венеции, О. Гончар говорил, что «своим творчеством Гоголь возвел поистине золотой мост, который соединяет культуры двух братских народов — русского и украинского, сознающих свою общность с культурой всего человечества».

Вот почему в прекрасном городе Венеция в Италии, где Гоголь провел почти шесть лет своей жизни, и в России, куда он приехал молодым юношей и где прошла вся его жизнь, и на Украине, его родной земле, любят великого писателя и чтят его память.

В Италии, которую Н.В. Гоголь так любил, которую с таким восторгом описывал, собрались на международный симпозиум образованные люди, чтобы отдать дань уважения знаменитому русскому писателю, проводшему шесть лет в «вечном городе» Риме. Здесь он очень плодотворно работал — создавал свои замечательные произведения: вторая редакция его знаменитой повести «Тарас Бульба», вторая редакция повести «Портрет», «Театральный разъезд», «Рим»; здесь переписывались набело его «Мертвые души». В Риме он общался с талантливыми русскими писателями и художниками — поэтом Н.М. Языковым, художником А.А. Ивановым, П.В. Анненковым. Гоголь восхищался красотой улиц и храмов Рима, его архитектурных памятников.

Памятники Н.В. Гоголю установлены в городах, где он провел зрелые годы жизни — в Москве и Петербурге.

26 апреля 1909 года в Москве, на Арбатской площади, был открыт памятник Н.В. Гоголю. Автором его явился молодой

скульптор Н.А. Андреев. В дни 150-летия со дня рождения Н.В. Гоголя монумент работы Н.А. Андреева был перенесен во двор дома на Никитском, сейчас Суворовском бульваре, где жил и умер великий писатель, а на бульваре, носящем имя Гоголя, был открыт памятник писателю работы известного скульптора Н. Томского.

Памятники великому писателю сооружены и на его родине, на Украине, на Полтавщине, где полтавчане свято хранят память о Н.В. Гоголе, своем гениальном земляке. Имя Гоголя носят учебные заведения, областной драматический театр, на сцене которого и сегодня с успехом идут произведения писателя – «Сорочинская ярмарка», «Вий», «Майская ночь, или Утопленница», «Ревизор». В Миргороде, который благодаря Гоголю стал известен всему читающему миру, в котором не раз бывал писатель и даже назвал свой сборник «Миргород», в 1890 году открылась художественная промысловая школа имени Гоголя, самобытное учебное заведение, которое еще до революции 1917 года славилось как пристанище народных талантов, а воспитанников шутя называли «гоголянами».

Памятники Н.В. Гоголю сооружены на Украине в Полтаве, Миргороде, Великих Сорочинцах, Диканьке.

Не только в отцовской Васильевке, но и во всех районах Украины – Диканьском, Шишацком, Миргородском, на Полтавщине – везде Гоголь ощущается в жизни. И сами эти края порой так и называют – гоголевскими краями.

В Великих Сорочинцах еще перед Великой Отечественной войной был поставлен памятник Н.В. Гоголю и создан первый в стране музей Гоголя – литературно-мемуарный музей писателя. Ведь именно здесь он родился, здесь его крестили в Спасо-Преображенской церкви, которая до сих пор стоит на берегу реки Псла, привлекая многочисленных экскурсантов. Шесть недель младенец находился в Сорочинцах, и уже после этого Гоголи перевезли своего сына к себе на хутор в Васильевку-Яновщину.

Русский советский писатель и поэт С. Баруздин посвятил несколько стихотворений Н.В. Гоголю и его родным местам, где хранят память о великом земляке.

* * *

Сорочинцы — прекрасные места.
Идут года, один другой сменяя.
Речь Гоголя звучит в моих устах,
Неизъяснимой прелестью шлепя.

И грустно мне, и беспокойно мне,
И я спешу, и ухожу украдкой...
И исчезает тропка при луне,
Как гения великого загадка.

«В годы войны, — пишет О. Гончар, — когда в Сорочинцы ворвались кровожадные нацистские погромщики, обезумевшие от жажды покорить мир, они разорили музей, стреляли в бюсты и в портрет Гоголя, пьяный нацист-офицер выкрикивал при этом: «Нет и не было никакого Гоголя! Это выдумали большевики!»

Не убийцы и грабители, однако, оказались способными покорить мир, его покоряют — без единого выстрела — художники!»

После войны в Сорочинцах были восстановлены и памятник, и музей Н.В. Гоголя. Возродилась даже Сорочинская ярмарка (ставшая предметом описания Гоголя и давшая название одной из его повестей из замечательного цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки»). Ее устраивают каждый год земляки Гоголя. Сорочинская ярмарка теперь напоминает больше фестиваль, народное карнавальное шествие, которое открывают гоголевские персонажи: на возу, запряженном волами, едет улыбающаяся Хивря, сопровождают ее черти в фантастических нарядах, веселой толпой идут девчата в лентах и парубки в шароварах.

«Гоголь стал праздником! — пишет О. Гончар. —

При одном упоминании имени писателя люди становятся будто человечнее, глаза их — будто навстречу ему, живому, — зажигаются веселой работой, умом и признанием.

«Это ли не бессмертие гения?»

«Москва моя родина» (Н.В. Гоголь). Москва в жизни писателя

Н.В. Гоголь родился на Украине, детские годы его прошли в Полтавской губернии. Он очень любил свой край, свой язык, историю и культуру, народные украинские песни, сказания, сказки. Но жизнь сложилась так, что, став достаточно взрослым человеком, Гоголь стал жить в России, сначала в Петербурге, а в последние годы жизни – в Москве. Он очень полюбил Москву. «Москва моя родина», – писал он известному литератору, с семьей которого подружился в Москве, С.Т. Аксакову. В своих письмах и разговорах с друзьями Н.В. Гоголь с восторгом говорил о Москве, о ее улицах и храмах, замечательных жителях, привлекавших его своим добродушием, доброжелательностью, открытостью, хлебосольством.

Первый раз Гоголь оказался в Москве летом 1832 года. Тогда он уже был известным писателем, которого знали как автора знаменитых «Вечеров на хуторе близ Диканьки». По дороге домой, в родную Васильевку, он на несколько дней решил задержаться в Москве, однако провел здесь почти две недели. Тогда он познакомился со многими москвичами, известными людьми в культурной жизни России: семьей Аксаковых, профессором-историком М.П. Погодиным, писателем М.Н. Загоскиным, великим артистом М.С. Щепкиным и др.

«Вообще, – пишет И. Золотусский в своей книге «По следам Гоголя», – Москва баловала Гоголя. Аксаковы видели в нем новую восходящую звезду литературы и прислушивались к его речам. Загоскин просил у него пьесы, Дмитриев рад был оказать молодому таланту свое покровительство. Москва как-то теснее сплотилась вокруг Гоголя, чем Петербург. Петербург был разбросан, поделен на партии, на враждовавшие гостинные. Москва еще не раскололась, дружно жила сообща, и для нее Гоголь был не представитель какого-то направления в литературе, а просто национальный талант, просто радость, просто праздник».

В следующий раз Гоголь был в Москве ненадолго в 1835 году. Он радовался встрече с любимым городом, с московскими друзьями. В этот приезд в Москву он знакомится с великим литературным критиком В.Г. Белинским, его хорошо принимают в известном салоне А.П. Елагиной и других известных домах, где собираются литераторы, деятели культуры. И всюду Гоголя встречали радостно, восторженно, как знаменитого Пасичника Рудого Панька, восхищались его «Вечерами на хуторе близ Диканьки» и ждали от него новых произведений. А Гоголь бродил по Москве, восхищаясь стариной города, его достопримечательностями — он мог часами ходить по Москве, каждый раз открывая для себя что-нибудь новое.

Осенью 1839 года Гоголь приехал в Москву из-за границы (из Италии) и остановился у профессора М.П. Погодина, который жил в старинном доме около Новодевичьего монастыря.

В семье М.П. Погодина Гоголь был окружен теплом, заботой и восхищением. Вспоминает сын М.П. Погодина, Дмитрий Михайлович:

«...Гоголь переселился к нам на Девичье поле прямо из знойной Италии... Нечего и говорить, каким почетом и, можно сказать, благоговением был окружен у нас Гоголь. Детей он очень любил и позволял им резвиться и шалить сколько угодно».

В это время Н.В. Гоголь работал над первым томом поэмы «Мертвые души», главы из которой читал в домах своих московских друзей, — у Аксаковых, Чертковых, Киреевских, в салоне А.П. Елагиной. Он встречается с приезжавшими из Петербурга поэтами В.А. Жуковским и П.А. Вяземским, знакомится с профессором Московского университета, историком Т.Н. Грановским, популярным у современников как талантливый лектор (на его публичные лекции весной 1844 года собиралась вся образованная Москва).

9 мая 1839 года Гоголь пригласил своих московских друзей к себе на именины. Праздничный стол был организован в роскош-

ном саду М.П. Погодина. Интересно, что среди гостей присутствовал и М.Ю. Лермонтов, который оказался в Москве проездом — он ехал на Кавказ. Вот тогда Гоголь познакомился с великим русским поэтом — Лермонтов читал Гоголю и его друзьям свою поэму «Мцыри», которую Н.В. Гоголь, как и все творчество поэта, высоко ценил.

А через несколько дней Гоголь уехал за границу и вернулся в Москву только осенью 1841 года. Как и всегда, он остановился у Погодина на Девичьем поле.

Всю зиму он в Москве — пытается напечатать поэму «Мертвые души», но московская цензура не пропустила произведение в печать, и Гоголь был вынужден отправить ее в Петербург. После долгих хлопот поэма была опубликована.

23 мая 1842 года Н.В. Гоголь отправляется в свое последнее заграничное путешествие. Через шесть лет он вернется в Россию. Тогда он «стал склоняться к тому, чтоб найти на Руси постоянное место жительства, осесть и, может быть, пустить корни. Думалось ему о доме и о семье... когда после долгого отсутствия за границей вернулся он на родину — и вернулся для того, чтобы *жить* в Москве» (И. Золотусский).

Осенью 1848 года Н.В. Гоголь приезжает в Москву и, как и прежде, останавливается в семье Погодина. Однако перед новым, 1849 годом он переезжает в нанятый им дом Талызиных у Никитских ворот (сейчас это дом 7а на Гоголевском бульваре). В этом доме прошли последние годы жизни писателя.

Все время Гоголь отдавал работе. Современники вспоминают, что в любое время года, когда бы они ни пришли к писателю, они заставали его у конторки с пером в руке. А когда Гоголь уставал, он надевал известный всей Москве «испанский» плащ и отправлялся гулять по городу. Правда, нередко его прогулки внезапно прерывались: постоянно думая о произведениях, которые он писал, Гоголь с полдороги возвращался домой, боясь потерять мысль, пришедшую в голову, и записывал ее.

Последние годы жизни писателя были очень тяжелыми для него. Он пишет второй том романа «Мертвые души», дважды сжигает рукопись, не удовлетворенный тем, что он написал. Его книга «Выбранные места из переписки с друзьями» вызвала непонимание, даже осуждение со стороны передового русского общества, резкую критику В.Г. Белинского. Гоголь становится мрачным, раздражительным, теряет отношения со многими своими друзьями – семьей Аксаковых, художником А.А. Ивановым (автором знаменитой монументальной картины «Явление Христа народу»), М.П. Погодиным.

Ночью с 11 на 12 февраля Гоголь сжигает подготовленные печати рукописи второго тома «Мертвых душ». Он не хочет ни с кем говорить, отказывается от пищи и медицинской помощи.

21 февраля 1852 года Н.В. Гоголь скончался.

Москва была потрясена известием о его смерти. Желавших проститься с ним было так много, что 22 февраля тело писателя перенесли из его дома у Никитских ворот в церковь Московского университета.

Похоронен Н.В. Гоголь на Даниловском кладбище. В 1931 году прах Гоголя был перенесен на Новодевичье кладбище, а в 1951 году там был поставлен бюст работы известного скульптора Н. Томского.

В дни 150-летия со дня рождения гениального русского писателя Н.В. Гоголя в Москве на бульваре, носящем его имя, был открыт памятник писателю, тоже работы скульптора Н. Томского. Поставлен он на месте памятника работы скульптора Н. Андреева, который был перенесен во двор дома на Никитском – Гоголевском бульваре, где жил и умер Н.В. Гоголь.

Штрихи к портрету Н.В. Гоголя

Уже в детские годы Н.В. Гоголя пробудилась в мальчишке любовь к красочным представлениям, к литературе, к театру.

Родители Гоголя, мать Мария Ивановна и отец Василий Афанасьевич, несколько раз в год приезжали к своему родственнику, богатому и хлебосольному помещику Трощинскому, жившему недалеко от их Васильевки. Гостили у него неделями. Василий Афанасьевич был довольно известным в своих краях писателем, сочинявшим в основном комедии; специально перед этими поездками он писал драматические сцены из сельской жизни, которые потом и разыгрывались в дворовом театре в Кибинцах у Трощинского. Сам Василий Афанасьевич и Мария Ивановна играли и пели вместе с сельскими «артистами». Нередко и юный Никоша (так ласково называли в семье Николая Васильевича) принимал активное участие в этих спектаклях.

Это были красочные, полные веселья и юмора представления, на них съезжались гости со всей округи и с удовольствием их смотрели, так же как и дворовые люди Трощинского.

Возможно, эти поездки в Кибинцы, эти радостные и красочные представления у Трощинского, участие в дворовом театре и заронили в душу Н.В. Гоголя огромную любовь к театру, оставшуюся у него на всю жизнь. Может быть, родившаяся в детстве любовь к театру и дала нам Гоголя-драматурга, автора знаменитого «Ревизора». Как рассказывают историки, именно после просмотра этой комедии Гоголя император Николай I, просидевший весь спектакль молча, сказал: «Ну, господа! Здесь нам всем всыпали, а особенно мне».

Современники писателя сохранили рассказывали, как талантливо, неподражаемо читал Гоголь свои комедии — в искусстве чтения с ним, по утверждению великого русского актера Михаила Семеновича Щепкина, мало кто мог сравниться.

С детства будущий писатель очень любил книги, чтение. Уже научившись читать, он, приехав к Трощинским, подолгу просиживал в их богатой библиотеке. Николаша забивался в самый дальний угол и читал, забывая обо всем на свете.

Уже став известным писателем, Н.В. Гоголь, приезжая домой, в родную Васильевку, всегда старался помочь нуждающимся —

он хорошо помнил свои первые годы жизни в Петербурге, полные лишения, нужды, годы нищенского существования. По его настоянию в Васильевке устраивались бесплатные обеды для крестьянских детей. Он просил сестер, не жалея средств, делать это и после его отъезда. По его просьбе сестры лечили больных в Васильевке, собирали лекарственные травы, сушили их, заготавливали впрок — для тех, кто будет нуждаться в помощи. В ответ васильевские крестьяне с большой теплотой и благодарностью относились к молодому «панычу» и его семье.

Рассказывают, что Николай Васильевич не только отдыхал, приезжая домой; он любил встречаться с крестьянами, разговаривал с ними, расспрашивал все об их жизни; если узнавал, что кто-то болен, приносил приготовленные им самим снадобья. Гоголь бывал на хуторах недалеко от Васильевки, он заходил в хаты, присматривался, расспрашивал, как называются те или иные предметы домашнего обихода, и все старался записать, запомнить. «На всякий случай, авось пригодится», — любил повторять при этом Николай Васильевич.

Н.В. Гоголю были присущи такие черты личности, как истинный патриотизм, любовь к истории и культуре своего народа, гордость за его героическое прошлое. Гоголь очень любил свою родину — Украину, славную историю украинского народа, народное творчество — народные песни, сказки, предания. С детства, будучи очень впечатлительным, он вбирал в себя фольклорное творчество своего народа. Неслучайно уже в ранние годы, учась в Нежинской гимназии, Н.В. Гоголь бережно собирал народные украинские песни и сказания, материалы для будущего украинско-русского словаря (к сожалению, эти замыслы не осуществились). Позже Гоголь мечтал написать большой труд по истории Украины — до нас дошли только фрагменты, он пишет исторический роман «Гетман» (сохранилась только одна глава этого романа), набрасывает фрагменты из украинской истории и пр.

Известно, что писатель просил и мать, и сестер присылать ему народные легенды и предания, личные наблюдения. И род-

ные с большой охотой, любовно и старательно выполняли эту просьбу. Собранные материалы Гоголь использовал потом в своих произведениях.

Гениальный писатель, Н.В. Гоголь был еще и замечательным литературным критиком. Его статьи на литературные темы имеют большое значение, т. к. в них он очень точно и тонко определил мысли о самобытности и мировом значении русской литературы, о назначении писателя и его ответственности перед родиной, о великом русском языке.

После опубликования своей первой книги повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки» писатель начал заниматься подготовкой сборника «Арабески», в который вместе с художественными произведениями, входили и статьи о литературе и искусстве. В течение своей жизни Гоголь написал ряд критических статей, в которых рассматривал вопросы творчества писателя, роль и значение народного творчества, роль и значение русского языка, творчество отдельных русских писателей. Это такие статьи, как «Несколько слов о Пушкине», «О малороссийских песнях», «В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенности» и др.

Гоголь очень верно и точно понял значение А.С. Пушкина: «Пушкин есть явление чрезвычайное и может быть единственное явление русского духа... В нем русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла...» («Несколько слов о Пушкине»). Он отмечает значение в русской литературе творчества И.А. Крылова: «...Его притчи — достояние народное и составляют книгу мудрости самого народа» («В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенности»).

Н.В. Гоголь как пытливым исследователем увлеченно собирал образцы народного творчества. Сохранились тетради Гоголя — в них уцелели записи сотен русских, украинских и южно русских

песен. В своих критических статьях он много говорит о русском народном творчестве, о песне, о великом русском языке.

Устному народному творчеству — песням, пословицам, поговоркам — Гоголь придавал исключительное значение.

«Первыми необходимыми орудиями всякого писателя» Н.В. Гоголь считает язык, слово. Русский язык Гоголь считал «полнейшим и богатейшим из всех европейских языков»; он говорит о меткости, остроте, выразительности живого народного слова. «сам необыкновенный язык наш есть еще тайна. В нем все тоны и оттенки, все переходы звуков от самых твердых до самых нежных и мягких; он беспределен и может живой, как жизнь, обогащаться сжесминутно...» («В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенности».)

Интерес представляет тот факт, что Н.В. Гоголь в течение жизни работает над Объяснительным словарем русского языка, над «Сборником слов простонародных, старинных и малоупотребительных», однако, эта работа писателя остается незавершенной.

Современники писателя говорят об удивительном трудолюбии Гоголя, его тщательной, длительной и упорной работе над своими произведениями. Он помногу раз переписывал фрагменты произведений (неслучайно имеются несколько редакций и романа «Мертвые души», и повести «Тарас Бульба», и других произведений писателя. «Залог успешности писательского труда, — пишет Н. Богословский, — Гоголь видел в непрестанном совершенствовании самого умения писать, в постоянном упражнении этой способности. Только в результате упорной, тщательной работы может добиться художник совершенствования произведения».

Уже современниками Н.В. Гоголь был признан великим классиком. Его творчество, начиная с его «Вечеров на хуторе близ Диканьки», вызывало неослабевающий интерес у читателей.

Еще в юности Гоголь осознает цель своей жизни — служение народу, Родине. Он непрестанно думал над тем, какова

его роль в этом мире, для чего он появился на свет, к чему предназначен. Уже в юношеские годы Гоголь ищет место не прибыльное, а такое, где он может принести больше пользы, стать, по его выражению, «истинно полезен для человечества». Его уже тогда отталкивала перспектива сытого, благополучного, довольного существования; он испытывал почти восторг перед величием человека и его предназначением на земле. Отправляясь в Петербург, юноша Гоголь видит свое предназначение в государственной службе. Однако вскоре все резко переменялось — он становится на путь писателя. В 1831 году появляются его «Вечера на хуторе близ Диканьки», моментально ставшие невероятно популярными. И Гоголь понимает, что смысл его жизни заключен в писательском труде, что именно путь писателя предначертан ему. Он осознает величайшую роль литературы в жизни человеческого общества, приходит к мысли о том, что писатель призван выполнять особую миссию в этом мире.

Понимание Н.В. Гоголем роли писателя как человека, способного объективно правильно и исторически верно взглянуть на важнейшие события в истории и жизни человека, сыграло большую роль в творчестве писателя, помогло ему создать произведения, вошедшие в золотой фонд нашей классической литературы.

Н.В. Гоголь и А.С. Пушкин. Роль Пушкина в творческой судьбе Гоголя

А.С. Пушкин и Н.В. Гоголь. Два гения русской литературы. Два великих современника.

Н.В. Гоголь был лично знаком с великим русским поэтом, очень высоко ценил его творчество. В творческой судьбе самого писателя Пушкин сыграл очень важную роль.

«А.С. Пушкин был первым, кто печатно приветствовал «Вечера на хуторе близ Диканьки». Он привлек Гоголя к активному сотрудничеству в своем «Современнике». Пушкиным подсказаны сюжеты «Ревизора» и «Мертвых душ», — пишет критик А. Турков, отмечая роль Пушкина в жизни и творчестве Н.В. Гоголя.

Н.В. Гоголь узнал Пушкина, вернее его творчество, еще мальчиком. Учась в Нежинской гимназии, он зачитывался стихами и поэмами А.С. Пушкина, организовывал среди студентов складчину и выписывал выходивший отдельными главами знаменитый роман «Евгений Онегин».

В 1829 году, когда Гоголь приехал в Петербург, он в первые же дни отправился к любимому и почитаемому им поэту, однако Пушкин принять его не смог, а прийти второй раз к нему Гоголь не решился.

Познакомился Гоголь с Пушкиным спустя два года, в 1831 году, на вечере у Петра Александровича Плетнева, известного литератора, преподавателя словесности в Петербургских женских институтах, впоследствии ставшего ректором Петербургского университета.

«Пушкин сразу оценил одаренность Гоголя, его удивительный мягкий юмор, наблюдательность, совершенно очевидные артистические способности и мастерство рассказчика. С первых же дней знакомства Пушкин стал пристально следить за развитием писательского таланта Гоголя, всячески ободряя и поощряя его», — пишет в своих воспоминаниях Г.П. Данилевский, известный во второй половине XIX века автор исторических романов «Сожженная Москва», «Черный год» и других.

После выхода в свет сразу полюбившейся многим и загадочной книги «Вечера на хуторе близ Диканьки», подписанной странным именем Пасичника Рудого Панька, А.С. Пушкин написал на нее прекрасную рецензию. Он высоко оценил мастерство автора повестей, их художественное своеобразие, веселость,

жизнерадостность, поэтичность, которыми были проникнуты эти повести неизвестного никому автора.

Как рассказывал слуга Гоголя – Яким, Пушкин часто запросто приходил к его хозяину; не застав его дома, как вспоминает Г.П. Данилевский, «...с досадою рылся в его бумагах, желая знать, что он написал нового. Он... все твердил ему: «Пишите, пишите!», а от его повестей хохотал и уходил от Гоголя всегда веселый и в духе».

А.С. Пушкин сыграл замечательную роль в создании Гоголем его знаменитой пьесы «Ревизор».

Н.В. Гоголь еще с детства увлекался театром (в детские годы его отец, Василий Афанасьевич, писал пьесы, в основном комедии, которые ставились в дворовом театре их родственника, мецената Трошинского, который жил недалеко от их поместья Васильевка. Н.В. Гоголь мечтал сам написать комедию и просил А.С. Пушкина, чтобы тот подсказал ему сюжет. И Пушкин подсказал – он подарил ему сюжет будущей известной комедии «Ревизор», который хранил у себя. «Впрочем, – говорил поэт, – я не написал бы лучше. В Гоголе бездна юмору и наблюдательности, которых в иных нет», – пишет В.И. Шпрок в своих «Материалах для биографии Гоголя».

А.С. Пушкин очень интересовался судьбой пьесы, сюжет которой он подарил Гоголю. Он присутствовал на чтении комедии писателем. Был на премьере пьесы в Александринском театре в Петербурге. Он уговорил Гоголя прочесть пьесу артистам Московского Малого театра.

А.С. Пушкин подарил Гоголю замысел еще одного произведения – знаменитой поэмы «Мертвые души».

В своей «Авторской исповеди» Н.В. Гоголь пишет о том, как долго уговаривал его Пушкин взяться за большое сочинение и в итоге отдал свой собственный сюжет, из которого он хотел сделать сам что-то вроде поэмы и который, по его словам, не отдал бы никому другому. Это был сюжет «Мертвых душ». Гоголь успел до трагической гибели Пушкина прочитать ему первые главы поэмы.

Отношения Гоголя и Пушкина – пример бескорыстной творческой дружбы двух великих писателей, когда старший, уже известный писатель, по достоинству оценивает талант младшего, искренне старается помочь ему найти свою дорогу в литературе, а младший, преклоняясь перед гением старшего, глубоко понимает и оценивает его творчество. Вот что пишет Н.В. Гоголь литератору и педагогу Н.Я. Прокоповичу в Париж в январе 1837 года (незадолго до гибели Пушкина на дуэли): «Где выберется у нас полугодие, в течение которого явились бы рядом две такие вещи, каковы «Полководец» и «Капитанская дочка». Видана ли была где-нибудь такая прелесть! Я рад, что «Капитанская дочка» произвела всеобщий эффект».

Н.В. Гоголь очень тяжело переживал гибель А.С. Пушкина. Он написал статью «Несколько слов о Пушкине», посвященную творчеству великого русского поэта, в которой по достоинству, очень проникательно и тонко оценил вклад Пушкина в русскую культуру и литературу. Гоголь первым увидел в нем национального поэта. «При имени Пушкина, – писал он в статье, – тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте... В нем заключилось все богатство, сила и гибкость нашего языка...»

Гоголь отмечает значение Пушкина в русской литературе, определяет достоинства его поэзии:

«Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через 200 лет. В нем русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла...

...Ни один поэт в России не имел такой завидной участи, как Пушкин; ничья слава не распространялась так быстро...

...Сочинения Пушкина, где дышит у него русская природа, так же тихи и бесспорны, как русская природа. Их только может совершенно понять тот, чья душа так нежно организована и разви-

лась в чувствах, что способна понять неблестящие с виду песни и русский дух...». Гоголь Н.В. Несколько слов о Пушкине.

И в статье, написанной в 1846 году, — «В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность», Гоголь-критик еще раз останавливается на замечательных качествах поэзии Пушкина: «Никто из наших поэтов не был еще так скуп на слова и выражения, как Пушкин, так не смотрел осторожно за самим собой, чтобы не сказать неумеренного и лишнего, пугаясь приторности того и другого».

СЕРГЕЙ ТИМОФЕЕВИЧ АКСАКОВ -

«проникновенный поэт русской природы»

С.Т. Аксаков, известный русский писатель XIX века, известный своими произведениями «Семейная хроника», «Детские годы Багрова — внука», переводчик трагедий Шиллера, комедий Мольера и трагедии Софокла, автор многих театральных статей, статей на педагогические темы. С.Т. Аксаков был человеком, с детства тонко чувствующим и понимающим природу, он чувствовал радость общения с ней, жадно стремился постигнуть ее тайны. Аксаков любил охоту, знал толк в рыбной ловле, он мог часами наблюдать за жизнью природы.

С.Т. Аксаков создал замечательный цикл произведений, посвященных охоте, своеобразную трилогию, — «Записки об уженье», «Записки ружейного охотника», «Рассказы и воспоминания охотника». Как пишет известный исследователь жизни и творчества С.Т. Аксакова С. Машинский, «охотничьи книги Аксакова — явление уникальное в истории русской, а пожалуй, и мировой литературы. Очерки и рассказы о рыбной ловле и ружейной охоте впервые стали фактом «большой литературы», завоевав необычайно широкий круг читателей. В этом цикле произведений Аксаков заявил себя тонким художником, владеющим несмет-

ными богатствами народного слова, проникновенным поэтом русской природы».

Эти книги С.Т. Аксакова обогатили русскую литературу; кроме того, они сыграли важную роль в истории отечественной науки, — неслучайно крупнейшие русские естествоиспытатели высказывали свое глубокое уважение к этим произведениям и их автору.

В 1845 году С.Т. Аксаков писал Н.В. Гоголю: «Я затеял писать книжку об ужении не только в техническом отношении, но в отношении к природе вообще: страстный рыбак у меня так же страстно любит и красоты природы; одним словом, я полюбил свою работу и надеюсь, что эта книжка не только будет приятна охотнику удить, но и всякому, чье сердце открыто впечатлениям раннего утра, позднего вечера, роскошного полдня и пр. Тут займет свою часть чудесная природа Оренбургского края, какую я узнал ее в назад тому сорок пять лет. Это занятие оживило и освежило меня».

В 1847 году, после двух лет работы, книга была издана под названием «Записки об ужении». Она стала заметным явлением в русской литературе XIX в., она быстро завоевала симпатии читателей, вызвала много восторженных критических отзывов. Вскоре возникла необходимость ее переиздания — так много оказалось желающих ознакомиться с нею. Эпиграфом для второго издания книги С.Т. Аксаков выбрал строки из своего стихотворения «Послание к М.А. Дмитриеву»:

Ухожу я в мир природы,
Мир спокойствия, свободы.

Именно таким был для писателя мир природы.

«В книге столько простоты и истины, — писал И.И. Панаев, издатель известного прогрессивного литературного журнала «Современник», — что ее смело можно променять на десятки так называемых романов, повестей и драм, которые пользовались у нас в последнее время даже довольно значительным ус-

пехом. В ней столько поэзии, в этой небольшой книжечке, сколько вы не отыщете в целых томах различных статей и поэм, которые нравились и точно имеют в себе некоторые поэтические достоинства. Она, может быть, даже для специалиста, для охотника удить не имеет такого значения, какое имеет для художника, для литератора».

Исследователь С. Машинский в своей книге о С.Т. Аксакове пишет: «Эта страстная и вдохновенная книга вся проникнута характерным аксаковским «чувством природы». Его сущность заключалась не в эстетическом любовании «красотами природы», которое, по мнению писателя, есть не что иное, как «любовь к ландшафту, декорациям», свойственная и черствым, сухим людям... но в стремлении человека проникнуть в таинства окружающего нас мира... Аксаковское «чувство природы» гуманистично... рыбная ловля, охота – не просто приятное времяпровождение. Они воспитывают благородные чувства в человеке, закаляют его волю, характер, сближают людей не только с природой, но и между собой и, таким образом, содействуют... духовному оздоровлению общества. Перед величием природы умолкают все низкие страсти человека»

В этом заключается философия Аксакова-охотника и Аксакова-писателя.

После успеха «Рыболовных записок» С.Т. Аксаков решил написать новый цикл записок – теперь уже охотничий. Книга называлась «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии»; писатель работал над нею около двух лет: в 1849 году работа над «Записками» была начата, а в конце 1851 года закончена. Для С.Т. Аксакова охота – это своеобразное состязание человека с природой, в которой «победителями оказываются его воля, упорство, выучка. Охота – это воспитание выносливости, энергии, ловкости, изобретательности; это торжество разума и воли человека над природой... Главное в охоте – радость общения с природой, поэзия познания, борьбы и победы».

«Записки ружейного охотника» принесли еще большую славу С.Т. Аксакову, которого признали выдающимся поэтом русской природы. Как замечает современник писателя Л.И. Арнольди, Н.В. Гоголь, еще в рукописи прочитавший «Записки», сказал, что «никто из русских писателей не умел описывать природу с такими сильными, свежими красками, как Аксаков». Даже один небольшой фрагмент из книги Аксакова подтверждает верность замечания Гоголя, мастерство С.Т. Аксакова в создании точных и выразительных портретов, например птиц, его умении слышать голоса природы и воспроизводить их.

«На ветвях деревьев, в чаще зеленых листьев и вообще в лесу живут пестрые, красивые, разноголосые, бесконечно разнообразные породы птиц: токуют глухие и простые тетерева, пищат рябчики, хрипят на тягах вальдшнепы, воркуют, каждая по-своему, все породы диких голубей, взвизгивают и чокают дрозды, заунывно, мелодически перекликаются иволги, стонут рябые кукушки, постукивают, долбя деревья, разноперые дятлы, трубят желны, трещат сойки; свиристели, лесные жаворонки, дубоноски и все многочисленное крылатое мелкое певчее племя наполняет воздух разными голосами и оживляет тишину лесов...»

Книга состоит из законченных очерков; в ней содержатся описание внешности птиц, тонкие наблюдения над их повадками. Но для нас важно то, что в «Записках» С.Т. Аксакова изображаются не только рыбы или птицы; главным в них является человек, лирический герой — сам автор. Так, например, при описании осенней охоты на вальдшнепов, удивительной по выразительности картине ненастного туманного дня, вдруг возникает образ человека:

«В самом деле, однообразное, неумолкаемое падение капель в лесу имеет в себе что-то печальное и пугающее. Сколько раз случалось мне вслушиваться в этот странный шум, невольно задумываться и вздрагивать, когда крупная капля холодно и больно попадала мне в лицо...».

Книги С.Т. Аксакова проникнуты мыслью о единстве человека и природы, он считал, что невозможно изображать природу в искусстве без отношения человека к ней. Аксакову принадлежит очень большая роль в выражении средствами словесного искусства этой гуманистической традиции. Спустя годы, уже в XX веке, эта традиция найдет отражение в произведениях прекрасного писателя М.М. Пришвина, «тончайшего живописца природы» (С. Машинский), которые подтверждают идею близости, родства человека и природы.

«Записки ружейного охотника» стали сразу очень популярны, разошлись невероятно быстро. «Превосходная книга С.Т. Аксакова «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» облетела всю Россию, — писал знаменитый русский поэт Н.А. Некрасов, — и в короткое время достигла второго издания — честь, которой в последние годы весьма редко достигали русские книги».

В 1855 году вышел сборник С.Т. Аксакова, который назывался «Рассказы и воспоминания охотника». В него вошли около пятнадцати произведений, посвященных различным видам охоты и рыбной ловли. Эта книга была разнообразной и по содержанию, и по жанру составивших ее произведений. Здесь были очерки и рассказы, а также несколько очень коротких новелл под общим названием «Мелкие охотничьи рассказы» — о различных происшествиях на охоте. И в этой книге, завершающей своеобразную «рыболовно-охотничью» трилогию писателя, С.Т. Аксаков предстает перед нами и как охотник, и как талантливый писатель. В этой последней охотничьей книге, по убеждению критиков, «автору удалось... еще с большей проникновенностью раскрыть «поэзию охоты» — беспредельно широкий и поэтический мир природы.

Охотничья трилогия утвердила за С.Т. Аксаковым репутацию выдающегося художника, показала, что он готов к созданию и более значительных произведений. Что он доказал, написав яркие автобиографические произведения «Семейная хроника» и

«Детские годы Багрова-внука», в которых раскрыл историю трех поколений семьи Багрова — то есть С.Т. Аксакова.

Стихотворения С.Т. Аксакова

Сергей Тимофеевич Аксаков — талантливый русский писатель XIX века. Он известен прежде всего своими прозаическими произведениями — автобиографическими романами «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука», т.н. охотничьей трилогией: «Записки об уженье», «Записки ружейного охотника» и «Рассказы и воспоминания охотника». Однако С.Т. Аксаков был еще и поэтом. Он писал стихи с увлечением и наслаждением в течение всей своей жизни до самой старости. Аксаков переводил стихи зарубежных авторов и свои оригинальные стихи, которые появлялись в печати за его подписью или под псевдонимами. Он писал в разных жанрах: в его творческом наследии есть басня («Три канарейки»), пародия-сатира («Послание к кн. Вяземскому»), элегия («Элегия в новом вкусе»).

Особенно увлеченно С.Т. Аксаков писал стихи в молодости. Тогда он переводил стихами крупные драматические произведения — произведения древнегреческого драматурга Софокла, известного французского писателя Мольера.

Сам Сергей Тимофеевич всерьез не относился к своему поэтическому творчеству. Действительно, по своему художественному значению его стихи уступают поэтическим произведениям замечательных русских поэтов — Пушкина, Лермонтова, Некрасова и др. Но тем не менее они привлекали современников С.Т. Аксакова своей простотой и искренностью, с какой выражено в них настроение, душевное состояние лирического героя — самого автора.

Стихи С.Т. Аксаков сочинял по разным поводам — общественным и личным. Некоторые из них носят шуточный характер

и вызваны различными событиями в семейной жизни писателя. Многие его стихи носят автобиографический характер, поэтому они так важны для современных читателей. Так, когда С.Т. Аксакову было уже пятьдесят с лишним лет, он задумал купить в Подмоскovie дом – стало тяжело ездить в Заволжье, свое имение. В одном из писем Н.В. Гоголю, близкому другу семьи, он пишет: «Намерение мое уехать в Оренбургскую губернию сильно поколебалось, и мы ищем купить деревню около Москвы, но до сих пор не наладим. Я хочу только приятного местоположения и устроенного дома. Мысль, что вы, милый друг, со временем переселяясь на житье в Москву, будете иногда гостить у нас, много украшает в глазах наших наше будущее уединение...»хлопоты увенчались успехом, и в конце 1843 года С.Т. Аксаков купил село Абрамцево под Москвой, с богатой и разнообразной природой, прекрасным парком, в середине которого стоял барский дом, обширными лесами вокруг дома и огромным прудом – это то, что было необходимо писателю, заядлому рыболову и охотнику. Поиски подмосковного имения стали темой не только писем С.Т. Аксакова к своим друзьям, но и темой его стихов.

Одно из его стихотворений 1843 года начиналось строками:

Поверьте, больше нет мученья,
Как подмосковную сыскать...

В 1844 году, когда поместье было куплено, он пишет стихотворение:

Вот наконец за все терпенье
Судьба вознаградила нас:
Мы наконец нашли именье
По вкусу нашему как раз.
Прекрасно местоположенье:
Гора над быстрою рекой,
Заслонено от глаз селенье
Зеленой рощею густой.

Стихи С.Т. Аксакова публиковались в различных популярных литературных журналах, таких, как «Русский вестник»,

«Вестник Европы», «Телескоп», «Московский вестник» и др. Интерес представляет отрывок из письма московского почтдиректора А.Я. Булгакова своему брату, жившему в Петербурге, о торжественном обеде, состоявшемся в Английском клубе. В перерывах между тостами приглашенные оперные певцы исполняли куплеты. После торжественного обеда музыка была продолжена, а один из куплетов, по требованию присутствующих, был пропет два раза; после этого пили за здоровье автора слов этих куплетов — им и был С.Т. Аксаков, стихи которого, по словам почт-директора, «весьма недурны».

В поэтическом наследии С.Т. Аксакова есть не только шуточные стихотворения, но и достаточно сильные, — это такие стихотворения, как «Плач духа березы», «17 октября (А.Н. Майкову)» и др.

Стихотворение «Плач духа березы» написан в форме лирического монолога березы, которая тридцать лет стояла на опушке леса, а потом была безжалостно срублена топором человека:

И, старик неутомимый,
За грибами ты пойдешь.
Но березы, столь любимой,
Ты на месте не найдешь.
Поперек твоей тропинки
Свежий труп ее лежит
И, творя себе поминки,
Тихо ветвями шумит.

В стихотворениях С.Т. Аксакова живет природа как живая, в них проявилась любовь писателя к природе, его философия неразрывной связи человека и природы.

В одном из стихотворений он пишет:

Опять дожди, опять туманы,
И листопад, и голый лес,
И потемневшие поляны,
И низкий, серый свод небес.
Опять осенняя погода!
И, мягкой влажности полна,

Мне сердце веселит она:
Люблю я это время года.

Лирический герой Аксакова — человек наблюдательный, зоркий, тонко чувствующий природу, испытывающий радость от общения с ней. Он стремится проникнуть в волшебный мир природы, в таинство окружающего нас мира. Он считает, что общение с природой очищает душу человека, делает его благороднее, помогает понять и оценить прекрасное.

Есть, однако, примиритель,
Вечно юный и живой,
Чудотворец и целитель, —
Ухожу к нему порой.
Ухожу я в мир природы,
Мир спокойствия, свободы,
В царство рыб и куликов,
На свои родные воды,
На простор степных лугов,
В тень прохладную лесов
И в свои молодые годы.

Послание к М.А. Дмитриеву

Стихи С.Т. Аксакова о природе, «при всем свойственном им техническом несовершенстве, — нищет исследователь жизни и творчества С.Т. Аксакова С. Машинский, — обладают... признаками несомненной поэтичности — полнотой чувства, драгоценной непосредственностью, достоверностью лирического тона... они свидетельствуют об определенной поэтической одаренности их автора и дают возможность отчетливее понять истоки того лирического пафоса, который так явственно ощутил в аксаковском эпосе, и прежде всего — в его замечательном цикле произведений, посвященных охоте».

Однако С.Т. Аксаков не был сторонним наблюдателем, тихим любителем природы, каким его часто изображали некоторые критики. В этом отношении интересно стихотворение Аксакова «Стансы». Это стихотворение написано писателем после его отставки в 1832 году. С.Т. Аксакова отстранили от должности цензора. А причиной этому явилось то, что всегда осторожный цензор С.Т. Аксаков разрешил напечатать статью

И.В. Киреевского «Деятнадцатый век», это вызвало подозрение в неблагонадежности автора и замечания в адрес цензора. С.Т. Аксаков достаточно резко выразил свое отношение к этому событию, не побоялся открыто и прямо осудить решение царя. При жизни автора стихотворение так и не было опубликовано. Впервые оно было напечатано уже в Советском Союзе, в 1953 году.

Стансы.

*К Александру Александровичу Кавелину (Кавелин Александр Александрович — знакомый С.Т. Аксакова, адъютант царя Николая I, один из приближенных лиц свиты), написанные вследствие его письма, в котором он, жался о моей отставке, говорит, что хотя я искусно при-
творяюсь, но в душе не спокоен и что как ни верти, а такая отставка
пятно.*

Поверь, во мне достанет сил
Перенести царя неправость,
А возбуждать людскую жалость
Я не люблю — и не любил.

Спокоен я в душе моей,
К тому не надобно искусства;
Довольно внутреннего чувства,
Сознания совести моей.

Моих поступков правоты
Не запятнает власть земная,
И честь моя, хоругвь святая,
Сияет блеском чистоты.

Не ангел царь, а человек.
Я не роншу. Безумен ропот.
Я презираю низкий шопот;
Как был, таким останусь навек.

Но подлые мои враги
Уж не сотрут клейма презренья,
Клейма общественного мненья
Со лба насмного слуги.

При чтении этого стихотворения мы видим отважного, честного, принципиального человека, для которого честь превыше всего.

Сам С.Т. Аксаков не считал себя настоящим поэтом, однако, как отмечают критики, его стихи отличаются жизненными сюжетами, тонким ощущением природы, задушевной интонацией, легкостью.

Духовные истоки личности С.Т. Аксакова

С.Т. Аксаков – замечательный русский писатель XIX века, философ и общественный деятель, автор знаменитых книг «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука». По мнению исследователя жизни и творчества С.Т. Аксакова М. Чванова, книги писателя имеют особое значение в русской культуре прежде всего потому, что они закладывают нравственные основы детской души. Эти во многом автобиографические книги дают представление о тех условиях, в которых формировался будущий известный русский писатель, о его родителях, об отношениях в семье, о том, что сформировало взгляды и убеждения этого замечательного человека – чуткого и отзывчивого к чужой боли и страданию, нетерпимого к любой несправедливости, доброго и вместе с тем принципиального в своих убеждениях, талантливое художника, тонко чувствующего все прекрасное, умеющего замечать интересное в казалось бы самых обыкновенных предметах и явлениях природы.

«Дом Аксаковых в сороковые годы становится своеобразным центром культурной жизни Москвы, – пишет Е. Анненкова в своей вступительной статье к собранию сочинений С.Т. Аксакова. – Являемся, имеющим общекультурное значение, по праву может быть названа вся аксаковская семья, особая духовная атмосфера которой создавалась прежде всего его главой. Мир аксаковской семьи по-своему уникален».

Выросший под влиянием горячо, самозабвенно любившей его матери, С.Т. Аксаков и свою семью создает как мир взаимной любви-доверия. В семье царит атмосфера разнообразных

интересов, духовной близости, взаимного уважения — удивительно добрая и теплая атмосфера. К детям в семье относились с тем же уважением и серьезностью, как и к взрослым. Интересный факт: в письме к своим еще даже не юношам, а почти детям-сыновьям Сергей Тимофеевич всегда каждого из них называл: «мой сын и друг», а сам подписывался «твой друг и отец». Он действительно был настоящим другом своим детям, относился к ним без привычной для многих семей авторитарности, а разумно, мудро.

Личность человека формируется в семье, от родителей дети перенимают отношение к жизни, к людям, нравственные правила поведения. Кто же были родители Сергея Тимофеевича Аксакова? Откуда возникли те замечательные отношения, которые царили уже в семье самого Сергея Тимофеевича?

От родителей Сергей Тимофеевич, а затем и его дети переняли ненависть к крепостничеству, ко всякому насилию, доброте в отношениях к людям. Оба его родителя пострадали от насилия. Отец и мать С.Т. Аксакова — люди глубоко ранимые, испытывавшие в своей жизни глубочайшие оскорбления и унижения, от которых их не спасло даже древнее дворянство. Может быть, именно это сформировало такие черты их личности, как ненависть к насилию, жалость, доброта и сочувствие к людям, чувство справедливости.

Отец писателя, Тимофей Степанович Аксаков, в юности был жестоко избит и унижен — за русскую песню. Он служил около года ординарцем фельдмаршала Суворова в Оренбурге. Но Суворов уехал из Оренбургского края, а на его место был назначен немецкий генерал, который отличался беспощадной жестокостью. Однажды генерал и все офицеры были на всенощной службе в церкви. Вдруг тишину нарушила удалая русская песня — по улице Уфы шли трое молодых русских унтер-офицера, один из них пел песню. Генерал приказал схватить их и каждому дать 300 палок... Исполнявшего песню, почти на смерть забитого палками, отвезли в лазарет; там пришлось на нем разрезать

мундир — так распухло от побоев его молодое тело; два месяца гнила у него спина и плечи... Еще не выйдя из лазарета, он подал в отставку и стал чиновником четырнадцатого класса.

Много лет существовало мнение, что отец Сергея Тимофеевича был человеком слабовольным, тихим, недалеким, единственным занятием которого была охота. Однако именно отец передал сыну, будущему замечательному русскому писателю, свою любовь к природе, ко всему живому, наблюдательность, чуткость, доброе отношение к людям и к жизни.

Мать С.Т. Аксакова, Ольга Семеновна Заплатина, перенесла в детстве много несправедливости. Её мать была турчанка, Игель-Сюмы, из рода эмиров; двенадцатилетней девочкой при осаде Очакова она попала в плен; потом она попала в семью генерала Воинова. Ее окрестили Марией, научили читать и писать по-русски. Она была необыкновенно красива. Молодой Заплатин полюбил ее и женился на ней. Но прожила она недолго — умерла, когда ей было тридцать с небольшим лет. Отец снова женился, мачеха невзлюбила Ольгу Семеновну, девочка испытала нелюбовь, зло от невзлюбившей ее мачехи и даже дворни, а потом от дворецкого, сумевшего войти в доверие к ее отцу, суворовскому генералу. А потом ей, еще совсем молодой девушке, пришлось взять на себя все заботы большого дома и даже служебные дела больного отца.

В своем автобиографическом романе «Семейная хроника» С.Т. Аксаков в образе Марии Николаевны Зубовой воссоздает образ своей матери, которую горячо любил в течение всей жизни: «Умудренная годами тяжких страданий, 17-летняя девушка вдруг превратилась в совершенную женщину, мать, хозяйку и даже официальную даму, потому что по болезни отца принимала все власти, всех чиновников и городских жителей, вела с ними переговоры, писала письма, деловые бумаги и впоследствии сделалась настоящим правителем дел отцовской канцелярии».

В 1816 году Ольга Семеновна вышла замуж за отца будущего писателя, Т.С. Аксакова. Это была умная и образованная жен-

щина, она сыграла большую роль в жизни писателя. Ольга Семеновна стала не только хозяйкой Аксаковского дома. «Она помогла создать ту интеллектуальную атмосферу, которая здесь царила. Аксаков поверял ей все свои служебные и литературные дела. Она была первым читателем большинства его произведений, первым критиком и советчиком» (С. Машинский).

«И вот в этой семье двух по социальному положению крепостников, но испытавших на себе все ужасы крепостничества, родился С.Т. Аксаков, — пишет М. Чванов. — И всю свою славную жизнь он боролся против крепостничества, против его проявлений и разновидностей его. И привил чувство ненависти к крепостничеству своим детям. И даже его последние слова в жизни, как завещание, были об этом».

Сергей Тимофеевич, которого биограф Н.В. Гоголя называл «министерством общественной нравственности», смотрел и на родной русский народ, как на семью: не может быть здоровой семьи, здорового народа, в котором один угнетает другого, в котором одно поколение отрицает другое.

А еще ту атмосферу любви и дружбы, взаимного понимания, которые существовали между родителями, С.Т. Аксаков перенес и на свою большую семью, основанную на законах взаимного уважения, понимания и любви.

Семья — «основа всего доброго на земле» (К.С. Аксаков). Семья Аксаковых

Семья С.Т. Аксакова, замечательного русского писателя XIX века, была поистине замечательной русской семьей, в ней царили разнообразие умственных и творческих интересов, атмосфера взаимного уважения и любви, духовной общности, любовно привлекала к себе многих людей. Аксаковские субботы посещают известные писатели, издатели, артисты: М.П. Погодин, П.В. Киреевский, М.Н. Загоскин. Часто бывают Ф.И. Тютчев.

А.К. Толстой, Н.М. Языков, М.С. Щепкин, друзья семьи – знаменитые русские писатели Н.В. Гоголь, И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой. Особенно любили в семье Аксаковых Н.В. Гоголя. Как писал сам Гоголь своей близкой знакомой А.О. Смирновой-Россет, «Аксаковы способны залюбить до смерти». В каждом письме Гоголя к разным людям хоть несколько строк было посвящено Аксаковым.

Семья Аксаковых была настоящей большой русской семьей. По свидетельству А.С. Курилова, автора вступительной статьи и составителя сборника Константина Сергеевича и Ивана Сергеевича Аксаковых (старших сыновей Сергея Тимофеевича), «Литературная критика», вышедшего в 1981 году, в семье было 6 сыновей и 8 дочерей. По данным А.А. Сиверса, приведенным в дореволюционном издании «Генеалогические разведки» (Санкт-Петербург, 1913), в семье Аксаковых было 4 сына и 6 дочерей.

«Все члены семьи, – пишет один из современников С.Т. Аксакова, – были соединены редким единодушием, полным согласием вкусов, наклонностей и привычек, а с годами на этой почве утверждалась глубокая внутренняя связь, заключавшаяся в общности убеждений и симпатий».

Семья была нравственно крепкая, дружная, в которой, как точно сказал А.С. Курилов, «царствовало согласие и безусловное, непререкаемое доверие всех к каждому и каждого ко всем, где все было чисто, честно, искренне, прямо, откровенно... Чувство причастности каждого к делам и заботам других, душевная чуткость и отзывчивость становятся как бы нравственным императивом, основой личного и общественного поведения всех без исключения детей Сергея Тимофеевича и Ольги Семеновны. Может быть, отсюда возникла страстная и непреложная убежденность Константина и Ивана Аксаковых в том, что будущее России, нашего народа, всех славянских народов самым тесным и непосредственным образом связано с расцветом этого прекрасного и всепобеждающего чувства семьи единой...»

Конечно, как и в любой семье, и в семье Аксаковых иногда возникали споры — между отцом и сыновьями, особенно старшими Константином и Иваном, — о различных проблемах общественной жизни, однако всегда сохранялась атмосфера уважения и искренней дружбы.

С.Т. Аксаков имел замечательное свойство — учиться у своих детей. А дети в этой семье были поистине замечательные, яркие, талантливые.

Константин Сергеевич, старший сын Аксакова, первенец от счастливого брака, был, по воспоминаниям современников, личностью замечательной и удивительной, об этом говорили даже его идейные противники. В детстве он проявил блестящие способности, уже в 15 лет поступил на словесное отделение Московского университета.

Он работал в области языкознания, и его деятельность была высоко оценена В. Далем, автором знаменитого «Толкового словаря живого великорусского языка». В 1847 году защитил диссертацию — «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка»; был писателем, автором драм и комедий, публицистом, литературным критиком. Его статью «Опыт синонимов» («Публика и народ») потом назовут одним из самых замечательных явлений русской публицистики. Константин Сергеевич был и общественным деятелем, он выступал против социального угнетения, против произвола в обществе, резко обличал образ жизни правящих классов. В 1855 году он передал с графиней Блудовой свою «Записку» царю Николаю I, поразительную по своей смелости и достоинству. Вот небольшой отрывок из нее.

«Не подлежит спору, что правительство существует для народа, а не народ для правительства... Правительство, а с ними и верхние классы, отделились от народа и стали ему чужими... везде обман... Все лгут друг другу... Взяточничество и чиновный организованный грабеж — страшны... Все зло происходит главнейшим образом от угнетательной системы нашего правительства... Та же угнетательная правительственная система из

государя делает идола, которому приносятся в жертву все нравственные убеждения и силы...»

Эта записка, представленная царю, была первой по невероятной смелости из многих других частных записок.

Удивительно близкие отношения связывали отца и старшего сына Аксаковых. Со дня своего рождения и до самой кончины Константин Сергеевич расставался с отцом только один раз; именно он в детстве назвал отца ласково «отесенька» вместо «папаша», как было принято в те годы, и после этого все дети большой семьи Аксаковых называли Сергея Тимофеевича именно так. После смерти отца он буквально зачах; сильный человек, геркулесовского телосложения, он заболел чахоткой и умер в 1860 году, когда ему было только 43 года, пережив отца на 19 месяцев.

Многие журналы, критики, современники Константина Сергеевича откликнулись на его смерть:

«Чище, благороднее, невиннее Константина Аксакова мудрено было в нашем веке найти человека». М. Погодин.

«Я хорошо знал лично Константина Аксакова: это человек, в котором благородство — истинная натура». В.Г. Белинский.

Такой же яркой, неординарной, талантливой личностью был и второй сын Сергея Тимофеевича Аксакова — Иван Сергеевич. Когда он умер (это случилось 27 января — 8 февраля — 1886 года) газеты писали:

«Потеря невосполнимая. Иван Сергеевич Аксаков был не только литератор, публицист, общественный деятель, он был — знамя, общественная сила».

«Немногие из общественных утрат производили такое сильное впечатление, как произвела смерть И. Аксакова, потому что имя его пользовалось большой популярностью и в России, и во всем славянском мире; да и в Западной Европе на Аксакова смотрели как на одного из самых выдающихся представителей русского литературного мира и всего русского общества».

«Честен как Аксаков» — это говорили про Ивана Аксакова, и это выражение стало почти пословицей.

Крупный правительственный чиновник, издатель известного «Московского сборника», общественно-политический деятель, председатель Общества любителей российской словесности, основатель и идеолог, руководитель Московского славянского комитета — это все об Иване Аксакове. В продолжение всей своей жизни он стремился объединить всех людей — в России, в славянских странах. Как руководитель Московского славянского комитета Иван Сергеевич Аксаков организывает помощь Сербии и Черногории в их освободительной борьбе против Турции, заем сербскому правительству и сбор средств на нужды борющемуся славянскому народу, организует вербовку и отpravку добровольцев в Сербию.

Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. он организует помощь болгарским дружинам — сбор средств, покупку и доставку оружия.

Интересен тот факт, что спустя почти сто лет, в связи со 150-летием со дня рождения И.С. Аксакова, орган Министерства обороны Болгарии — газета «Народная Армия» 2 октября 1973 года писала, что болгары во время Русско-турецкой войны называли своих ополченцев «детьми Аксакова». Через И. Аксакова они получили в части 20 тысяч винтовок; оказывается, даже военная форма для ополченцев, т.е. пехотная болгарка, была предложена Аксаковым.

Один из современников Ивана Сергеевича говорил, что ощущает себя русским в трех случаях: когда слушает древние песни, когда слышит русскую народную песню и когда читает статьи Ивана Сергеевича Аксакова.

Когда Иван Сергеевич умер, похоронили его в Троице-Сергиевой Лавре — этой чести не был удостоен даже его отец и никто из «мирских», не церковных людей.

Григорий Сергеевич Аксаков, правовед по образованию, в 1861–1867 гг. был гражданским губернатором на родине отца, в Уфе, при нем было совершено освобождение крестьян. Когда в 1867 году его перевели в Самару, жители Уфы избрали его почетным гражданином города.

Как говорили современники, он был одним из самых замечательных русских губернаторов, человек честный, мужественный, гуманный.

Трех своих старших дочерей С.Т. Аксаков назвал: Вера, Надежда, Любовь; в семье было еще три дочери – Ольга, Мария, Софья.

Особое место среди дочерей занимала самая старшая дочь, Вера. Именно она диктовала Сергею Тимофеевичу «Семейную хронику», по сути, она была его редактором. Вере уже ослепший писатель диктовал все свои последние произведения.

Самая младшая из дочерей, Софья, сделала все, чтобы сохранить память об отце и всей семье Аксаковых. Она предприняла отчаянные попытки, чтобы Абрамцево, где прошли последние годы Аксакова, не попало в чужие руки. В 1870 году она продала имение человеку «богатейших дарований» (М. Чванов), страстно влюбленному в Россию, крупному промышленнику и меценату Савве Ивановиче Мамонтову. Тем самым именно ей мы обязаны тем, что Абрамцево, неотделимое от имен ее отца, Сергея Тимофеевича Аксакова, братьев, людей, бывавших в нем, вместе с соседними Мурановым, где жил знаменитый русский поэт Ф.И. Тютчев и с Троице-Сергиевой Лаврой, стало одним из нравственных центров России.

Внучка Сергея Тимофеевича, удивительно светлый и чистый человек, сделала много доброго в жизни, и среди всего прочего она создала одну из первых в стране и первую в Башкирии курортно-лечебницу для туберкулезных больных (сейчас это санаторий в Башкирии). При ее помощи были изданы многие рукописи из архива семьи Аксаковых, например, «Дневник Веры Сергеевны Аксаковой 1854–1855». Вместе с Анной Федоровной Тютчевой-Аксаковой она издала 3-томный сборник «Иван Сергеевич Аксаков в его письмах». Она всю жизнь помогала людям, поэтому в тяжелые годы Гражданской войны ей, уже старой женщине, помогают крестьяне с. Языково, где она жила; они же ее и похоронили, и бережно ухаживали за ее могилой.

«Сила этой семейной любви была так велика, – вспоминает современник Аксакова С.А. Венгеров, – что она заражала и тех,

которые к ней примыкали позднее». Жена Григория Сергеевича, Софья, была не просто невесткой, она стала настоящей дочерью. По ее инициативе в Уфе было построено новое театральное здание; под ее руководством в городе была посажена одна из прекраснейших аллей, которую жители Уфы ласково называли Софьюшкиной аллеей.

«Удивительно цельная и совестливая семья, чувствующая какую-то обостренную ответственность перед родным народом, семья, у которой мы многому должны научиться! Сколько каждый из ее членов, даже уже в третьем поколении, сделал для своего народа», — пишет исследователь жизни и творчества С.Т. Аксакова М. Чванов.

НИКОЛАЙ СЕМЕНОВИЧ ЛЕСКОВ

Н.С. Лесков. Становление человека и писателя

Николай Семенович Лесков — талантливый русский писатель XIX века. «Случайно» став писателем, как он сам говорил, Н.С. Лесков широко известен своими многочисленными статьями и очерками, такими художественными произведениями, как рассказы «Левша», «Тупейный художник», «Человек на часах», «Леди Макбет Мценского уезда», повесть «Кадетский монастырь», роман «Некуда». Хорошо сказал о писателе М. Горький. «Как художник, — писал М. Горький, — Лесков вполне достоин встать рядом с такими творцами литературы, каковы Л. Толстой, Гоголь, Тургенев, Гончаров. Талант Лескова силою и красотой своей немногим уступает таланту любого из названных творцов священного писания о земле русской, а широтою охвата явлений жизни, глубиною понимания бытовых загадок ее, тонким знанием великорусского языка он нередко превышает названных предшественников и соратников своих».

Н.С. Лесков родился 4 февраля (16 по ст. стилю) 1831 года в Орловской губернии. В «Автобиографических заметках» он рас-

сказывает о своей семье, о своих «корнях»: «По происхождению я принадлежу к потомственному дворянству Орловской губернии... Род наш собственно происходит из духовенства, и тут за ним есть своего рода почетная линия. Мой дед, священник Дмитрий Лесков, и его отец, дед и прадед все были священниками в селе Лесках, которое находится в Карачевском или Трубчевском уезде Орловской губернии. От этого села Лески и вышла наша родовая фамилия — Лесковы».

Отец будущего писателя, Семен Дмитриевич Лесков, не продолжил линию предков; после окончания семинарии он не захотел продолжать свою духовную карьеру, что вызвало яростный протест со стороны его отца, деда Н.С. Лескова: Семен Дмитриевич был выгнан из дома, причем, как пишет Н.С. Лесков, «буквально безо всего, даже без куска хлеба, лишь «с сорока копейками меди, которые подала ему его покойная мать «через задние ворота».

Отец писателя прожил трудную, «многострадальную», но определенную Н.С. Лескова, жизнь. Он был умен, образован и честен. После изгнания из родного дома он пришел в Орел и зарабатывал тем, что учил детей местных помещиков, стал известен своим прекрасным умом и бескорыстием, этими чертами личности обратил на себя внимание орловских образованных дворян, которые уговорили его ехать на службу в Петербург и дали ему для этого средства. Семен Дмитриевич служил в Петербурге, затем на Кавказе, а потом приехал в Орел, женился и стал работать в Орловской уголовной палате, где вскоре стал известен своим умом, твердостью убеждений и честностью. Н.С. Лесков очень уважал своего отца, гордился им.

Мать писателя, Мария Петровна, в девичестве Алферьева, шестнадцатилетней девушкой вышла замуж за Семена Дмитриевича Лескова — в 1830 году С.Д. Лесков приехал в Орел и там познакомился с Марией Петровной, которая была одной из его учениц.

Родители Н.С. Лескова сами жили по высоким нравственным законам, по законам любви и добра, и так же воспитывали своих детей. Интерес представляет «завещательное письмо», которое

написал Семен Дмитриевич Лесков своему сыну, когда тому было пять лет.

«Любезный мой сын и друг!
Николай Семенович!

В дополнение завещания моего, оставленного твоей матери, достойной всякого уважения по личным ее... пресимуществам, оставляя сей сустный свет, я рассудил впоследствии побеседовать с тобою, как с таким существом, которое в настоящие минуты более прочих занимало мои помышления. Итак, выслушай меня и, что скажу, исполни: 1-е. Ни для чего в свете не изменяй вере отцов твоих. 2-е. Уважай от всей души твою мать до ее гроба. 3-е. Люби вообще всех твоих ближних, никем не пренебрегай, не издевайся....6-е. По службе будь ревностен, но не до безрассудства, всегда сохраняя здоровье, чтобы к старости не быть калекою. 7-е. Более всего будь честным человеком, не превозносись в благоприятных и не упадай в противных обстоятельствах... 9-е. Уважай деньги, как средство, в нынешнем особенно веке открывающее пути к счастью, но для приобретения их не употребляй мер унижительных, бесславных...»

В детстве его сверстниками были крестьянские дети, с которыми он, по его словам, «жил и сживался душа в душу». Он любил слушать рассказы няни и дворовых о странниках, народные сказки и предания. Лесков писал о себе, что простонародный быт он знал до мельчайших подробностей; он считал, что народ надо не изучать, а просто знать, «как самую свою жизнь, не штудирую ее, а живучи сю».

Он учился в Орловской гимназии, но не закончил ее: умер отец, семья бедствовала. В 16 лет Н.С. Лесков был вынужден начать трудовую жизнь — он пошел по стопам отца, поступил на службу канцеляристом в ту же Орловскую уголовную палату, где раньше служил отец. В 1849 году он пересезжает в Киев, где живет его дядя по материнской линии, С.П. Алферьев, известный в городе профессор медицинского факультета. Лесков ведет интересную и содержательную жизнь. Он работает в Казенной палате, а в свободное вре-

мя ходит в университет на лекции по медицине, статистике, сельскому хозяйству и др. Позже он перешел на частную коммерческую службу к англичанину Шкоту, мужу его тетки. Лесков изъездил Россию вдоль и поперек, тесно общаясь, по роду своей деятельности, с простым народом. Многие помещики в конце 50-х годов, незадолго до крестьянской реформы 1861 года и отмены крепостного права в России, занимались заселением огромных пространств в Поволжье и на юге России. Н.С. Лескову приходилось сопровождать переселенцев и устраивать их на новых местах. Вот тогда-то будущий писатель и познакомился с жизнью русских окраин – с бытом, нравами и языком рабочего, торгового и мещанского люда, людей самых разных профессий и социального положения. Тогда он приобрел «золотой запас» знания человеческих характеров, обычаев, профессий, национальных нравов, языка. Когда его спрашивали, откуда он берет материал для своих произведений, он показывал на лоб и говорил: «Вот из этого сундука. Здесь хранятся впечатления шести-семи лет моей коммерческой службы, когда мне приходилось по делам странствовать по России; это самое лучшее время моей жизни, когда я много видел.

В письмах к Шкоту Лесков делится своими разнообразными впечатлениями, и письма эти так интересно написаны, таким живым, выразительным языком, что ими заинтересовался сосед Шкота по имению, Ф.И. Селиванов, который считал, что их интересно опубликовать, а их автору предвещал судьбу известного писателя. В 1860 году в киевской газете «Современная медицина» и петербургском журнале «Указатель экономический» появляются первые статьи Н.С. Лескова – «Несколько слов о врачах рекрутских присутствий», «Полицейские врачи в России», «О рабочем классе» и др. А с 1861 года начинается литературная деятельность Н.С. Лескова. Он переезжает в Петербург и, словно наверстывая упущенное – ему уже тридцать лет, – пишет и печатает в журналах под псевдонимом Стеблицкий множество статей, очерков, рассказов и повестей: статьи «Последняя встреча и последняя разлука с Шевченко», «Русские женщины и эмансипация», рассказы «По-

гасшее дело» (последующее название – «Засуха»), «Овцебык», «Леди Макбет Мценского уезда», роман «Некуда».

Уже первые его произведения удивили современников необыкновенным знанием народной жизни, разнообразием материала, смелостью в постановке самых острых вопросов, оригинальностью литературной манеры и языка. М. Горький, отмечая характерные особенности первых его произведений, пишет: «Он знал народ с детства; к тридцати годам объездил всю Великороссию, побывал в степных губерниях, долго жил на Украине... Он взялся за труд писателя зрелым человеком, превосходно вооруженным не книжным, а подлинным знанием народной жизни».

КОНСТАНТИН МИХАЙЛОВИЧ СТАНЮКОВИЧ

Необычная судьба писателя

Константин Михайлович Станюкович – известный русский писатель XIX века. Он прославился своими произведениями на «морские» темы – «Морские рассказы», очерк «Маленькие моряки», «Беспокойный адмирал» и др. Однако его творческое наследие значительно больше: из 13 томов его Собрания сочинений, которые вышли еще при жизни писателя, «морские» рассказы и повести занимают только три тома.

В произведениях К.М. Станюковича ставятся вопросы общечеловеческие, вопросы нравственные: порядочности, честности, чести и долга. Он осуждает карьеризм, страсть к наживе, цинизм молодого поколения, с симпатией пишет о людях честных, интеллигентных, добрых.

К.М. Станюкович был очень популярен в свое время, и эта популярность усиливалась его необычайной биографией.

Он родился в 1843 году в Севастополе в семье влиятельного адмирала, который хотел, чтобы сын продолжил дина-

стию — отец и дед адмирала были моряками, и сделал карьеру морского офицера. Поэтому отец отдает Станюковича в морской корпус, даже не спрашивая, хочет ли сын там учиться, потом отправляет его в трехгодичное кругосветное плавание, чтобы сын даже и думать перестал об университете (такова была мечта молодого Станюковича). А молодой сын адмирала в 21 год находит в себе силы и мужество, чтобы коренным образом изменить свою жизнь и осуществить свою мечту. Он выходит в отставку, конечно, против воли отца. Это приводит к полному разрыву их отношений, к лишению молодого Станюковича наследства. И началась трудная, полная лишений и опасностей жизнь юноши.

После отставки и разрыва с отцом К.М. Станюкович работает сельским учителем в с. Чаадаеве Владимирской губернии — туда он уехал, чтобы хорошо ознакомиться с жизнью народа. Потом Станюкович поступает на службу в Управление Курско-Харьковской железной дороги, затем, в Петербурге, — в Общество взаимного поземельного кредита и в Ростове-на-Дону — в Волжско-Донское общество.

В эти годы К.М. Станюкович становится профессиональным писателем. В качестве журналиста он сотрудничает в журнале «Дело», где в это время печатались известные писатели Г. Успенский, соратник Н.Г. Чернышевского Н.В. Шелгунов и др. И в этом тоже проявилось мужество и честность Станюковича. Главное управление по делам печати в 1874 году дало такую характеристику журналу «Дело»: «Издатель и самые сотрудники «Дела» заведомо принадлежат к числу писателей самого неблагоприятного направления, не раз осужденного правительством». Это не остановило будущего писателя. Работе в журнале он отдавал все свои силы и деньги, а после смерти редактора журнала взял на себя издание этого журнала. В это же время он начинает писать произведения художественной литературы: пьесы, повести и романы.

Деятельность К.М. Станюковича давно привлекала внимание царского правительства. Еще с конца 60-х годов его внесли в

список неблагонадежных, фактически он стал поднадзорным; с весны 1883 года на него было заведено особое дело.

Весной 1884 года Станюкович поехал во Францию за своей безнадежно больной дочкой Любой. На границе, при возвращении в Россию, он был арестован и отправлен в Петропавловскую крепость в Петербург.

Через год ему вынесли приговор: за общение с русскими эмигрантами, проживающими в Париже, за связь с редакцией революционного журнала «Вестник Европы» Станюкович был отправлен в ссылку на три года в г. Томск.

Как всегда, беда не приходит одна. На писателя сразу обрушились тяжелые невзгоды: арест, год заключения в крепости, смерть дочери, ссылка, потеря любимой женщины, полное разорение. Не каждый сможет выдержать эти удары судьбы, не сломиться. Станюкович мужественно выдержал все эти несчастья. В Томске он сотрудничает в «Сибирской газете», печатает в ней свои очерки, критические статьи, сатирические стихи и роман. Здесь, в Томске, он пишет свои первые «морские» рассказы, принесшие ему широкую известность.

Отставной лейтенант русского флота, Станюкович создал образы русских моряков, капитанов и адмиралов, которые и в бою, и в обычной жизни берегли честь русского флота, никогда не склонявшегося ни перед врагом, ни перед соперником, он прославляет их честь, отвагу и мужество. Он показывает русских матросов и офицеров во всем «их мужестве и бесстрашии, во всем чисто русском, неосознанном гуманизме, во всей чистоте прекрасной и честной души, во всей их самоотреченности и беззаветной любви к родному кораблю и к русскому флоту - в любви, рождающей крепчайшее морское товарищество, штормовое и боевое», - так пишет в своей статье «О Константине Михайловиче Станюковиче» писатель XX века Л. Соболев, также известный своими «морскими» произведениями. Станюкович осмелился сказать, что матрос - это тоже человек, достойный уважения.

В 1888 году, после окончания срока ссылки, Станюкович возвращается в столицу, к своим друзьям, любимой работе - в жур-

нал. Ссылка не сломила его. Он остался по-прежнему достойным и честным, доброжелательным человеком. В это время он много пишет, печатается в лучших журналах, создает лучшие свои произведения: «Нянька», «Побег», «Грозный адмирал», «Вокруг света на «Коршуне» и другие.

В декабре 1896 года литературная общественность России отметила юбилей К.М. Станюковича – 35-летие его литературной деятельности. Его поздравляли коллеги-писатели: А.П. Чехов, Гарин-Михайловский, Г. Мачтет, редакции многих газет и журналов, студенты, друзья и даже совсем незнакомые люди. Ему писали из многих городов страны – Москвы, Петербурга, Одессы, Самары, Херсона, Калуги, благодарили за морские рассказы, за романы и повести, за то, что своими произведениями он всегда будил общественную совесть.

А через год его постигло новое горе – умер его любимый сын в возрасте 16 лет, который был ему не только сыном, но и близким другом. К.М. Станюкович тяжело переживал эту трагедию: он не находит себе места, пересезжает из города в город, перестает писать – не может, тяжело заболевает. Врачи настоятельно рекомендуют ему уехать в Крым, подлечить свое здоровье; Станюкович понимает, что это необходимо сделать и едет в Крым; после возвращения он начинает писать, работает много, но болезнь не отпускает. Станюкович вместе с семьей уезжает в Италию с сильным мозговым переутомлением, общим нервным расстройством, с наступающей слепотой. И все-таки он продолжает работать. «Я не могу не работать», – говорит писатель друзьям, которые пытаются уберечь его от переутомления.

В мае 1903 года К.М. Станюкович умер в Италии. Там же его и похоронили.

Много лет прошло с тех пор, «когда выпало перо из рук писателя, – пишет Л. Соболев, – а книги его все еще живут. И все еще идет полным ветром его корабль под белыми парусами, чистыми и незапятнанными, как чиста и незапятнанна была совесть этого примечательного русского писателя».

ЛИТЕРАТУРА XX ВЕКА

МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ ЗОЩЕНКО

Судьба Михаила Зощенко

М.М. Зощенко – признанный юморист и сатирик первой половины XX века. «мастер смеха», «король смеха», как его называли современники. Необычной, яркой и драматической была судьба писателя М. Зощенко. Он родился в начале XX века в небогатой интеллигентной семье. Отец Зощенко был художником. «Его картины, – говорил сын Зощенко, по воспоминаниям П. Лавуга, – имеются и в Третьяковской галерее, и в Академии художеств, и в Музее революции». Мать будущего писателя, несмотря на то что на руках у нее было восемь детей, находила время, чтобы писать рассказы и печатать их в газете «Копейка». У М. Зощенко рано появилась мысль о том, что его призвание – литература, что он должен быть писателем. Поэтому он стремился увидеть мир, узнать жизнь, чтобы потом описывать ее в своих произведениях.

Современники писателя, его друзья, коллеги по перу вспоминают о многогранной, разносторонней деятельности Зощенко в молодые годы. К.И. Чуковский, известный писатель, вспоминает: «Ему (Зощенко. – М.Г.) не было еще 27 лет, а он успел побывать и столяром, и саножником, и телефонистом, и штабс-капитаном 16-го гренадерского мингрельского полка, и милиционером, и плотником, и актером, и красным командиром, и агентом уголовного розыска, и бухгалтером, и контролером на железной дороге, – словно он специально готовился к своей единственной и важнейшей профессии – изобразителя нравов

современных ему людей и людишек...» Действительно, познание множества профессий (а их было несколько десятков!) предоставило будущему писателю богатейшую возможность узнать жизнь во всех ее разнообразиях, познакомиться с людьми разных социальных слоев, культуры, образования, психологии, что впоследствии сыграло значительную роль в его литературной деятельности.

С самого начала Германской войны, в 1914 г., когда ему было 20 лет, М. Зощенко ушел добровольцем на фронт, где командовал ротой, потом батальоном и получил за храбрость четыре боевых ордена (среди них Георгиевский крест — редчайший из орденов) и чин штабс-капитана. На фронте он был тяжело ранен, отравлен ядовитыми газами, «заработал» порок сердца.

При Временном правительстве, как вспоминал сам писатель, он был и начальником почт и телеграфа, комендантом Главного почтамта в Петрограде, секретарем полкового суда в Архангельске.

Революцию 1917 года встретил с надеждой на лучшую жизнь народа. В годы Гражданской войны, опять добровольцем, вступил в Красную Армию: сначала служил пограничником в Стрельне и Кронштадте, был командиром пулеметной команды и адъютантом, участвовал в боях против белых генералов, однако вскоре по болезни вынужден был уйти из армии. Демобилизовавшись, он попробовал себя во многих профессиях и не жалел об этом: его жизненный опыт, встречи с разными людьми, разных профессий дал ему богатый материал для многих его сатирических рассказов.

После сложных лет революции и нэпа, в середине 20-х годов, когда новая Россия переживает все тяготы и последствия тяжелейших послевоенных и послереволюционных годов, когда происходит кризис во всех областях жизни — кризис политический, экономический, нравственный, состоялся дебют молодого писателя. Его творчество сразу получает признание. По воспоминаниям В. Шкловского, Зощенко испытал необыкновенный читательский успех. Книги его раскупались повсюду,

мгновенно, как только они появлялись на книжных прилавках; его читали везде, нередко выдавая «его рассказы за истинное происшествие». Говорили, что не было, казалось, такой эстрады, с которой бы ни читались его рассказы «Баня», «Аристократка», «История болезни» и многие другие. Не было ни одного издательства, которое не выпустило хотя бы одну его книгу, многие его повести и рассказы переиздавались многократно. «Этот человек, - вспоминает другой известный русский писатель, Константин Федин, - был первым из всей молодой литературы, который, по виду, без малейшего усилия, как в сказке, получил признание и в литературной среде, и совершенно необозримой читательской массе. Он действительно проснулся в одно прекрасное утро знаменитым...» Кажется невероятным, но уже в 1928 году, через 7 лет после появления первых рассказов писателя, о нем, его жизни и творчестве, появилась солидная академическая книга в научном издательстве «Академия», в серии «Мастера современной литературы» (само название серии, в которой была издана книга о Зощенко, - «Мастера...», говорит о признании его как очень талантливого писателя). А в 1929 году было издано собрание сочинений М. Зощенко. Вступительная статья к этому собранию сочинений начиналась такими словами: «С именем М. Зощенко связана крупная литературная удача».

Успех раннего Зощенко был легендарным; уже тогда он заслужил славу самого веселого писателя Советского Союза. Интересен тот факт, что литературное творчество М. Зощенко высоко ценил его современник, замечательный русский писатель М. Горький. «А юмор Ваш я ценю высоко, - сообщал он писателю. - Своеобразие его для меня - да и для множества грамотных людей - бесспорно...» «Отличный язык выработали Вы, Михаил Михайлович, и замечательно легко владеете им, - писал М. Горький, едва ознакомившись с произведениями молодого писателя. - И юмор у Вас очень «свой»... Данные сатирика у Вас - налицо, чувство иронии - очень острое...» «Вообще, - вспоминает писатель Л. Пантелеев, - Алексей Максимович очень

часто вспоминал Зощенко, очень любил его и всегда, когда заговаривал о нем, как-то особенно, по-отечески улыбался».

Смех в сатирических произведениях М. Зощенко является лишь фоном для нот боли и горечи («смех сквозь слезы»). За внешней простотой рассказов писателя возникают острые актуальные проблемы, он продолжает традиции классической русской сатиры (веселая форма – и идущее от глубокой сердечной боли гражданское содержание). «В большинстве его рассказов – чувство горечи и стыда за человека нового общества», «творца новой жизни», невежественного, малокультурного, стремящегося к мещанскому благополучию, сытости, не живущего, а выживающего в новых условиях, когда главной линией пришедших к власти стал лозунг: «Кто был ничем, тот станет всем», понимаемый зачастую примитивно – буквально.

М. Зощенко – писатель большой темы, большого гражданского чувства, большой встревоженной, не знающей успокоения совести. «Я подумал о смехе, – скажет он однажды, – который был в моих книгах, но которого не было в моем сердце». Жена писателя в дневнике от 16 июля 1923 года пишет: «...говорил, что его до сих пор никто не понимает, как нужно, смотрят на него в большинстве случаев, как на рассказчика веселых анекдотов, а он совсем не то». Довольно долго существовало суждение, что Зощенко – безыдейный смехач (по мнению официальных советских критиков), автор безобидно-смешных анекдотов. Да, М. Зощенко – действительно признанный теперь автор юмористических и сатирических произведений первой половины XX столетия (его называли «мастером смеха», «королем смеха»). Революцию 1917 года писатель воспринял с затаенной надеждой, с верой в то, что она приведет к новой жизни, к появлению свободных и счастливых, умных и порядочных людей. Однако этого не произошло. Утверждалась мещанская мораль, превалирующим стал тип мещанина – человека, стремящегося к спокойному благополучию, сытости, человека самодовольного, циничного, малокультурного. «Жизнь такая смешная. Скучно

как-то существовать на земле!» – это парадоксальное, на первый взгляд, восклицание писателя передает его горькое, тоскливое восприятие жизни в те годы. В тридцатые годы писатель издает сборники рассказов «Сентиментальные повести», «Голубая книга», пишет «Исторические повести», работает в ленинградских газетах – пишет фельетоны, представляющие собой отклик на письма читателей, а также на радио и в сатирическом журнале «Крокодил».

М. Зощенко во время Великой Отечественной войны был журналистом, писал сценарии фильмов, пьесы для театров.

Послевоенные годы были тяжелыми, драматическими для писателя. Его творчество было подвергнуто жесткой критике, он был исключен из Союза писателей. В это время он совершает смелый гражданский поступок, для многих который кажется безрассудным – пишет письмо И.В. Сталину, в котором пытается снять с себя обвинения в антисоветчине. «Я никогда не был антисоветским человеком. В 1918 г. я добровольцем пошел в ряды Красной Армии и полгода пробыл на фронте, сражаясь против белогвардейских войск.

Я происходил из дворянской семьи, но никогда у меня не было двух мнений – с кем мне надо идти – с народом или с помещиками. Я всегда шел с народом. И этого от меня никто не отнимет...

...Меня самого никогда не удовлетворяла моя сатирическая позиция в литературе. И я всегда стремился к изображению положительных сторон жизни. Но это было нелегко сделать – так же трудно, как комическому актеру играть героические образы. Можно вспомнить Гоголя, который не смог перейти на положительные образы...» (Из письма М. Зощенко И. Сталину от 26 августа 1946 г., после исключения его из Союза советских писателей. (Архив М. Зощенко.)

Через семь лет, в 1953 году, после смерти Сталина, М. Зощенко вновь был принят в Союз писателей. До самой смерти он работает в журналах «Огонек» и «Крокодил».

Особенности языка рассказа М. Зощенко «История болезни»

В своем рассказе «История болезни» М. Зощенко изображает Россию в первые годы после Октябрьской революции и те произошедшие изменения в психике людей, которые пришли на смену помещикам и капиталистам. Простые люди — крестьяне, рабочие, бывшие дворовые, вдруг осознали свою роль в истории, подняли голову, поняли, что они — тоже люди, которые достойны уважения. Простой народ, пришедший на смену уходящим правящим классам — помещикам, капиталистам, купцам, становится хозяином жизни. Но вместе с положительным новая историческая обстановка принесла и негативные моменты: люди необразованные, малокультурные, мало знающие, мало умеющие приходят на производство, в медицину, образование, в управленческие организации, занимают должности, предоставляющие им немалую власть. Желание управлять государством, заменив прежние правящие классы, в основной массе не подкрепляется необходимой образованностью, необходимыми для этого знаниями, нужными практическими умениями; понимание своей руководящей роли часто сопровождается высокомерием, цинизмом, вдруг проснувшимся желанием показать свое превосходство над другими. В рассказе «История болезни», как и в других своих произведениях, М. Зощенко с тревогой показывает, что в России нарождается целое поколение людей, для которых «обмывочный пункт» куда милее, чем ванная (лекпом, медсестра и пр. в рассказе «История болезни»), чье мышление не позволяет делать дело умно и достойно.

Для того чтобы точно воспроизвести ситуацию тех лет, изобразить народ, который получил власть после революции, писатель использует специальные языковые средства. К особенностям языка рассказа М. Зощенко исследователи творчества писателя (К.И. Чуковский, Г.В. Пранцова, А. Старков) относят следующее: разговорные интонации, разговорный синтаксис,

сниженная — просторечная и даже часто вульгарная лексика, комплекс изобразительных средств, связанных с «неумелой речью» («поэтикой безобразия»), неумелые приговорки, стилизация под устную речь. Писатель стремился к тому, чтобы быть всем понятным. Сам он так говорит об этом: «Для кого я пишу? Я пишу, я, во всяком случае, имею стремление писать для массового советского читателя». Такая направленность творчества определила и своеобразие языка писателя. «...вся трудность моей работы. — пишет Зощенко, — свелась главным образом к тому, чтобы научиться так писать, чтобы мои сочинения были всем понятны... Я немного изменил и облегчил синтаксис и упростил композицию рассказа. Это позволило мне быть понятным тем читателям, которые не интересовались литературой...» («Возвращенная молодость»).

Как отмечает выдающийся лингвист В.В. Виноградов, это живая, свежая, неподдельная речь, которая зазвучала в первые послереволюционные годы на бульварах, в трамваях, в очередях, на вокзалах, в банях. «Зощенко первый из писателей своего поколения ввел в литературу в таких широких масштабах эту новую, еще не вполне сформировавшуюся, но победительно разлившуюся по стране внелитературную речь и стал свободно пользоваться ею, как своей собственной речью. Здесь он — первооткрыватель, новатор», — продолжает эту мысль известный знаток русского языка К.И. Чуковский. — С ранней юности Зощенко, человек большого житейского опыта, помнявший множество профессий, был погружен во внелитературную речевую стихию, так досконально изучил эту речь, так успешно освоил современное ему просторечие и с такой точностью воспроизвел его в своих сочинениях, что стоило нам в вагоне или на рынке услышать чей-нибудь случайный разговор, мы говорили: «Совсем как у Зощенко». Такова была та трудная житейская школа, в которой он учился языку. Курс был долгий, учителей было много».

Комический эффект возникает потому, что этот язык немисливо уродлив, нелеп и смешон. «Обычно думают, — писал

188

М. Зощенко, — что я искажаю «прекрасный русский язык, что я ради смеха беру слова не в том значении, какое им отпущено жизнью, что я нарочно пишу ломаным языком для того, чтобы посмешить почтеннейшую публику.

Это неверно. Я почти ничего не искажаю. Я пишу на том языке, на котором сейчас говорит и думает улица... А как говорит и думает улица, я, пожалуй, не ошибся. Это видно из этой моей книги (Сборник, изданный в 20-е годы, — «Над кем смеетесь?!». — М.Г.), из этих писем, которые я ежедневно получаю».

Речь персонажей в рассказе «История болезни» отличают бедность лексического и синтаксического состава, незамысловатость конструкции, изобилие канцеляризов. Введение казенных, канцелярских фраз подчеркивает бедное речевое, а значит, и интеллектуальное, мышление у нового поколения российского народа: слова непослушны их мыслям и часто выражают суждения, прямо противоположные тем, какие им хочется выразить. В тексте рассказа часто встречаются слова «не к месту сказанные»: «Что вы... такие пошлые надписи вывешиваете?» — о плакате «Выдача трупов от 3-х до 4-х»; «все-таки, говорю, больным не доставляет интереса это читать». — Непонятно, почему возникает связка «все-таки»; о плакате в приемном отделении — «воззвание»; «это морально подкашивает силы» и т. д., этот список неверно употребленных, не к месту и не по теме разговора слов и выражений можно значительно продолжить. Большинство слов, используемых персонажами, представляет собой разговорную или просторечную лексику, и это также является элементом характеристики персонажей рассказа: хворать (болеть); замять разговор — прекратить (разговорное); передернуть («от этих слов меня тоже передернуло») — неприятно поразить, вызвать чувство неудовольствия, досады; распатронить (старуха, оказавшаяся в ванной, говорит: «я сама ... всех тут вас распатроню») — распухать, разбранить (просторечное); двужилый организм — выносливый, крепкий, сильный (разговорное) и т. д.

Синтаксическое построение фраз также нередко неправильно — и это автор делает совершенно сознательно. Например, в самом начале рассказа: «Все-таки только больного привезли, записывают его в книгу, и вдруг он читает на стене плакат: «Выдача трупов от 3-х до 4-х» (неясно, почему употребляется «все-таки», изменяется порядок слов — в тексте сначала идут существительные, а потом уже глаголы: «больного привезли» — вместо «привезли больного», «записывают его...» вместо «его записывают...» и т. д.); медсестра говорит герою: «Наверное, говорит, вы не выздоровеете, что во все нос суете»; герой, увидев старуху в ванне, куда и его хотят положить «на помывку», говорит: «...И мне, говорю, определенно неприятно видеть то, что там у вас плавает в ванне»; фельдшер обращается к герою рассказа: «...Вдобавок у вас только восемь дней перебор, и то вы поднимаете тарарам». Подобные примеры можно продолжить.

Часто в рассказе используются разговорные, порой нелепые выражения: «это... морально подкашивает их (больных) силы», «обмывочный пункт» (вместо «ванная комната»), «это красивей и возвышает больного», «это морально унижало человеческое достоинство», «я был в ослабленном состоянии», «меня ... закидало прыщами» и т. д.

В рассказе много канцелярских штампов, канцеляризов. «Канцелярские штампы обывательской речи, которые получили такое развитие в лексике 30-х и 40-х гг., были зорко подмечены Зощенко еще при своем зарождении, — пишет К.И. Чуковский. — Канцелярит всегда вызывал негодование Зощенко. В его новелле «История болезни» некто побывавший в больнице рассказывает:

«... тут сестренка подскочила:

— Пойдемте, говорит, больной, на обмывочный пункт. Но от этих слов меня тоже перелернуло.

— Лучше бы, говорю, называли не обмывочный пункт, а ванна. Это, говорю, и красивей, и возвышает больного. И я, говорю, не лошадь, чтоб меня обмывать».

Своими рассказами Зощенко сигнализировал нам, что нарождается целое поколение людей, для которых «обмывочный

пункт» куда милее, чем ванна, для которых лес – зеленый массив, шапка – головной убор, телега – гужевой транспорт и т.д. Их бедное мышление поработано всеми этими казенными терминами».

Таким образом, характерными чертами языка М. Зощенко являются активное использование просторечной лексики, близость к разговорному языку, короткость фразы, незатейливость синтаксических конструкций, близость народной повседневной речи, использование ресурсов живой человеческой речи определенного исторического периода.

Смешные повороты сюжета (рассказ М. Зощенко «История болезни»)

Рассказ М. Зощенко «История болезни» посвящен изображению «гримас нэпа», периода, наступившего после Октябрьской революции, когда к власти в стране, вместо помещиков и капиталистов, пришел простой народ – крестьяне, рабочие, мелкие служащие. Действие этого, как и множества других юмористических и сатирических рассказов писателя, происходит в некоем общественном заведении – больнице. Смысл того, что происходит в рассказе, формулируется уже в первой фразе: «Откровенно говоря, я предпочитаю хворать дома». И дальше на нескольких страницах происходит объяснение, «комическая детализация и речевая раскраска», по точному определению литературоведа И.Н. Сухих, этого заявления героя, почему он «предпочитает хворать дома».

Сюжет произведения достаточно прост и бесхитроустен. Самый рядовой, самый обычный человек, живущий в освободившейся от самодержавия Стране Советов, однажды заболевает и попадает в больницу. И здесь он сталкивается со множеством разнообразных нарушений – медицинских, бытовых, нравственных, встречается с вопиющими хамством, равнодушием, безот-

ветственностью медиков — от технического персонала (в приемном отделении, канцелярии, где выдают справки и пр.), средних медицинских работников (фельдшер, или лекпом, медсестра) до специалистов — врачей больницы. Причем весь этот беспорядок и беспредел воспринимаются медицинским персоналом и больными как нечто абсолютно естественное и нормальное, а протест главного героя рассказа, его критика всего, с чем ему пришлось столкнуться, вызывает у медицинских работников удивление, непонимание, раздражение, возмущение.

В рассказе возникает множество неожиданных, парадоксальных ситуаций (сцена в «обмывочной», ложная информация о смерти героя и пр.). Писатель юмористически, но с грустным подтекстом показывает, как такое простое и обыкновенное дело, как размещение больного в лечебное учреждение и оказание ему там медицинской помощи, превращается в целую историю злоключений героя.

В этом простом рассказе М. Зощенко поднимается одна из ключевых проблем русской литературы — проблема человеческого достоинства. И решает ее писатель по-новому. Каждый человек достоин уважения, внимания к себе, не говоря уж о такой ситуации, когда человек слаб, нездоров, не в силах сам постоять за себя, за свои права, отстаивать свое право на уважение. Более всего писателя возмущает чудовищное неуважение к человеческой личности, черствость, грубость и неискоренимое хамство: при внимательном прочтении рассказа можно увидеть скрытую мечту писателя о деликатности, чуткости, благожелательности — о культуре человеческих отношений. «Товарищи, — пишет М. Зощенко в одном из своих рассказов («Страдания Вертера»). — мы строим новую жизнь, мы победили, мы перешагнули через громадные трудности, давайте, черт возьми, уважать друг друга!»

В рассказе «История болезни» писатель изображает ситуацию, когда герой пытается добиться к себе нормального, человеческого, уважительного отношения, но натывается опять на все то же равнодушие, неприязнь, хамство. В итоге он все-таки до-

бывается своего – никто им не помыкает, никто на него не набрасывается – слишком уж он «привередлив»: «Первый раз вижу такого привередливого больного», – недовольно говорит лекном в ответ на нежелание героя мириться с дикими порядками лечебного заведения, в котором ему пришлось оказаться (знаменательна последняя фраза рассказа: герой с радостью выписывается из больницы и «теперь хворает дома»).

Самим построением рассказа, его сюжетом, талантливо описываемыми смешными поворотами сюжета писатель выражает основную мысль рассказа, раскрывает проблему человеческого достоинства.

Интересно остановиться на всех эпизодах, даже самых, на первый взгляд, незначительных, свидетельствующих о негативных чертах жизни в только что освободившейся от царизма России, для того чтобы понять основную мысль писателя, его боль и тревогу за свою страну, в которой царят такие «невиданные» порядки. Проанализируем их в последовательности, которая соответствует сюжету рассказа Зощенко.

1. Героя рассказа, тяжело заболевшего, привозят в больницу с диагнозом «брюшной тиф»; он вполне уверен в том, что ему окажут необходимую помощь, что скоро поставят на ноги, но тут он видит «онтимистический» плакат на стене приемного отделения: «Выдача трупов от 3-х до 4-х». «Я прямо закачался на ногах, когда прочел это воззвание», – вспоминает о своей первой и совершенно естественной реакции герой. В ответ на недовольство больного «такими пошлыми надписями» он получает хамскую отповедь фельдшера: «Если вы поправитесь, что вряд ли, тогда и критикуйте, а не то мы действительно от трех до четырех выдадим вас в виде того, что тут написано, вот тогда и будете знать».

2. Эпизод, когда героя ведут на «обмывочный пункт» (сразу возникает ассоциация с моргом, где «обмывают трупы», либо с ветеринарной лечебницей) и приказывают быстро, без разговоров и претензий «обмыться» несмотря на то, что в ванне уже находится другой больной, а, точнее, больной пре-

старелой женщиной. И вновь герой рассказа встречается с бесцеремонностью, цинизмом медперсонала: «Даром что больной, а тоже, говорит (имеется в виду медсестра. — М.Г.), замечает всякие тонкости. Наверное, говорит, вы не выздоровеете, что во все нос суется». А лежком, в ответ на нежелание больного лечь в ванну на «обмывку» вместе с лежащей уже там пожилой женщиной, раздраженно дополняет: «...первый раз вижу такого привередливого больного. И то ему, нахалу, не нравится, и это ему нехорошо... я больше люблю, когда к нам больные поступают в бессознательном состоянии... тогда им все по вкусу, всем они довольны и не вступают с нами в научные пререкания».

3. После купания герою выдают огромное, не по росту больничное белье, причем, как он заметил позже, это совсем не связано с отсутствием соответствующих комплектов больничного белья: «маленькие больные, как правило, были в больших рубашках, а большие — в маленьких» (т. е. белья, соответствующего размерам больных, хватило бы каждому); эта деталь — описание больных, одетых в белье, не соответствующее их размерам, еще раз подчеркивает невнимательность, безразличие медперсонала к больным, нелепость порядков, характерных для данного медицинского учреждения (для больницы это — «нормальное явление»). И еще одна важная деталь: на всех больничных рубашках было проставлено клеймо, да так, чтобы его нельзя было не увидеть, — или на спине, или на груди больного (сразу возникает ассоциация с местами заключения, где содержатся преступники и где подавляются любые проявления человеческого достоинства, человеческая личность). Сам герой замечает: «Это морально унижало человеческое достоинство».

4. Героя положили в небольшую палату, где уже находились не один-два, а около тридцати больных с самым разным диагнозом, требующих разного ухода (тяжелобольные и легкобольные), совершенно по-разному воспринимающих больничный быт («Некоторые свистели. Другие играли в пешки. Третьи шлялись

по палатам и по складам читали, чего написано над изголовьем»). В ответ на вполне естественное недовольство героя медсестра раздраженно, грубо, бестактно (как и все в этом лечебном заведении) спрашивает: «Может быть, вас прикажете положить в отдельную палату и приставить к вам часового, чтоб он от вас мух и блох отгонял?»

5. Тяжелобольного героя с высокой температурой «случайно» положили около открытого окна, что таким больным крайне противопоказано; так же «случайно» разместили рядом с инфекционными больными.

6. И опять «случайно» героя покормили из прибора, принадлежавшего инфекционному больному.

7. Больше недели сумевшего, несмотря ни на что, выздороветь героя не выписывают из больницы: «...то они забывали, то у них чего-то не было, то кто-то не пришел и нельзя было отметить...» Как объясняют медики «привередливому» больному, ему еще повезло, — многих выздоровевших держат и по три недели: «у нас такое переполнение, — откровенно объясняет фельдшер, — что мы прямо не поспеем больных выписывать».

9. В заключение происходит «маленькая» ошибка: из бухгалтерии больницы жена героя рассказа вместо вдовы одного из умерших ошибочно получает извещение о том, что ее муж скончался и необходимо срочно забрать его тело из больницы (а на самом деле ее муж, герой рассказа, здоров и только не может, из-за халатности медиков, выписаться из больницы домой).

Так, мастерски выстраивая сюжет своего рассказа, рисуя на первый взгляд смешные, незначительные эпизоды — события, происходящие с героем рассказа на протяжении его пребывания в больнице, писатель с тревогой пишет о том серьезном, что происходило в России в первые годы после революции, показывает, как в освобожденной от рабства стране подавляется человеческая личность, ее достоинство.

АНДРЕЙ ПЛАТОНОВИЧ ПЛАТОНОВ

«Все начинается с детства»

В одном из своих рассказов «Свет жизни» А. Платонов напишет: «В детстве весь мир принадлежит ребенку». Именно с детства человек начинается, в детские годы, вбирая в себя все впечатления, все окружающее его, он начинается как личность.

Детство А. Платонова было тяжелым и нерадостным. Он родился 1 сентября (20 августа по старому стилю) в предместье Воронежа, в Ямской слободе, в многодетной семье железнодорожника Платона Фирсовича Климентова (Платонов — это литературный псевдоним писателя, образованный из имени его отца). В семье кроме Андрея — а он был старшим, было еще десять братьев и сестер. Семья жила бедно, нуждалась: Андрею, как старшему из детей, приходилось с малолетства заботиться о куске хлеба, он чувствовал ответственность за младших детей, и поэтому рано началась его трудовая жизнь. В малолетстве он испытал и тяжесть нищенской холщовой сумы за плечами (одно время семья достигала десяти человек, а работал только отец), и горечь безвозвратных утрат (голодной смертью поми- рали меньшие братья и сестры), подростком познал непосиль- ный труд, под стать заматеревшему мужику, наемный труд...

Дед А. Платонова был шахтером, отец — мастеровым человеком, работал много и тяжело, чтобы прокормить семью, дома только спал, приходил поздно, а утром просыпался раньше всех, брал краюшку хлеба и уходил на работу. Около пятидесяти лет Платон Фирсович проработал машинистом паровоза и слесарем в воронежских железнодорожных мастерских, потерял зрение и слух. Талантливый самоучка, он был известен в мастерских своей изобретательностью, внес много усовершенствований. Так, он изобрел прибор для сгибания колец, крепящих бандаж на всех типах паровозных и вагонных колес, что позволяло значительно облегчить труд слесарей. Платон Фирсович пользовался заслуженным уважением у рабо-

196

чих. Заводская общественность даже просила ЦИК (Центральный исполнительный комитет) наградить его орденом Ленина. И в сыне, Андрее, ему удалось воспитать любовь к технике.

Очень сильно любил и уважал Андрей Платонов свою мать, Марию Васильевну. Она была дочерью часового мастера, а когда вышла замуж и появились дети, стала «хозяйкой большого дома», на ней держалось все многочисленное семейство. Несмотря на то что семья постоянно нуждалась (неслучайно, как отмечают критики, «в творчестве А. Платонова «нужда» ключевое слово, наиболее полно выражающее его эстетическую установку... часто встречается в произведениях писателя» — О.А. Кузьменко), Мария Васильевна была человеком добрым, кротким, терпеливым, «вносила в семейные отношения теплоту и сердечность, которые равно необходимы в жизни и будущему писателю, и будущему инженеру».

А. Платонов считал, что характер человека, его нравственные принципы, жизненные устремления формируются в раннем возрасте и самым тесным образом связаны с «нравственным климатом» в семье, с теми отношениями — доброжелательными, теплыми, уважительными или оскорбительными, злыми, жестокими, которые в ней сложились. А в семье, и это важно для понимания личности писателя и всего его творчества, несмотря на все трудности жизни, связанные с бедностью, порой нищетой, в семье существовали очень добрые отношения, чувства взаимной любви, заботы друг о друге.

От родителей к детям перешли их незаурядность, одаренность. «Род Климентовых, — отмечает В. Васильев, — отличался большой талантливостью: достаточно сказать, что он дал стране выдающегося писателя Андрея Платонова и крупного ученого в области гидрогеологии Петра Платоновича Климента, автора нескольких вузовских учебников и специальных работ, получивших высокую оценку не только в нашей стране, но и за ее рубежами».

В семь лет Андрея отдают в церковно-приходскую трехлетнюю школу, где он встретился с учительницей Аполлиной Николаевной, о которой на всю жизнь сохранил самые добрые воспоминания. Через много лет, незадолго до смерти, А. Платонов воссоздаст ее образ в замечательном рассказе «Еще - мама». А в 1922 году он писал: «Я ее никогда не забуду, потому что я через нее узнал, что есть пропетая сердцем сказка про Человека, родимого «всякому дыханию», траве и зверю...»

После окончания церковно-приходской школы А. Платонов поступает в Воронежское городское училище с шестилетним курсом образования, однако он проучился там всего два года – надо было кормить большую семью, «идти в люди». Тринадцатилетний Андрей работает сначала на молотилке в семи километрах от города, а на следующий год устраивается «мальчиком» на складе страхового общества «Россия»; потом он работает на ремонте тары, служит конторщиком, нанимается на работу к помещику Бек-Мармарчеву в его имение в ста километрах от Воронежа, несколько месяцев помогает машинисту локомотива. В 16 лет А. Платонов нанимается литейщиком на Воронежский трубный завод, на котором проработал в тяжелых условиях три месяца и который оставил память на всю жизнь – об этом периоде своей жизни он напишет скоро небольшой рассказ – «Очередной», свое первое прозаическое произведение (до этого он писал только стихи) и напечатает его в 1918 году в журнале «Железный путь».

Все в жизни познается трудом – эту аксиому А. Платонов вывел из раннего своего детства.

Своим рождением в нищей Ямской слободе и социальным положением А. Платонов был как будто обречен на тяжелый, бессмысленный, тупой труд, на жизнь неинтересную и безрадостную. Это очень ясно осознавал будущий писатель, из этого круговорота всеми силами старался выбраться. Сложное душевное состояние Платонова-подростка определялось двумя обстоятельствами. Во-первых, он – уже мужик, кормилец большой семьи, вместе с отцом думающий о пропитании

младших детей и матери; а с другой - это подросток мечтательный, любознательный, тянувшийся к знаниям и творчеству, человек доверчивый, ранимый, с обостренным чувством справедливости. «Я жил и томился, — писал А. Платонов в 1922 году своей жене и другу М.А. Платоновой, — потому что жизнь сразу превратила меня из ребенка во взрослого человека, лишая юности».

Из своего горького детства А. Платонов вынес боль за обездоленных, сочувствие ко всем, лишенным радости, презрение к сытости, удивительную чуткость ко всему живому на земле. Смысл своей жизни он видел в том, чтобы помогать людям, и особенно самым лучшим из них — детям. «А. Платонов в детстве познал столько горя, — пишет исследователь В. Васильев в своей книге о писателе, — что оно не отпускало художника от себя до скончания дней. Если нельзя помочь изможденному судьбой человеку реально, то можно во всяком случае понять и оправдать смысл и цель его существования — «... искусство должно, преодолев недостаток человеческого сердца, склонного к забвению, восстановить справедливость». Наверное, поэтому так много в его творчестве произведений, посвященных детской теме, самой проникновенной и трогательной: рассказы «Свет жизни», «Семен», «Корова», «Цветок на земле», «Неизвестный цветок» и другие.

**«Я служил и служу делу защиты
нашего общего отчего дома...».
Писатель А. Платонов на войне**

Еще задолго до начала Великой Отечественной войны А. Платонов распознал истинное лицо фашизма. В рассказе «Мусорный ветер» он показывает жуткую картину будущей цивилизации, в которой человек превращается в робота с однолинейной

программой на уничтожение действительности, где по существу уничтожается человеческая сущность: миллионы людей в гитлеровской империи «могли теперь не работать, а лишь приветствовать: кроме них были еще сонмы и племена, которые сидели в канцеляриях и письменно, оптически, музыкально, мысленно, психически утверждали владычество гения-спасителя, оставаясь сами безмолвными и безымянными». «Фашизм кончится», — писал А. Платонов в 30-е годы. «Уничтожение... злодеев является естественным жизненным делом», гитлеровская бездушная машина будет остановлена и уничтожена советским народом, ибо «нигде нет большего ощущения связи и родства людей между собою, как у нас».

С 1942 года писатель находится на фронтах Великой Отечественной в качестве военного корреспондента. 5 сентября 1942 года был напечатан в газете «Красная Звезда» его первый военный рассказ — «Броня»; на автора сразу же обратили внимание и пригласили работать в Военмориздат, однако А. Платонов отказался и решил остаться в газете действующей армии с условием: чаще бывать на фронте.

Из писем А. Платонова с фронта.

«Я под Курском. Наблюдаю и переживаю сильнейшие воздушные бои. Однажды попал в приключение. На одну станцию немцы совершили налет. Все вышли из эшелона. Я тоже. Почти все легли. Я не успел и смотрел стоя на осветительные ракеты. Потом я лечь не успел, меня ударило головой о дерево, но голова уцелела».

«Невынятные звуки возникают во тьме, около нашей землянки, а потом снова безмолвие. Иногда во мраке светятся ракеты, висят они мучительно долго, освещая все зеленым, иногда синим светом, но потом все-таки гаснут. И странно тебе покажется, но мне в такие ночи не так грустно. Мне кажется, что мой сын где-то там, в этом сине-зеленом мраке».

Уже после окончания войны Виктор Полторацкий, вместе с Платоновым прошедший бой на Курской дуге летом 1943 года,

наступательные бои нашей армии на Украине весной 1944 года, вспоминал: «Во внешности Платонова было что-то от мастерового, рабочего человека, в силу необходимости ставшего солдатом, чтобы защитить свою родину. Был он мягок и прост в обращении, умел найти свое слово для каждого — будь то солдат, генерал, старуха — крестьянка или ребенок. Говорил глуховатым, низким голосом, спокойно и ровно. Но порою бывал и резок, колюч, всегда абсолютно нетерпим к фальши и хвастовству. Цепкий, острый взгляд его насквозь видел собеседника. Особенно душевно умел Платонов разговаривать с солдатами — тружениками войны... Когда случалось останавливаться на ночлег в крестьянской хате, Платонов проникался заботами хозяев: запросто нарубит дровец, подберет на дворе не у места брошенную лопату, достанет воды из колодца...»

На войне А. Платонова интересовали прежде всего люди. «Его увлекали не столько оперативные дела армии и флота, — как вспоминает генерал-майор Д. Ортенберг, — сколько люди. Он впитывал все, что видел и слышал, глазами художника. Наши корреспонденты «окаловались»: надо ехать, а Платонова нет. А он сидит где-нибудь в землянке или в окопе, увлеченный солдатской беседой, забыв обо всем на свете». Писатель хотел прежде всего показать не военные действия, а характер человека на войне, показать, что происходило у него в душе, какие мысли и чувства он испытывал в этой грандиозной схватке с врагом. Его также интересовала и психология немецкого солдата, поработившего пол-Европы и «сломавшегося» на нашей земле.

А. Платонов не понаслышке знал фашистских солдат, которых он потом выводил на страницы своих военных рассказов («Пустодушие», «Три солдата» и другие). Писатель-спецкорр Платонов участвовал в наступательных боях советских войск, попал под бомбежки, присутствовал на допросах перебежчиков, плененных немецких солдат и офицеров, постоянно интересовался мнением русских людей о фашистских завоевателях. Что

стоит за поступками врага, как сами немцы понимают происходящее, оценивают свое положение, что находится у него в сознании – это прежде всего интересовало писателя. Поэтому он интересуется семейной перепиской немцев, если она попадала в наши руки, анализирует письма из Германии, адресованные немцам на Восточный фронт.

В своих военных рассказах писатель размышляет о страданиях и смерти. Это определяется и народным горем, и событиями личного характера: А. Платонов несколько раз попал в трудные фронтовые ситуации, похоронил сына, тестя, который умер в блокадном Ленинграде, потерял из виду отца (немецкие оккупанты увели его из Воронежа в неволю, отыскался он только после войны в Бессарабии). И он приходит к таким выводам: подвиг – это высшее проявление любви к своему народу. Мужество и горе – едины, одного без другого не бывает, тем выше мужество, чем сильнее горе. Мужество – это умение жить и выживать в любых условиях.

На фронтах Великой Отечественной войны А. Платонов, военный корреспондент, пробыл в общей сложности три года и два месяца. За это время он много и активно печатается: в газетах «Красная Звезда» и «Труд», в популярных журналах «Новый мир», «Октябрь», «Знамя», «Красноармеец» и других. Отдельными книжками несколько раз выходили его рассказы «Броня» и «Одухотворенные люди», сборники рассказов «Под небесами Родины» (1942), «Рассказы о Родине» (1943), «Броня» (1943), «В сторону заката солнца» (1945).

Произведения А. Платонова затрагивали самые сокровенные мысли и чувства человека на войне, поэтому они так были любимы солдатами и офицерами. Так, его книга «Одухотворенные люди», «оказавшаяся в солдатском эшелоне, пошла по рукам – к минометчикам, артиллеристам, хоззводу, саперам, санитарам. Замасленная, зачитанная до дыр, с подпаленными страницами, она не скоро вернулась к своему хозяину. Сержант, принесший книгу ее законному владельцу, поражался: «...Откуда он все это так доподлинно знает...» (В. Васильев).

В 1943 году, после освобождения Воронежа от немецко-фашистских оккупантов, А. Платонов попадает в свои родные края. Город его встретил развалинами домов, гарью и пеплом. Особенно пострадало несколько районов, в числе которых была и Ямская окраина, где прошли детские годы писателя. В городе он не нашел отца — оглохшего и полуслепого семидесятидвухлетнего старика угнали в Германию вместе с другими жителями города. На пустыре против воронежской тюрьмы А. Платонов увидел ребенка, его потрясли глаза мальчика, не по-детски серьезные, полные печали и страдания, они «взывали к совести и страху за будущее народа» (В. Васильев). «Эти совесть и страх, — писал позже А. Платонов, — имеют основание существовать, потому что в них есть сознание вины за судьбу обездоленного ребенка, которого мы не могли сберечь вовремя от руки врага».

Летом 1944 года А. Платонов, майор административной службы, находился в войсках, наступающих на немцев в районе г. Львова. Здесь с ним произошел трагический случай, который позже лег в основу рассказа Платонова «Неодушевленный враг».

«В один из погожих дней на фронтовом участке установилось затишье. В расположении войск обнаружился пруд с чистой теплой водой... А. Платонов не удержался от соблазна — вызвал одного из солдат помериться силами в плавании: журналисты, мол, не только карандаш умеют в руках держать. На середине заплыва вражеский «хейнкель» накрыл соревнующихся черной тенью, по воде прошла лихорадочная зыбь, и Платонов не заметил, как утонул его напарник. Стервятники зашли на второй круг, А. Платонов едва успел выбраться на берег, как его ударило о землю и накрыло тяжелой волной, писатель потерял сознание... На берегу осталось много наших солдат, погибших беззащитными».

Этот драматический случай не прошел бесследно для А. Платонова. Он «заработал» тяжелую болезнь легких, однако не обратил внимания на кашель, часто повышенную температуру. По-прежнему он выезжает на фронт, пишет военные очерки.

После демобилизации в 1946 году А. Платонов, даже прикованный к постели все прогрессирующей болезнью, много пишет — рассказ «Афродита», пьесы «Пушкин в лице», «Носов ковчег», семь киносценариев, несколько рассказов о детях. В его пересказе выходят русские и башкирские народные сказки. Через пять лет А. Платонова не стало.

Всю свою трудную, порой драматическую жизнь писатель А. Платонов служил своей стране; и в мирной жизни, и в годы страшной борьбы русского народа против врага он отстаивал вечные нравственные ценности — добро, справедливость, человечность. «...я служил и служу делу защиты нашего общего отчуждого крова, называемого Отчиной, я работаю всем своим духом... на оборону живой целостности нашей земли, которую я полюбил еще в детстве наивным чувством, а позже — осмысленно, как солдат, который согласен отдать обратно жизнь за эту землю, потому что солдат понимает: жизнь ему одолжается Родиной лишь временно. Вся честь солдата заключается в этом понимании; жизнь человека есть дар, полученный им от Родины, и при нужде следует уметь возвратить этот дар обратно» (А. Платонов. «Размышления офицера»).

Нравственный смысл рассказа А. Платонова «Цветок на земле»

Особое место в творчестве А.П. Платонова занимают рассказы, адресованные им детям. Около 20 книг написал Платонов для детей. Это переложение русских и башкирских народных сказок, написанные им после войны (например, книги «Финист — Ясный сокол» и «Волшебное кольцо», сборник башкирских народных сказок); это такие популярные и галантливые рассказы, как «Корова», «Еще мама», «Июльская гроза», «Неизвестный цветок», «Никита», «Цветок на земле» и другие.

А. Платонову как старшему ребенку в семье приходилось заботиться о младших братьях и сестрах, работать, чтобы спа-

сти их от голода. Через всю свою жизнь он пронес проникновенное чувство к детям, самым незащищенным существам на свете, пониманием особенностей их восприятия мира, сильно отличающегося от восприятия мира взрослыми. Рассказы писателя для детей написаны им «всерьез» — он не подстраивается под маленького человечка, наивно смотрящего на мир, во многом еще не умеющего понять и воспринять его; незамысловатые, даже простенькие на первый взгляд эти рассказы поднимают — с учетом возраста читателей — важные вопросы, волнующие маленького человека, пытающегося осмыслить окружающий его мир.

В рассказе «Цветок на земле», очень простом по содержанию, герой Афоня пытается узнать у дедушки, прожившего долгую жизнь, «Что есть самое главное на свете?» Дед отвечает, но не сразу. Он хочет, чтобы внук сам пришел к ответу на этот вечный вопрос, показать ему на примере, наглядно, что «есть самое главное». Дедушка Тит ведет Афоню на пастбище и показывает на голубой цветок, растущий не из земли, а из мелкого чистого песка. «Тут самое главное тебе и есть, — говорит дед. — Ты видишь: песок мертвый лежит, он каменная крошка, а более нет ничего, а камень не живет и не дышит, он мертвый прах». Он спрашивает внука, понял ли тот, почему он показывает ему этот цветок. Но Афоня не понимает. И тогда дед терпеливо разъясняет «непонятливому» внуку: «Ну, не понял, так чего ж тебе надо, раз... А цветок, ты видишь, жалконький такой, а он живой, и тело себе он сделал из мертвого праха. Стало быть, он мертвую сыпучую землю обращает в живое тело и пахнет от него чистым духом. Вот тебе и есть самое главное на белом свете, вот тебе и есть, откуда все берется.

Цветок этот — самый святой труженик, он из смерти работает жизнь». А. Платонов в своем рассказе для детей поднимает вопросы философские о целесообразности всего живого, о необратимости жизни, ее непрерывности. «Жалконький» цветок все время работает, он «свято труженик», он «из смерти рабо-

тает жизнь»; цветок – символ непрерывности бытия. Но Афоня хочет знать больше; он задумывается над этим чудом: как из неживого происходит живое – вот в чем тайна жизни.

Афоня уверяет своего любимого деда, что, когда он вырастет, он узнает у молчаливых цветков об этой тайне, самой большой тайне на земле, и хочет он это узнать для того, чтобы на земле не было смерти, чтобы подарить своему дедушке бессмертие. «Теперь я знаю про все! – сказал Афоня. – Иди домой, дедушка, ты опять, должно быть, спать захотел: у тебя глаза белые... Ты спи, а когда умрешь, ты не бойся, я узнаю у цветов, как они из праха живут, и ты опять будешь жить из своего праха. Ты, дедушка, не бойся!

Дед Тит ничего не сказал. Он невидимо улыбнулся своему доброму внуку и пошел в избу на печку».

В рассказе жизнь противопоставлена смерти. «Любознательный Афоня, узнав, что самым большим благом на земле является жизнь, – пишет исследователь творчества А. Платонова О.А. Кузьменко, – ставит перед собой целью открыть тайну жизни, тем самым косвенно победить самое большое зло – смерть, подарить своему любимому дедушке бессмертие».

Как и во всех рассказах А. Платонова для детей, в рассказе «Цветок на земле» образ Афони вызывает большие симпатии. Привлекает любознательность и пытливость мальчика, его желание дойти «до самой сути» явлений, докопаться до ответа на интересующие его вопросы. Афоня очень добр – это проявляется в его отношении к деду – он уважает его мудрость, заботится о нем, мечтает о том, что, когда вырастет, вернет жизнь дедушке, сделает его бессмертным. Неслучайно писатель наделяет своего маленького героя таким именем: как пишет О.А. Кузьменко, «...имя героя рассказа «Цветок на земле» не безразлично к теме и идее рассказа. Афоня – это Афанасий, имя этимологически восходящее к древнегреческому *athanatos*, что означает «бессмертный», «наделенный исполнческой жизненной силой».

Рассказ А. Платонова носит характер притчи. Для писателя неважно, где и когда происходят события (он говорит только, что «отец его (Афонии) на войне, а мать с утра до вечера работает в колхозе на молочной ферме...»), как называется цветок (рассказ носит обобщенное название «Цветок на земле»), он не уделяет большого внимания и сюжету произведения. В центре рассказа — главный вопрос, который задает Афоня дедушке («Что есть самое главное на свете?»), и в ответе дедушки заключается большой философский смысл. В вопросе Афонии чувствуется стремление постичь жизнь, узнать «все», и в этом желании проявляется активность личности человека — быть на земле хозяином, творцом. По мнению А. Платонова, человек, живущий в мире природы, в мире растений, животных, птиц, несет ответственность перед ними. И человек, так же как все живое, как безымянный цветок из рассказа А. Платонова, «из смерти работает жизнь». Вот в этом и заключено основное нравственное содержание рассказа, центральная мысль писателя: «Афоня задумался среди трав и цветов. Он сам, как цветок, тоже захотел теперь делать из смерти жизнь; он думал о том, как рождаются из сыпучего скучного песка голубые, красные, желтые счастливые цветы, поднявшие к небу добрые лица и дышащие истым духом в белый свет».

МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ ПРИШВИН

М.М. Пришвин. Истоки жизни

Известный русский писатель М.М. Пришвин родился 23 января (4 февраля) 1873 года в селе Хрущево Елецкого уезда Орловской губернии. Там было имение Хрущево, купленное у помещика еще дедом. Писатель происходил из купеческого сословия — так крайне лаконично говорится о корнях М.М. Пришвина, о тех людях, которые оказали влияние на его личность и

судьбу в энциклопедических словарях (в частности, в Биобиблиографическом словаре «Русские писатели. XX век».

Но есть замечательная книга жены писателя, Веры Дмитриевны Пришвиной, – «Круг жизни. Очерки о М.М. Пришвине», в которой она рассказывает подробно о родителях и детских годах будущего писателя.

В конце жизни Михаил Михайлович собирался написать автобиографию, но не успел. Сохранились лишь материалы начатой за полгода до смерти работы. Вера Дмитриевна приводит в своей книге один из вариантов ее начала. Прочитаю некоторые фрагменты из автобиографии М.М. Пришвина, написанной им самим.

«Родился я в 1873 году в селе Хрушево... Елецкого уезда Орловской губернии, по старому стилю 23 января, когда прибавляется свет на земле и у разных пушных зверей начинаются свадьбы...» Нельзя не отметить, что и в дневниковых записях писателя мы чувствуем замечательный стиль и слог писателя, его неразрывную связь с природой. «...Мне выпала доля родиться в усадьбе с двумя белыми каменными столбами вместо ворот, с прудом перед усадьбой и за прудом – уходящими в бесконечность черноземными полями. А в другой стороне от белых столбов и огромном дворе, тесно к садам, стоял серый дом с белым балконом.

В этом большом сером помещицком доме я и родился...

Это маленькое имение, около 200 десятин (десятина – русская мера площади, равная 1,45 га), было куплено дедом моим, Дмитрием Ивановичем Пришвиным, Елецким потомственным почетным гражданином, у дворянина ... генерала Левшина. После семейного раздела Пришвиным Хрушево досталось моему отцу, Михаилу Дмитриевичу Пришвину.

Вот так и случилось, что Елецкий купеческий сын, мой отец, сделался помещиком».

В автобиографии М.М. Пришвин рассказывает о своем отце, о его жизни и увлечениях.

Михаил Дмитриевич Пришвин, отец писателя, был заядлым любителем лошадей, конской охоты. «В доме во множестве были развешаны портреты отечественных рысистых коней, написанных знаменитым в то время художником Сверчковым.

Рассказывали мне, что отец сам выезжал рысаков и не раз в Орле брал призы...»

Кроме того, отец М.М. Пришвина был «замечательным садовником, и некоторые его цветы, поддержанные после смерти моей матерью, и особенно фруктовые деревья, так и остались со мною на всю мою жизнь».

А еще Михаил Дмитриевич был «превосходным охотником», — пишет М.М. Пришвин. Может быть, эти увлечения отца, его тяга к природе, к животному миру передались и сыну, сформировали у будущего писателя любовь и бережное отношение к природе, умение чувствовать ее, любовь ко всему живому — птицам, рыбам, зверям.

Отец М.М. Пришвина вел беззаботную, веселую, легкую жизнь; он был, как напишет позднее сын, «веселым затейником».

Но вскоре пришла беда. Однажды отец М.М. Пришвина проиграл очень большую сумму денег. Для того чтобы уплатить долг, пришлось продать конный завод и заложить имение. «Отец, — пишет Михаил Михайлович, — не пережил несчастье, умер, и моей матери, женщине в сорок лет с пятью детьми мал мала меньше, предоставил всю жизнь работать «на банк».

М. Пришвин с горечью пишет о том, что всю жизнь он ощущал «недостаток» отца, который помог бы ему найти правильный путь в жизни. «И мне кажется, — пишет он, — в своих скитаниях и по земле, и по людям, и по книгам я искал себе такого отца-наставника».

Огромное влияние на мальчика, на формирование его характера оказала мать, Мария Ивановна (в девичестве Игнатова). Она была энергичная, волевая женщина; работала, не по-

кладая рук с утра и до вечера, иногда ночами, учитывая каждую копейку, и «под конец жизни, — пишет М.М. Пришвин, — все-таки выкупила имение и всем нам пятерым позволила получить высшее образование». Там же от беды Мария Ивановна стала хозяйкой, которую знали во всем Елецком уезде, к ней приезжали даже учиться. У нее была твердая рука, а характер достаточно демократический. Она уважала мужиков — людей трудолюбивых, работающих и относилась к ним достойно, знала каждого, называла по имени. Это уважение в мужике имени и личности вошло в мальчика, прошло через его сердце. Как пишет исследователь жизни и творчества М.М. Пришвина В. Курбатов, «мальчик слушал, смотрел и без назидания усваивал надежные и нравственно-существенные уроки, довольно рано испытал осознанное уважение к труду матери и дав себе тайное обещание не торопиться на зовы веселой детской природы и не забывать за всякими «хочу» о неизбежном «надо». Об этом М.М. Пришвин скажет прямо в своем биографическом романе, который он писал почти на протяжении всей жизни, — «Канцеева цепь»: «Через мать я природе своей получил запрет».

Мальчик с детства был близок к природе. С перепелиным охотником Гуськом он вместе встречал ночь и, «замирая от восхищения и любви Бог весть к кому и чему, слушает песню этих птиц...»

В детские годы будущего писателя происходит событие, которое М. Пришвин помнил всю жизнь.

В десять лет он отправляется учиться в Елецкую гимназию. С учебой возникли проблемы, в первом классе он остался на второй год, и в этот год «поехал в Азию». Сам Михаил Михайлович пишет: «Из всего гимназического периода у меня самым главным переживанием был «побег в Азию» (так он называл важный эпизод в своей жизни, когда вместе с двумя младшими гимназистами уплыл по реке Белой Сосне в воображаемый счастливый край в «Азию»; они были тут же пойманы и возвращены в гимназию).

Насмешки над нами сейчас вызывают у меня улыбку, а тогда они били молотком по сердцу, и нам вдруг показалось тогда, что будто настоящая жизнь — это вечные будни, что «Азии» и «Страны золотых гор» вовсе и нет.

В то время один учитель географии (впоследствии — замечательный русский писатель и философ Василий Васильевич Розанов) заступился за меня, разъяснил ученикам хорошую сторону побега «в небывалое». Из других учителей никто об этом не догадался. А сейчас я вижу, что это стремление к небывалому и было основным в моей жизни путешественника, охотника, исследователя родной земли и родного языка, во всем моем творчестве».

Таковы были истоки, жизненное начало, из которого вырос М.М. Пришвин — мыслитель и писатель.

О своеобразии жанра произведения М.М. Пришвина «Кладовая солнца»

М.М. Пришвин по праву считается классиком русской литературы, выдающимся мастером слова, художником-гуманистом. Сейчас, в наше время, с особенной остротой звучат «экологические мотивы творчества Пришвина — тема охраны природы, взаимодействия человека и окружающего мира, единства всего живого», — пишет исследователь В.А. Фатеев.

Все произведения М.М. Пришвина — повесть «Жень-Шень» («Корень жизни»), «Повесть нашего времени», «Кладовая солнца» и многие другие, проникнуты верой в победу добра над злом, доверием и любовью к человеку.

«Я — писатель, который пишет свои книги, как завешание... грядущим поколениям», — говорил М.М. Пришвин.

«Кладовая солнца» — одно из наиболее известных произведений писателя. Написанное после Великой Отечественной

войны, в 1945 году, оно посвящено теме становления детских характеров, единства человека и природы. Эта повесть заняла первое место на конкурсе Министерства просвещения РСФСР на лучшую книгу для детей. Сам М.М. Пришвин считал сказку-быль «Кладовая солнца» одним из самых лучших своих произведений; именно об этом произведении он писал в своих дневниках как об удачно найденной форме соединения правды и сказки.

М.М. Пришвин определил жанр своего произведения как «сказка-быль». Исследователи подчеркивают, что «форма сказки» характерна для послевоенных произведений М.М. Пришвина, «увидевшего в этом жанре неограниченные возможности сближения мечты и действительности». Многие сказочные сюжеты, образы и мотивы повторяются в разных произведениях писателя.

Исследователь творчества М.М. Пришвина, Л.В. Овчинникова делит все сказки писателя на несколько групп: сказки-путешествия («В краю испуганных птиц», «За волшебным колобком», «Светлое озеро»); автобиографические роман-сказка «Кашеева цепь», «Государева дорога», повесть - сказка «Корабельная роща» (сюжетно продолжает произведение «Кладовая солнца», написана в 1952–1953 гг.); сказка-быль «Кладовая солнца». «Пришвин, – по мнению исследователя, – сделал сказку философско-лирическим видом прозы, который соответствовал его творческим поискам гармонии в природе, обществе и человеке».

Сказки Пришвина очень необычны, своеобразны, они отличаются от традиционных литературных и фольклорных сказок. Сказка для писателя – это способ понимания и художественного воссоздания смысла жизни; в форме сказки Пришвин пытается воссоздать единство мира, единство человека и природы, единство разных поколений. Тема преемственности поколений является одной из основных в произведении М. Пришвина, без нее, по мнению писателя, нарушается извечная связь природы и человека. Вот эту связь писатель и воплотил в жанре сказки.

«Сказка – это связь с приходящим и уходящим», – так напишет писатель в своей миниатюре «Сказка» (входит в содержание «Лесной капли»). Пришвин заимствует из традиционной сказки определенные сказовые элементы, позволяющие выразить общечеловеческий смысл, обобщающий смысл сказки, ее демократизм, ориентацию на все возрасты читающих, оптимизм (добро побеждает зло). Волшебная сказка у Пришвина – это не столько сказочные мотивы, сколько его нравственные раздумья – о поиске смысла жизни, своего пути в этом мире, о судьбе мира и человека.

Своеобразие сказки у Пришвина еще и в том, что он пересоздает (отражает) жизнь в форме сказки – неслучайно сам писатель под названием произведения даст его жанровое определение: сказка-быль. Тем самым он подчеркивает, что в нем присутствуют элементы сказки и были (быль – это то, что было на самом деле, в действительности), передает нам мысль о том, что это особенная сказка, правдивая сказка. М.М. Пришвин придавал большое значение этому произведению, т.к. считал, что в нем он смог реализовать новый жанр сказки в современной литературе: «Я всю жизнь учился, – пишет он, – очень трудился над тем, чтобы так легко, просто и свободно писать, как оно прежде сказывалось...»

Произведение М.М. Пришвина удачно соединяет правду и вымысел и отражает важнейшие мысли писателя о природе и человеке. Сказка осознается писателем как синоним мечты, которая предшествует всякому делу, а затем уже превращается в руках человека в правду. У Пришвина сказка и быт неразрывно связаны, без сказки не будет и правды. М.М. Пришвин сам понимал, что «Кладовая солнца» – одно из лучших его достижений, так как ему удалось создать «современную правдивую сказку», т.е. такую сказку, в которой сохранена и «правда очерка».

В сказке «Кладовая солнца» очень незатейливый сюжет: двое совсем не больших по возрасту детей, брат и сестра – двенадцать

тилетняя Настя и десятилетний Митраша, отправляются на поиски отца, пробираются через самые разные препятствия, через Блудово болото, к заповедному лесу.

Характерными чертами сказки как литературного жанра являются: сказочный зачин; противопоставление добрых героев злым; счастливый конец, где добро побеждает зло.

Если внимательно прочитать произведение М. Пришвина, мы можем сказать, что все эти черты жанра сказки здесь есть.

«Кладовая солнца» начинается со сказочного зачина: в одном селе, недалеко от Блудова болота, остались сиротами двое детей: двенадцатилетняя Настя и десятилетний Митраша; в произведении действуют добрые и злые герои: враг-волк и друг-Травка; счастливая, неожиданная помощь Травки; счастливый финал, благополучный конец, где добро побеждает зло.

Однако в произведении М. Пришвина «Кладовая солнца» мы встречаем и такие элементы, которые не свойственны сказке как жанру.

В сказке всегда события происходят в одном времени, время всегда движется в одном направлении и никогда не возвращается назад. В «Кладовой солнца» события происходят в настоящем и прошлом времени: повествование прерывается воспоминаниями о прошлом.

В сказке нет описаний пейзажа, тем более подробных, обстоятельных — в произведении М. Пришвина таких описаний достаточно много.

И конечно, в сказке нет научных описаний, которые есть у Пришвина.

Таким образом, в произведении М.М. Пришвина «Кладовая солнца» мы находим как элементы сказки, так и элементы, не соответствовавшие этому жанру. Поэтому сам писатель и определил жанр своего произведения, как «сказка-быль».

Как пишет в своей книге жена писателя, Вера Дмитриевна Пришвина, «он (Пришвин) назовет свое направление в писательстве стремлением «создать сказку в земном пространстве

и в земном времени, чтобы жизненный случай действовал как перо Жар-птицы».

Это значит – видеть в реальной действительности, «в прозе жизни» сказку... утвердить ее как факт и как цель. Эта тема будет отныне вести Пришвина открыто и до конца: все свои последующие произведения он назовет «повесть-сказка», «роман-сказка».

М.М. Пришвин – фотограф

Известный русский писатель XX века Михаил Михайлович Пришвин был удивительно увлеченным и увлесающим человеком. Он был журналистом, этнографом, фольклористом, путешественником, изъездил почти всю нашу страну – был на Крайнем Севере, в Карелии, Сибири, в центральной части России, на Дальнем Востоке. Всю жизнь он был страстным охотником, как вспоминает его жена, Вера Дмитриевна. Еще учась в первом классе гимназии, он получает в руки настоящее охотничье ружье – неслучайно, наверное, через много лет свое занятие фотографией М.М. Пришвин назовет «охотой с фотокамерой». В зрелые годы он становится автомобилистом; в 67 лет на вопрос жены, что он будет делать, если его жизненные планы не осуществляться, он ответил: «Не знаю... занимался охотой, потом автомобилем. Наверное, займусь самолетом».

Это была, конечно, шутка, но охотой, автомобилем и фотографией М.М. Пришвин занимался до глубокой старости.

А увлекаться фотографией М.М. Пришвин начал в 1907 году. Именно в этом году вышла его первая книга – «В краю непуганых птиц». На титульном листе книги было написано: «С 66 рисунками по снимкам с натуры автора и П.П. Ползунова».

В те годы у Пришвина не было фотоаппарата. Во время своей первой поездки в Беломорье (на Белое море) и в Карелию он попадает в дом местного учителя П.П. Ползунова, такого же, как

он, заядлого охотника и рыбака. Как раз незадолго до приезда М. Пришвина у учителя впервые в жизни появился новый фотоаппарат. Они подружились и страстно увлеклись фотографией: П.П. Ползунов и М.М. Пришвин много ходили по прекрасным северным местам, изумлялись красотам природы и фотографировали. Материал этих фотографий и послужил основой для рисунков первой книги писателя.

Со временем фотоохота даже заменила М. Пришвину любимую охоту с ружьем. Он часами мог «охотиться» за жизнью леса, неба, за восходом солнца, за жизнью обитателей лесов и полей.

В 20–30-е годы Пришвин тщательно изучает чисто профессиональные возможности и секреты фотоаппарата, добиваясь, чтобы результат зависел, как он любил говорить, «не от аппарата, а от своей головы». В конце 20-х годов, когда он становится достаточно известным писателем, М. Пришвин покупает портативный заграничный фотоаппарат «лейка». И он с увлечением начинает заниматься новым искусством. В это время он записывает: «До того я увлекся охотой с камерой, что сплю и все жду, поскорей бы опять светозарное утро». «С этих пор и до конца своих дней, — пишет Вера Даниловна Пришвина, — Пришвин не расставался с фотоаппаратом, который постепенно стал в помощь дневнику своеобразной записной книжкой».

Писателю удалось достигнуть высокого профессионального уровня, хотя к себе, как к фотографу Пришвин, относился достаточно строго: «Конечно, настоящий фотограф снял бы лучше меня. — добавляя при этом. — Но настоящему специалисту в голову никогда не придет смотреть на то, что я снимаю: он это не увидит».

Увлечение фотографией приносит ему настоящую радость и удовлетворение. Он пишет: «Если уцелеют мои снимки до тех пор, пока у людей начнется жизнь «для себя», то мои фото издадут и все будут удивляться, сколько у этого художника в душе было радости и любви к жизни».

В 30-е годы М. Пришвин с помощью фотографии старается отразить важнейшие события в жизни страны. На Урале идет большое строительство – Уралмашстрой, он едет туда; однако хороших снимков получается мало. Он едет на Дальний Восток, изучает удивительный по самобытности природы край, государственный питомник оленей, песцов, рыболовецкое хозяйство – и снимает все это своей «шейкой». И оказалось, что фотография неразрывно связана с его литературным творчеством. Он как бы проверял себя, свою зоркость, наблюдательность, умение владеть словом, когда давал образные, выразительные названия своим фотографиям и тогда, когда непосредственно занимался литературным творчеством. За три с половиной месяца, проведенные на Дальнем Востоке, он написал ряд очерков по материалам поездки: «Дорогие звери», «Песцы», «Олень-цветок» и повесть, которые некоторые исследователи называют самым значительным произведением писателя, – повесть «Жень-Шень». Эта повесть принесла М. Пришвину известность не только в нашей стране, но и за рубежом, она переведена на все основные языки мира.

Сам М.М. Пришвин пишет о том, какую роль играла фотография в написании им повести «Жень-Шень»:

«Я, как писатель, влиял на свой фотоаппарат, заставляя его фотографировать и там, где технически это было невозможно; и в свою очередь, конечно, аппарат влиял на писателя, побуждая его все брать на глаза». «Все брать на глаза» – то есть все замечать, видеть даже самые незначительные, на первый взгляд, вещи, предметы, явления.

После поездки на Дальний Восток фотоаппарат как «помощник в писательстве» (В.Д. Пришвина) становится привычным и необходимым. После каждой поездки Пришвина – а они были ежегодно: Соловецкие острова, Хибины, Беломорстрой, Горький, Пенга – рождались многие книги и множество снимков. В произведениях писателя постоянно звучит мысль: добро преодолевает зло («добро преодолевает зло»). Именно в это довосное

время Пришвин назовет свое фотографическое дело «светописью», а себя – «художником света».

В годы войны М. Пришвин живет в деревне Усолье Ярославской области; ему шел 70-й год. Он фотографирует женщин и детей и отправляет их фотокарточки на фронт их мужьям и отцам. М. Пришвин записывает в своем дневнике: «Дома набросились на меня женщины снимать своих маленьких детей, чтоб послать на фронт фотографии мужьям... Я утонул в фотографической работе...» И дальше: «Фотография стала моим ремеслом. И я должен снимать так, чтобы мои снимки оставались знаком внимания моего к жизни».

В мемориальном Доме-усадьбе писателя в Дунино – под Звенигородом, куда поселился М. Пришвин после войны с женой, в его рабочей комнате и сейчас на стене находятся два стареньких фотоаппарата писателя – «лейка» и «роллейфлекс», с которыми он не расставался до самой смерти. А в фототеке писателя хранится больше трех тысяч негативов, имеющих непосредственное отношение к его творческому наследию.

«Охота с фотоаппаратом», так же как и все творчество Михаила Михайловича Пришвина, – проявление замечательной наблюдательности писателя, внимательности, чуткости ко всему прекрасному в жизни, умению в самом обычном открыть необычайное, проявление его любви к жизни и к людям.

ЮРИЙ МАРКОВИЧ НАГИБИН

Все мы родом из детства

Кто-то очень точно сказал: «Мы все родом из детства». Детские годы, детские впечатления, наблюдения, круг общения обязательно остаются в нашей памяти и потом, уже во взрослой жизни, определяют наш характер, поступки, наши взаимоотношения с другими людьми. «Ребячество с двумя-тремя годами

юности, — размышлял русский революционер, писатель, философ XIX века А.И. Герцен, — самая полная, самая изящная, самая наша часть жизни, да чуть ли не самая важная, она незаметно определяет все наше будущее».

Ю.М. Нагибин был убежден в правоте этой мысли. У него есть несколько книг о детстве — рассказы циклов «Чистые пруды», «Лето моего детства», «Переулки моего детства». «Чем больше я пишу о детстве, — говорил писатель, — тем сильнее мне хочется разобраться в пережитом, а не иставать в бездумно поэтической восторженности. Я наконец-то понял, что прошлое целиком входит в жизнь настоящего... Детство растворено в нашей взрослой крови и заслуживает серьезного разговора, а не сладких слез умиления».

В русской классической литературе есть достаточно много автобиографических произведений — это произведения Л.Н. Толстого, С.Т. Аксакова, Н.Г. Гарина-Михайловского, И.А. Бунина, М. Горького, В.П. Астафьева; некоторые из них мы уже читали, с другими нам предстоит ознакомиться чуть позже.

Критики (И. Гринберг, И. Богатко и др.) отмечали, что из современных писателей Ю.М. Нагибину ближе всего В.П. Астафьев, особенно близки «Книга детства» Ю.М. Нагибина и «Последний поклон» В.П. Астафьева. А писать о детских годах, о детях Ю.М. Нагибин стал рано — в одном из первых рассказов «Кнут».

Свои детские годы Юрий Маркович Нагибин вспоминает с теплотой, с благодарностью он вспоминает тех людей, которые были рядом с ним в период его детства, становления его личности, которым он обязан своей жизнью, своей творческой судьбой.

На духовное формирование Ю. Нагибина оказали большое влияние мать, Ксения Алексеевна, и отчим, Я.С. Рыкачев.

Родился Ю.М. Нагибин в семье служащего. В начале 30-х годов родители расстались, мать вышла замуж за Я.С. Рыкачева, писателя, его произведения в свое время были замечены еще

М. Горьким. Отчим Ю.М. Нагибина умер в ссылке в 1952 году в г. Кохме.

В том, что он стал писателем, Ю.М. Нагибин, как он сам признавался позже, был обязан своему отчиму. В детстве будущий писатель очень увлекался спортом, особенно футболом, играл в команде «Локомотив», и играл так хорошо, что тренер предсказывал Юрию большое спортивное будущее. Однако, как потом напишет Нагибин в своем известном рассказе «Почему я не стал футболистом», увлечение литературой, которое привил ему отчим, взяло верх. В своих статьях, выступлениях, уже будучи известным писателем, Ю.М. Нагибин открыто выражает Я.С. Рыкачеву благодарность за это. «Отчим открыл ему книги великих писателей, – пишет критик И. Богатко, исследователь творчества писателя, – избавил от увлечения дешевым чтивом, долгие годы был его ментором (ментор – наставник, воспитатель. – М.Г.) в самом подлинном и благородном смысле этого слова. Рыкачев сформировал в пасынке приветливое, открытое восприятие мира, светлое, радостное, при полной трезвости взглядов мироощущение. Перед его памятью, как ни перед чьей другой, склоняется умудренный жизнью и литературным опытом Нагибин».

Мать будущего писателя, Ксения Алексеевна, также была добрым другом и наставником Ю.М. Нагибина. Она сумела привить сыну любовь к людям, к природе, к животным, умение ощутить «драгоценность» каждой секунды. Сильный, волевой и вместе с тем отзывчивый и чуткий человек, Ксения Алексеевна помогала сыну выбрать правильную дорогу в жизни. Она стала прообразом многих женских образов в творчестве сына-писателя Нагибина. «Это ее подлинные слова повторяет в повести «Павлик» мать героя, Чердынцева, когда сын сообщает ей об эвакуации своего института из Москвы в Казахстан, в Алма-Ату: «Немножко далеко от тех мест, где решаются судьбы Родины и человечества». И Павлик едет в прямо противоположную Алма-Ате сторону, туда, где война...» (И. Богатко).

Был в детстве Ю.М. Нагибина еще один замечательный человек, который оказал на него большое влияние. Это няня Вероня, простая деревенская женщина, но человек с большим и любящим сердцем, преданная семье Нагибина и подрастающему человечку Юре, очень самобытный и интересный человек. Именно ей посвятил слова благодарности ставший широко известным писателем Нагибин в автобиографической книге – «Книге детства». Благодаря Вероне маленький Нагибин, городской житель, узнал и другую жизнь. Вероня познакомила семью Нагибина с многочисленными родственниками, которые нередко гостили у Нагибиных, – семья была очень приветливая, доброжелательная, открытая. Вероня познакомила Нагибиных и со своей матерью, основательницей рода, всеобщей «маманей», которая годами гостила в семье. А весной Вероня увозила маленького Юру в родное село Внуково, недалеко от города Михайлова в Рязанской области, которое прославилось своими знаменитыми Сухотинскими садами. Здесь Юра, коренной москвич, приобщался к деревенским делам и заботам, вместе с сельскими ребятами ходил на рыбалку, в ночное, приобщался к прекрасной природе средней полосы России: любовался закатом и рассветом – что не мог увидеть в большом городе, прекрасной русской природой, ее лесами, садами.

Не менее интересной была жизнь мальчика и в Москве: Нагибин с удовольствием вспоминал «мушкетерство» ребят с Чистых прудов – там родился Юрий Маркович, театры, книги, выставки.

И в городской, и в деревенской жизни Ю.М. Нагибин с детства воспринял уважительное отношение к труду, умелости, мастерству и брезгливое отношение к безделью. С детства он вынес убеждение: «Чем бы ты ни занимался в жизни – занимайся этим профессионально». Так писатель скажет позднее в своем рассказе «Друг дома», в котором рассказывается о поразившем ребенка дяде Володе Великолепном: знающий обо всем понемногу, наделенный множеством талантов, этот человек не сумел реализовать себя в жизни, применить в деле все свои великолепные знания и способности.

Всеми своими человеческими качествами, как сказано в «Книге детства», Ю.М. Нагибин обязан не только родителям, но и таким «охранителям» отрочества», как няня Вероня, «гарантия мирового порядка», с ее тяжелой судьбой и замечательным, душевным и сильным характером; как «дворовая скорая помощь» — тетя Поля, мудрый и деликатный Данилыч, рабочий, топограф, коммунист с дореволюционным стажем.

В рассказах Ю.М. Нагибина о детстве легко представить городскую жизнь 30-х годов — как жили советские люди в те далекие годы: как жили (перенаселенные коммуналки), как одевались, какие песни пели, во что играли, как зачитывались книгами. С любовью Нагибин запечатлел район своего детства — район Покровки, Чистых прудов, как отмечают исследователи, запечатлел почти топографически четко, и самое главное — в этих автобиографических рассказах писатель перенес детей того предвоенного десятилетия, множество самых разнообразных характеров. Здесь и «друг бесценный Павлик», дерзкий Ленка, преданная Лайма (цикл рассказов «Чистые пруды»). «Для иных это просто улица, бульвар, а для меня — средоточие самого прекрасного, чем было исполнено детство, самого радостного и самого печального, ибо печаль детства тоже прекрасна...», — писал Ю.М. Нагибин.

В этих рассказах автобиографического цикла «Чистые пруды», «Книга детства» писатель с большим мастерством раскрыл мир детства с его радостями, тревогами, проблемами, мир отрочества, с трогательной юношеской дружбой и первыми влюбленностями.

«Слово о русской литературе» Ю.М. Нагибина

Среди произведений замечательного русского писателя XX века Юрия Марковича Нагибина особое место занимает

цикл историко-биографической прозы — книга повестей и рассказов писателя о людях искусства прошлого. Книга, в которой писатель обращается к истокам современной культуры и нравственности. В своей книге — «Царскосельское утро», написанной в 1923 году, Ю.М. Нагибин стремится воздать должное талантливым представителям русской культуры и литературы, почитаемым современниками и теми, которые по разным причинам были забыты, оттеснены в сторону другими. Книгу «Царскосельское утро» составили произведения о гениальных русских композиторах и певцах (Чайковском, Рахманинове, Лемешеве) и о русских поэтах и писателях, начиная с древнерусской литературы: протопопе Аввакуме, поэте XVIII века В.К. Тредиаковском, писателях и поэтах XIX века — А.С. Пушкине, А.А. Дельвиге, М.Ю. Лермонтове, Ф.И. Тютчеве, А.А. Григорьеве, Иннокентии Анненском, Н.С. Лескове, И.А. Бунине, А.П. Платонове.

У Ю. Нагибина была необыкновенная творческая интуиция — он сумел предугадать будущую популярность тех писателей, которые в то время, когда писалась книга, находились в забвении, к примеру Н.С. Лесков и А.П. Платонов, которых не издавали, не посвящали свои статьи и книги литературоведы, которых обходили молчанием в школе.

В книге Ю. Нагибина «Царскосельское утро» выражена уверенность писателя в том, что «будущее обеспечено еще и достоинством давних времен, трудом и талантом тех, кто навсегда останется нашими спутниками, — пишет литературовед И. Богатко в своей книге о творчестве писателя. — Нагибин обращается к истокам нашей сегодняшней культуры и нравственности».

Книга писателя основана на известных фактах биографии писателей и музыкантов прошлого. Рассказывая о жизни писателя или композитора, Ю. Нагибин хочет понять и отобразить прежде всего талантливую, большую человеческую личность. Говоря о талантливых представителях русской культуры и литературы, он предлагает свою собственную концепцию личности, рассматри-

ная их судьбу в контексте «человек и его время», «личность и ее становление», «вечное и преходящее». Эта задача осложняется жанровыми особенностями произведений, входящих в книгу «Царскосельский лицей»: это рассказы или маленькие повести, что позволяет писателю взять только небольшую часть биографии выбранного им героя.

Большую часть книги занимают рассказы и повести, посвященные талантливым представителям русской литературы, раскрытию их духовного облика и через них – величию русской классической литературы. «Прочитанные один за другим рассказы о писателях, – справедливо пишет И. Богатко, – воспринимаются как «Слово о русской литературе». О ее пафосе, о сути российского писателя, о психологии его творчества, а самое важное – о тех началах демократизма и гуманизма русской литературы, которые и сделали ее великой». Это такие рассказы и повести, как «Царскосельское утро» (о А.С. Пушкине), «Сон о Тютчеве», «Остров любви» и «Беглец» (о В.К. Тредиаковском), «У Крестовского перевоза» (о А.А. Дельвиге), «День крутого человека» (о Н.С. Лескове), «Огненный протопон» (о протопоне Аввакуме) и другие.

Ю. Нагибин пишет о ярком представителе русской культуры и литературы, русской духовной жизни, протопоне Аввакуме, он славит его слово – «прямое мужицкое слово», «Слово веры, совести и страдания» («Огненный протопон»). Протопон Аввакум видел свою заслугу в том, что всегда думал прежде всего о человеке и о земле русской, и Нагибин прославляет его негибкую волю, веру и верность своей вере, прославляет его талант писателя – писателя страстного, умеющего найти нужные слова для проповеди своей веры. Писатель убежден, что с пламени костра в болотном Пустозерске, когда казнили непокорного славного подвижника Аввакума, «возжигся костер великой русской прозы».

Особый интерес у Ю. Нагибина вызвала фигура поэта Василия Кирилловича Тредиаковского. Ему он посвятил свои рассказы «Остров любви» и «Беглец». Писатель с большим

уважением говорит о роли В.К. Тредиаковского – «первом стихотворце российском и отце нового тонического стихосложения» в истории русской литературы; Нагибин говорит и о том, что Тредиаковский, великий труженик литературы, которому принадлежат поистине гениальные догадки в области русского стихосложения, по существу явился предвестником гениального Пушкина, «ником не узанным, неугаданным предтечей». Отмечая роль В.К. Тредиаковского в создании русского поэтического стиха, в истории русской классической литературы в целом, писатель подчеркивает и чисто человеческие черты личности поэта, его великодушие, человечность, способность прощать.

В рассказе «Сон о Тютчеве» Ю.М. Нагибин с восхищением пишет о таланте поэта, совершенстве его стиха. Он сравнивает поэзию Тредиаковского и Тютчева, говоря о преемственности литературных традиций, о том, как от попыток наивно-простонародного стиха Тредиаковского русская поэзия вышла к великим стихам Тютчева:

Сердечна друга не могу забыть,
Без которого всегда принужден я бытии,-
пишет В.К. Тредиаковский

Вот бреду я вдоль большой дороги
В тихом свете гаснущего дня...
Тяжело мне, замирают ноги...
Друг мой милый, видишь ли меня? –

вот как об этом же пишет спустя

столетия Ф.И. Тютчев.

В «Царскосельском лицее» Ю.М. Нагибин рассказывает о вещем сне Александра Пушкина – может быть, никогда его и не было, это фантазия художника, но читатель верит, что именно так, на берегу Царскосельского пруда, в коротком сне пришло к великому русскому поэту осознание своего назначения в жизни, «видение» им своего литературного дарования.

Ю.М. Нагибин пишет о товарище Пушкина, поэте Антоне Антоновиче Дельвиге («У Крестовского перевоза»). Писатель

показывает Дельвига талантливого, умного и несчастного, вечно недовольного собой, вечно сомневающегося в том, правильно ли он выбрал литературный путь в жизни. Нагибин особенно ценит в своих героях чувство долга перед собой и людьми, недовольство собой, желание взять на себя так много, что иногда оказывается и непосильно. Он считает, что главное достоинство человека – его стремление быть лучше, талантливей, сильнее, в этом он видит источник неуклонного движения, залог будущих свершений в литературе (как и во всякой другой области жизни – общественной жизни, труде, искусстве). Поэтому ему так близок его герой – Дельвиг, поэтому с такой симпатией он говорит о нем.

Рассказ «Смерть на вокзале» посвящен поэту XIX века Иннокентию Анненскому, поэту талантливому, самобытному, но непонятому и неоцененному в свое время. Нагибин считает И. Анненского одним из талантливейших поэтов, истинным классиком, «превыше всего ценившим форму, строгость линии», и с горечью пишет о равнодушии к поэту его окружения.

В своей книге Ю.М. Нагибин пишет о сути творческого процесса. Наиболее ярко это выражено в рассказе о талантливом писателе XIX века Николае Семеновиче Лескове – «День крутого человека». «Все мелочи жизни, обиды, творимые писателем и сотворенные над ним», «стыд, недовольство собой и злая вера в себя, терзания и муки – все входило в д е л а н и е за письменным столом, но преображенное и вознесенное в ранг высшей жизни, справедливости, сострадания и доброты».

По мнению Нагибина, писательский труд – это тяжелая, часто непосильная ноша. Но раз уж ты стал писателем, взвалил на себя эту ношу, – неси ее до конца, каких бы усилий это ни стоило. Писатель, как считает Нагибин, должен быть подвижником. Судьба Н.С. Лескова была драматична. Он оглушил от себя всю родню, чтобы ничто не отвлекало его от писательского труда; он избавляется и от любимого сына, отсылая его прочь от себя.

Это стремление всецело отдаться любимому делу, писательскому труду, уверен Ю.М. Нагибин, присуще многим писателям-

подвижникам. Так, в рассказе о Тредиаковском он пишет о том, как поэт, поняв свое предназначение, убежал от молодой, любящей его жены, Феодосии, в полную лишений, холодную, голодную, но единственно радостную жизнь («Беглец»).

В этом удивительном цикле о русских писателях и поэтах Ю.М. Нагибин, продолжатель их дела, выразил чувство огромного уважения к тем, кто стоял у истоков русской современной литературы. Естественно, как и всем людям, им присущи определенные человеческие слабости, недостатки, они порой делают ошибки в жизни, но ничто не может принизить их светлый образ. Нельзя не согласиться с И. Богатко в том, что происходит это потому, что «делали они святое дело. Вот как, по Нагибину, сиделся работать Лесков:

«Он даже зажег два пятисвечника на письменном столе, очинил гусиное перо.

— Господи! — сказал он всей душою, взглянув в темный угол, на незримый, лишь угадываемый лик и осенил себя широким крестом, словно богомаз Северьяныч, приступающий к новой доске. — Не оставь!».

И это не только о святом деле писателя — свято всякое большое дело, направленное на благо людей».

Книга Ю.М. Нагибина «Царскосельский лицей» — это размышления писателя о родной литературе, о цене и муках рождения слова, о судьбах талантливых русских писателей разных времен, для которых литература была единственно важным и дорогим делом жизни.

«Охотничьи рассказы» Ю.М. Нагибина

В творчестве писателя Юрия Марковича Нагибина есть большой цикл рассказов, признанный одним из лучших, т.н.

охотничьи рассказы. Связаны рассказы в основном с Мещерским краем, а толчком к их написанию явилось длительное и страстное увлечение писателя охотой. В этих рассказах отразились и детские впечатления писателя, знание им деревенской жизни.

За десять лет Ю.М. Нагибиным было написано и издано около двадцати рассказов этого цикла.

Как замечает Ирина Богатко, давно занимающаяся творчеством Юрия Марковича Нагибина, «и в нашей, и в зарубежной критике цикл этот назвали «Записками охотника» двадцатого века», указывая тем самым на адрес традиции».

Действительно, близость цикла Ю.М. Нагибина и «Записок охотника» И.С. Тургенева несомненна. Главным героем циклов рассказов писателей является человек с ружьем, который, охотясь, путешествуя, наблюдая за природой, встречается со многими людьми и внимательно к ним присматривается. В произведениях Нагибина не всегда, как у Тургенева, рассказ ведется от первого лица, но всегда в лирическом герое мы видим автора произведения.

В рассказах действуют одни и те же персонажи – егерь Анатолий Иванович, так же как и Ермолай, с которым охотится Тургенев, часто сопровождает героя рассказов Ю. Нагибина.

И еще одно важное сходство можно заметить в рассказах русского классика И.С. Тургенева и писателя XX века Ю.М. Нагибина. Природа у них не просто фон, на котором действуют герои. Пейзаж незримыми нитями связан с идеей рассказа.

Главной проблемой «охотничьих рассказов» Ю.М. Нагибина является проблема «человек и природа». Писатель интересуется прежде всего нравственной стороной этой проблемы. «Поведение человека на природе во многом определяет его поведение и среди людей», – убежден любимый герой Нагибина, егерь Анатолий Иванович, выражая убеждение самого автора рассказов.

В рассказе «Когда утки в поре» Ю.М. Нагибин пишет: «Природа мстит... за всякое бездумно-грубое вторжение в ее бытие. такое, казалось бы, простое и вместе с тем сложное, таинственное, приоткрывающее себя лишь бережному, терпеливому, пристальному и смиренному взгляду».

В рассказе «В распутицу» писатель передает диалог старого деда-охотника с молодым охотником:

«На наш век дичи хватит», — настаивает упрямый заскорузлый дед. И ему резонно отвечает молодой охотник: «На твой век, конешное дело, хватит, а вот что детям моим останется? Нет, я на это не согласный!»

В словах молодого парня звучит голос автора, его уверенность в том, что нужно бережно сохранять природу, чтобы жизнь продолжалась на земле.

В рассказах «Подсадная утка», «Молодожен», «Разговор», «Последняя охота», «Погоня» Ю.М. Нагибин с большой симпатией пишет о жителях Мещерского края, об их духовной чистоте, внимательности к окружающему миру и людям, воспитанной тесным общением с природой.

Персонажи «охотничьих рассказов» писателя «всегда оказываются на природе и по делу. Они либо охотятся, либо рыбачат, либо собирают грибы, либо имеют какую иную конкретную цель. Они... не участники пикников и не праздные гуляки... Участием в каком-то деле определяется внимание к подробностям жизни природы, знание ее. У Нагибина никогда нет дерева вообще, птицы вообще, зверя вообще», — пишет Ирина Богатко.

И критик приводит фрагменты из разных рассказов Нагибина в подтверждение своей мысли. Эти «зарисовки природы», сделанные писателем, позволяют представить его манеру письма, выразительность языка, внимательное отношение к природе.

«Весна пела тут во весь голос. Токовали тетерева, щелкали соловьи, посвистывали синицы, надрывались перепела. Они бы-

ли самыми неистовыми в этом любовном хоре. Как чист и громок был перепелиный голос, если, долетая сюда издалека, с прошлогоднего жнивья, он звучал будто над самым ухом...» (рассказ «Когда утки в поре»).

«Вдруг словно разорвалась смутно-зеленая ткань, лес распахнулся опушкой, а впереди возникло что-то огненно-рыжее, как шерсть лисицы. Вначале это огненно-рыжее было совсем близко, затем отдалилось, освободив место другим многочисленным, более тихим краскам. Краски оконтурились, стали пахотой, картофельным полем, шлетнем, крышами изб, тополями, полоской реки, а рыжее — кустом рябины с рано опаленными осенью гроздьями, что росла в его, Дедка, огороде...» («Последняя охота»).

В рассказе Ю. Нагибина «Последняя охота» раскрывается единство человека с природой, значение этой связи. «Эта великодушная природа, — пишет И. Богатко, — подсылая чирка дряхлому Дедку, помогает ему почувствовать себя на исходе тем славным охотником, каким он был в крепкую пору жизни».

«Чирок лежал на его ладони, свесив голову и полузакрыв голубоватой пленкой мертвые, не отражающие света глаза; его светлая грудка выгибалась крутым горбиком, а плоская спинка отдавала в ладонь Дедка уходящее тепло жизни. И Дедок почувствовал острую, до слез, нежность и щемящую благодарность к маленькому, быстрому, как молния, летуну, отдававшему свою жизнь, чтоб продлилась затихающая жизнь старого охотника».

Писатель видит, чувствует щедрость и доброту природы, она отдает человеку все. Из природы пришло к Дедку чувство гармонии и понимание того, что «надо подтолкнуть людей на что-то хорошее» (рассказ «Новый дом»).

В большей части «охотничьих рассказов» Ю. Нагибина действует, живет егерь Анатолий Иванович, образ которого автор писал с натуры.

«Серьезный, прохладноватый, никогда не теряющий чувства собственного достоинства, инвалид войны, ловкий, уме-

лый, совестливый охотник» — таков Анатолий Иванович, о котором с большой теплотой пишет Нагибин. Он беззаветно любит свое дело — дело егеря, умеет учить других ему; он пишет стихи и только сожалеет, что так поздно пришло к нему это желание и умение выразить в стихах свое поэтическое ощущение мира.

Кроме егеря Анатолия Ивановича в «охотничьих рассказах» «живет» множество и других героев. К некоторым из них писатель относится с нескрываемой симпатией, как и к Анатолию Ивановичу, — это колхозный шофер Петрак, свояк егеря, трудолюбивый, честный, душевный человек; это и сторож охотничьего домика Матвейч (рассказ «На тетеревов»), задиристый, жизнерадостный, артистичный и лукавый. К другим — не скрывает своего резко критического отношения. Таков егерь Толмачев в рассказе «На тетеревов» — холодный, эгоистичный; молодой парень из рассказа «Обормот», Семка — браконьер из рассказа «Погоня».

«Охотничьи рассказы» Ю.М. Нагибина привлекают своим добрым отношением к людям и к окружающему миру, живыми, выразительными зарисовками природы, легким, простым и в то же время образным языком.

ВИКТОР ПЕТРОВИЧ АСТАФЬЕВ

В.П. Астафьев. Личность и судьба

Виктор Петрович Астафьев — талантливый русский писатель XX в. Он является автором произведений, получивших широкую известность: повести «Кража» и «Где-то гремит война» (60-е гг.), книги «Повесть о моем современнике» (1972 г.), цикла автобиографических рассказов и повестей о детстве «Последний поклон» (1968–1992 гг.), «Печальный детектив» (1986), «Пир после победы» (1993), повести «Так хочется жить» (1995) и многих других. В.П. Астафьев — пре-

красный писатель, тонко чувствующий природу, талантливо пишущий о своих земляках и родном крае, обладающий великолепным чувством языка. Как справедливо заметил исследователь творчества В.П. Астафьева А. Ланщиков еще в 1975 году, книги писателя «стали настоящим событием» последних десятилетий.

Судьба писателя В.П. Астафьева очень характерна для всего его поколения. Виктор Петрович Астафьев родился 1 мая 1924 года в селе Овсянка, под Красноярском, на берегу Енисея. В 8 лет он потерял самого дорогого ему человека – маму: она утонула в Енисее. По воспоминаниям знавших ее, отзывчивым, душевным, тонким человеком, способным видеть и ценить красоту. Мама заложила в мальчике основы его личности и навсегда осталась в памяти будущего писателя. «Рана с той поры так и не затянулась. Сиротство оказалось не только фактом биографии – оно многое определило в творчестве, – пишет известный сибирский исследователь жизни литературовед В. Курбатов. – Душа со смертью матери осталась без главной опоры и необходимой защиты. Прервалось нормальное течение детской биографии. Наверное, поэтому рано стала зоркой душа, и наверное, поэтому же Астафьев много писал о непоправимости утраты».

После смерти мамы единственным близким человеком для Вити стала бабушка, Екатерина Петровна, – с отцом у мальчика были очень сложные отношения. Бабушка, строгая, требовательная – в селе ее даже немного побаивались за строгость и прозвали «генералом», и в то же время добрая, сердечная, отзывчивая, мудрая, закрепила в сердце мальчика то, что было заложено и воспитано матерью. Она учила маленького внука зоркости и наблюдательности, учила быть мужественным и сильным, не ожесточаться и не пасовать перед несправедливостью, учила быть благодарным за любую малость. Бабушке Екатерине Петровне посвящены многие страницы автобиографических книг писателя, и прежде всего – прекрасной книги «Последний поклон».

А потом Витя вместе с отцом и мачехой переехал из села в порт Игарку, и вот тогда он оказался брошенным на произвол судьбы. С этого начинается нелегкая пора в жизни Виктора: беспризорничество, детский дом... Именно в детском доме он много читает – уже не хватает школьной библиотеки, и он перечитывает городскую, много размышляет, начинает «сочинять» – таким образом «выговаривается» в стихах и сочинениях на вольную тему. Уже тогда, в мальчишке-подростке Астафьеве педагоги детского дома заметили наблюдательность, зоркость, умное сердце, тонкое чувство языка.

После детского дома была школа ФЗО, где учились «неблагополучные» подростки (ФЗО – школы фабрично-заводского обучения, которые существовали в Советском Союзе в 30-е годы). Там мальчика Астафьева учили составлению поездов. А вскоре началась война. Осенью 1942 года 18-летний юноша добровольно ушел на фронт. Всю войну он прошел солдатом – сначала в разведке, затем, после тяжелого ранения, – в связи. Участвовал в освобождении Курска, Украины, Польши. Победу он встретил в госпитале с орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу».

После окончания войны В.П. Астафьев демобилизовался и переехал с женой в ее родной город Чусовой, на Среднем Урале. Там он работает сначала дежурным по вокзалу, затем слесарем, подсобным рабочим – за плечами у него – всего 6 классов образования. Вот тогда Астафьев начал писать. Спустя тридцать лет он скажет: «Если бы не война, я начал бы писать лет на десять–двенадцать раньше, ибо испытывал тягу к сочинительству с детства». Поэтому его первый рассказ – «Гражданский человек», опубликованный в 1951 году, – о войне. А в 1953 году вышел первый сборник рассказов В. Астафьева – «До будущей весны».

Виктор Астафьев понимает, что ему нужно учиться. «Учиться, не остаться литературным полудикарем, стать профессионально читающим, думающим и работающим – вот какую задачу должен был решить я...», – напишет писатель позже в своей ста-

ть «Сопричастный всему живому». Он поступает на Высшие литературные курсы при Литературном институте им. М. Горького и начинает много писать. Его произведения появляются в журналах Урала, Перми и Свердловска. Среди них – циклы автобиографических повестей и рассказов о детстве «Последний поклон». В его душе по-прежнему сильна и память о детстве, о мальчишке, получившем в детстве уроки настоящего гуманизма, добра, нравственности и вместе с тем так рано испытывавшем суровые, жестокие удары судьбы.

«Память моя, ты всегда была моей палочкой-выручалочкой. Так сотвори еще раз чудо – сними с души тревогу, тупой гнет усталости, пробудившей угрюмость и отравляющую сладость мучительного одиночества! И воскреси, – слышишь! – воскреси во мне мальчика, дай успокоиться и очиститься возле него», – так писал Астафьев в «Оде русскому огороду». Так рождался замысел книги «Последний поклон», книги, писавшейся на протяжении пятнадцати лет.

К этому времени имя его становится известным, его широко публикуют, переводят на языки народов СССР.

В.П. Астафьев каждый год приезжал в родные края, собирал материал для своих новых книг. В центре этих произведений – жизнь современной сибирской деревни.

Десять лет, с 1969 по 1979 год, В. Астафьев жил на севере, в Вологде, а в 1980 году вернулся в свое родное село под Красноярском, где жил с мамой и бабушкой. Там он жил до самой своей смерти.

В последние годы жизни В.П. Астафьев много пишет о войне. В 90-х годах выходят книги писателя «Пир после победы», «Прокляты и убиты», «Плацдарм» и др. «О войне В. Астафьев заговорил неслучайно. Войной, тяжело пережитой, долгом перед святой и светлой памятью погибших измеряет он свою писательскую работу, всю свою жизнь. Долг неоплатный, и тем яростней должна быть нетерпимость ко лжи... к эгоизму. В своей статье «Нет, алмазы на дороге не валяются» В. Астафьев

требовал неукоснительной правды о войне. «Я считаю, что самая правдивая книга о войне только еще пишется, и она будет без дозировки: «сто граммов положительного и пятьдесят отрицательного». Для правды еще никто гирь не придумал и не придумает, полагаю» (Н. Яновский).

Вот такую судьбу, трудную, сложную, прожил писатель В. Астафьев. Беспризорник, детдомовец, фэззошник, солдат в годы Великой Отечественной войны, слесарь, подсобный рабочий... Все это сказано об одном человеке, Викторе Петровиче Астафьеве. Для исследователей, которые занимаются творчеством Астафьева, до сих пор остается загадкой, как деревенский мальчик из глухого сибирского села, с такой непростой, нелегкой биографией, стал талантливым писателем, как в этом мальчике пробудился незаурядный литературный талант? Может быть, это Астафьев говорил о себе в беседе с читателями: «Склоняюсь к мысли, что писателем рождаются».

«Заветная книга» В.П. Астафьева «Последний поклон» и рассказ «Фотография, на которой меня нет»

В.П. Астафьев вошел в историю русской литературы XX века как замечательный писатель – прозаик, автор произведений, ставших классическими уже при жизни автора, – это повести «Кража», «Где-то гремит война», «Печальный детектив», «Так хочется жить», монументальное произведение «Царь-рыба», роман «Прокляты и убиты», многочисленные рассказы. На протяжении многих лет – с 1968 по 1992 год – В. Астафьев пишет цикл автобиографических рассказов и повестей о детстве «Последний поклон».

«Последний поклон», «заветная книга» В. Астафьева, по словам исследователя жизни и творчества писателя А.П. Ланщикова

ва, — это автобиографическая летопись целого поколения, целостная книга рассказов о детстве. Этой книгой, которая писалась не один год и даже не одно десятилетие, писатель завершил чрезвычайно важный для него разговор о его поколении, о детстве его ровесников и о тех людях, которые повлияли на формирование их души.

Первоначально книга не имела названия; условно Астафьев определил ее как «страницы детства». Само название говорило об автобиографическом характере книги. Эти «страницы» появлялись в виде отдельных самостоятельных рассказов; они «писались «вразброс», когда я еще не знал, что они — часть продолжающейся во мне книги», — вспоминал позднее автор. Работая над ними, Астафьев параллельно писал другие произведения, вошедшие затем в книгу «Повесть о моем современнике», однако книга о детстве продолжала жить и подсознательно «складываться», формироваться, пока не пришло осознание того, что это вовсе не отдельные «страницы» и повествование совсем не об одном конкретном мальчике — Вите Астафьеве (в книге — Вите Потылицыне), а что это единая книга, в которой рассказывается о детстве целого поколения. «Это дорогое сознание общности судеб современников и двигало писателем, — справедливо пишет В. Курбатов, — когда он делал материалом своих книг собственную жизнь. Не страницы ее, а всю — от утра до полдня, со всеми редкими радостями и многими печальями, со всеми смертями близких, с их добродетелями, страхами, надеждами, со всей ненавязчивой, но явственной жизнью... первых десятилетий Октября. Он верил, что вся показанная им жизнь, как дорогая ему жизнь бабушки, — выше и дальше его биографии: «Согревает меня лишь одна надежда, что люди, которым я рассказал о тебе в своих бабушках и дедушках, в близких и любимых людях, отыщут тебя, и будет твоя жизнь беспредельна и вечна, как вечна сама человеческая доброта». Вот тогда нейтральное название «Страницы детства» заменились эмоциональным названием «Последний поклон». Писателю хотелось рассказать в этой

книге, которую он писал о себе и о судьбе его современников: он верил, что вся рассказанная им жизнь больше, чем только его биография. В этой книге Астафьев рассказывает о своих ровесниках, об их характерах и о том, что сформировало их как личность. Он рассказывал не только об одном герое — мальчике Вите Побылицыне, а о героях разных, в совокупности представляющих «нравственное лицо поколения» (А.П. Ланшиков). Это не книга воспоминаний, не личная биография, это автобиография всего поколения. Именно в этих рассказах о детстве проявился талант русского писателя, раскрывающего суть русского характера — причудливое соединение драматизма и радости. Здесь люди смеялись и плакали, горевали и радовались, драматические ситуации сменялись комическими — сама жизнь вставала на страницах этой книги.

Одним из замечательных рассказов, составляющих книгу В. Астафьева «Последний поклон», является рассказ «Фотография, на которой меня нет».

События, описываемые в произведении, происходят в 30-е годы в небольшом сибирском селе.

В основу сюжета легло такое важное и редкое для тех дальних времен событие, как приезд фотографа в село для фотографирования учащихся начальной сельской школы.

Это событие чрезвычайно взволновало все село: «занятия в школе были прерваны»; сельчане усиленно искали «подходящее место для такой важной персоны, как фотограф»; «все переживали», как разместить фотографа; «весь длинный зимний вечер школьники гужом ходили по селу» (т.е. ходили дружно, едино, словно впряженные в одну упряжь кони); «гадали, кто где сядет, кто во что оденется и какие будут распорядки».

Главный герой произведения — Витя Побылицын, от его имени ведется рассказ; это мальчик-сирота, живущий с бабушкой и дедом; он не был прилежным учеником, а был шалуном, забиякой: «Мы с Санькой не удивляли мир прилежанием и поведением», — с некоторой иронией говорит герой; но зато этот бесшабашный, бесстрашный парсnek очень терпе-

лив, он чуткий, внимательный мальчик, хорошо понимает и видит прекрасное. Писатель подчеркивает наблюдательность и зоркость мальчика, его отзывчивость и чуткость ко всему прекрасному.

Драматизм рассказа, такого незатейливого и простого на первый взгляд, заключается в том, что Витя не может принять участие в знаменательном событии: впервые в глухое село приезжает фотограф, чтобы сфотографировать на память учеников начальной школы, а он серьезно заболел.

Автор очень точно передает внутреннее и физическое состояние мальчика: возбуждение, страстное желание идти в школу фотографироваться – это событие впервые происходит в селе – и осознание невозможности этого.

Кроме образа Вити в рассказе есть еще очень важные персонажи. Это учитель, Евгений Николаевич, и бабушка мальчика, Екатерина Петровна.

В России роль учителя изначально была велика; в Киевской Руси обязанности учителя совпадали с обязанностями родителя и государя. Учителей в Древней Руси называли мастерами, подчеркивая тем самым уважение к людям, которым доверено воспитание молодого поколения.

Вот такое традиционно уважительное отношение к учителю было в нашей стране и в те, сейчас уже далекие, годы, о которых рассказывает В. Астафьев.

Односельчане очень уважительно, с почтением и заботой относятся к учителю и его семье: ненавязчиво, «тишком» деревенские бабы приносят им молоко, творог, сметану (у них – маленький ребенок), ягоду; ребеночка «доглядят», полечат, если надо, привозят тайком, чтобы не отправили назад, дрова и т.д.; бабушка Вити, когда учитель пришел к заболевшему внуку и принес ему фотографию, встретила его радостно, уважительно, как дорогого гостя, повесила его одежду не в кутью, накрыла стол праздничной скатертью, понаставила всякой снеди, чтобы угостить гостя, а затем хвасталась всему селу, что их дом посетил

учитель... «Уважение к нашему учителю и учительнице всеобщее, молчаливое».

Писатель показывает самоотверженность учителей, их преданность своему делу. Учитель с семьей живет в нищенских условиях с маленьким ребенком, условий для работы также не было никаких: школа как таковая практически отсутствовала — вместо школы был «старый деревянный дом с угарными печами», где не было ни парт, ни скамеек, даже учебников, тетрадей, карандашей. Учителям приходилось исхитряться и самим «добывать» все необходимое для обучения (учебники, тетрадки, карандаши, договариваться с мужиками за «магарыч» из своей зарплаты, чтобы они сделали столы и скамейки); когда к весне кончились тетрадки, краски, карандаши, вымнянные учителем на утильсырье, он стал проводить уроки в лесу, на природе: учитель рассказывал ребятам много интересного и полезного. Учитель же договорился с городским фотографом сделать фотографии школьникам на память.

Поэтому так уважительно, с любовью относятся Витя и все ученики к своему учителю, так и остались в памяти грустная и ласковая улыбка, доброта, внимательность, уважительное отношение к людям, в том числе и к маленьким своим ученикам — слушал учеников внимательно, «хвалил, благодарил даже за то, что рассказывали многое, неизвестное ему, городскому жителю, не стеснялся учиться у своих маленьких учеников; подкупали также знания учителя: «Как много он знал!» — восклицает Витя.

Одним из главных и любимых героев книги является бабушка Вити — Екатерина Петровна, которая, после гибели мамы мальчика, все заботы о нем взяла на себя; она была нравственной поддержкой и опорой Вити после смерти мамы.

Бабушка очень любит внука, старается облегчить его страдания во время болезни (поднялась к Вите, несмотря на ночь и на боль в пояснице, нашла нужное лекарство, ночью лечила мальчика, «вытерла слезы» с его лица, молилась о его здоровье; утром на руках отнесла в баню и долго разными способами ле-

чила там больные ноги внука); в то же время она очень строга, по-стариковски ворчлива. Екатерина Петровна — очень заботливый, отзывчивый, чуткий человек, она сердцем понимает душу мальчика, его переживания, она очень наблюдательная, понимает и тонко чувствует красоту и невольно воспитывает это в своем внуке.

Образ бабушки пронизывает все рассказы, составившие книгу «Последний поклон». Цикл рассказов заканчивается горьким признанием автора, запоздалым покаянием — последняя воля самого дорогого человека оказалась невыполненной в силу различных обстоятельств (это, вероятно, и определило шемящее название книги): «И живет в сердце вина. Гнетущая, тихая, вечная. Я знаю, бабушка простила бы меня. Она всегда меня прощала. Но ее нет. И никогда не будет.

И некому прощать...

Бабушка, бабушка! Виноватый перед тобою, я пытаюсь воскресить тебя в памяти, рассказать о тебе людям. Непосильная это работа. Нет у меня таких слов, которые передали бы всю мою любовь к тебе!

Согревает меня лишь одна надежда, что люди, которым я рассказал о тебе, в своих бабушках и дедушках, в близких и любимых людях отыщут тебя и будет твоя жизнь беспредельна и вечна, как вечна сама человеческая доброта».

Рассказ В.П. Астафьева называется «Фотография, на которой меня нет». Наверное, смысл названия рассказа заключается в том, что если даже на фотографии нет «меня», Вити Потылицына, но там есть мои сверстники, учителя, школа, приметы нашей жизни в те далекие годы — поэтому она так важна, бесценна для героя произведения.

Автор пишет в финале рассказа: «Деревенская фотография — своеобразная летопись нашего народа, настенная его история». Вот в этом — основной смысл рассказа: фотография запечатлевает эпоху, знаменательные приметы этой эпохи, людей определенной исторической эпохи, действительно — это летопись народа.

Образ учителя в рассказе В.П. Астафьева «Фотография, на которой меня нет»

В замечательном рассказе В.П. Астафьева «Фотография, на которой меня нет» из его автобиографической книги «Последний поклон» одним из главных героев является учитель, Евгений Николаевич.

Писатель с раннего детства и до конца своих лет сохранил огромное уважение к учителям, понимание значения их благородного труда, понимание серьезной ответственности этого труда, т.к. они имеют дело с живыми человеческими душами.

В словарях – Толковом словаре русского языка, в Этимологическом словаре русского языка находим значение слова «учитель». Сама семантика (значение) и этимология (происхождение, история) этого слова – «учитель», «педагог» говорит об огромной роли учителя в жизни человека.

Профессия учителя, педагога – одна из древнейших профессий на земле. Она возникла как необходимость сохранения рода и его ценностей – трудовых, нравственных, культурных, а для этого необходимо было учить детей всему, что знали старшие, старейшины. Со временем сельскохозяйственное и ремесленное производство усложнялось, обогащались и расширялись знания людей об окружающем мире. Все это обусловило необходимость специального обучения и воспитания молодого поколения, подготовки его к жизни. Первые учителя появились тогда, когда начался процесс совершенствования орудий труда; это были самые мудрые и уважаемые люди.

Сначала появилось слово «педагог»; оно произошло от греч. «пейдагогос» («пейда» – ребенок, «гос» – вести) и обозначало «детоводитель»: в прямом смысле таковы первоначально были функции педагога – в Древней Греции это были рабы, которые должны были присматривать за детьми, водить их в школу, на прогулки. И только позднее основными функциями педагога стали воспитание и обучение детей.

Слово «учитель» появилось позже, когда человечество осознало, что знания есть ценность сама по себе (Платон) и что нужна специальная, тщательно продуманная организация деятельности детей, направленная на приобретение знаний и умений, т. е. обучение. Учитель – это тот, кто наставляет, обучает, преподает. Как правило, учителями всегда становились самые умные, знающие, уважаемые люди. В Древнем Вавилоне, Сирии, Египте это были жрецы, в Древней Греции – наиболее талантливые вольнонаемные граждане; в Древнем Риме учителя назначались от имени самого императора: это были люди, хорошо знающие науки, много путешествующие, а потому знающие языки, культуру, традиции и обычаи разных народов. В Древнем Китае на должность учителя могли претендовать мудрейшие представители общества (интересно, что в этой стране еще в XX в. до новой эры существовало министерство, занимающееся вопросами просвещения народа).

В России роль учителя была велика с самого начала; в Киевской Руси обязанности учителя совпадали с обязанностями родителей и государя. Учителей в Древней Руси называли мастерами, подчеркивая тем самым уважение к людям, которым доверено воспитание молодого поколения.

Такое традиционно – уважительное отношение к учителю было в нашей стране и в те далекие годы, о которых повествует В. Астафьев в своем рассказе.

В своем рассказе «Фотография, на которой меня нет», используя крайне лаконичные художественные детали, писатель рассказывает о своем герое, учителе начальной сельской школы, Евгении Николаевиче, и его жене, тоже учительнице. Он описывает условия, в которых проживает семья учителя. А они очень скромные: Евгений Николаевич с семьей занимает одну половину «дряхленького домишка», как пишет автор; часто нет дров, а в семье маленький ребенок, который часто болеет. Писатель не дает полного портрета учителя, подчеркивает только отдельные штрихи его внешности: «лицо малоприметное», но особенно запомнились глаза – «немного печальные и оттого необыкновен-

но добрые», приветливая улыбка, «да уши торчали, как у Саньки» — обыкновенный молодой человек — оказывается, и лет ему было совсем немного — двадцать пять.

Особенно, хотя и немногословно, писатель подчеркивает отношение учителя к сельчанам, уважительный стиль общения учителя и его жены-учительницы с людьми, и взрослыми, и маленькими детьми: «здороваются со всеми кряду, не разбирая ни бедных, ни богатых»; «учитель прошел в среднюю, еще раз поздоровался и справился обо мне», уходя, «поклонился дому, бабушке».

И односельчане очень уважительно, с почтением и заботой относятся к учителям: ненавязчиво, «тишком» деревенские бабы приносят им молоко, творог, сметану (у них — маленький ребенок!), ягоду; ребеночка «доглядят», полечат, если надо, привозят тайком, чтобы не отправили назад, дрова и т.д.; бабушка Вити, когда учитель пришел к заболевшему внуку и принес ему фотографию, встретила его радостно, уважительно, как дорогого гостя, повесила его одежду не в кутю, накрыла стол праздничной скатертью, понаставила всякой снеди, чтобы угостить гостя, а затем хвасталась всему селу, что их дом посетил учитель... И как вывод звучит фраза писателя: «Уважение к нашему учителю и учительнице всеобщее, молчаливое».

Почему же односельчане с таким уважением и любовью относились к Евгению Николаевичу и его семье? В.П. Астафьев подчеркивает искреннюю любовь учителя и учительницы к своим ученикам, стремление помочь им в тяжелейшие годы того времени, когда не хватало учебников, тетрадей, пишущих ручек; автор показывает жизнерадостность, оптимизм учителей, несмотря на нелегкие условия жизни («Учителя были заводилами в деревенском клубе...»), особенно подчеркивает их внимание к каждому ученику, заботу о своих подопечных, настоящее уважение к личности каждого ребенка.

Как важнейшую особенность образа учителя и его жены писатель показывает их самоотверженность, преданность своему делу.

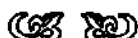
Они живут в нищенских условиях с маленьким ребенком; условий для работы также не было никаких: школа как тако-

вая практически отсутствовала — вместо школы был «старый деревенский дом с угарными печами», где не было ни парт, ни скамеек, даже учебников, тетрадей, карандашей. Учителям приходилось изобретать и самим «добывать» все необходимое для обучения (учебники, тетрадки, карандаши, договариваться с мужиками за «магарыч» из своей зарплаты, чтобы они сделали столы и скамейки); когда к весне кончились тетрадки, краски, карандаши, выменянные учителем на утильсырье, он стал проводить уроки в лесу, на природе: учитель рассказывал ребятам много интересного и полезного. Учитель же договорился с городским фотографом сделать фотографии школьникам на память.

Витю особенно привлекают такие личностные качества учителя Евгения Николаевича, как доброта, внимательность, уважительное отношение к людям, в том числе и к маленьким своим ученикам — слушал учеников внимательно, «хвалил, благодарил даже за то, что рассказывали многое, неизвестное ему, городскому жителю, не стеснялся учиться у своих маленьких учеников: подкупали также знания учителя: «Как много он знал!» — восклицает Витя. А еще его подкупала грустная и ласковая улыбка учителя. Поэтому и Витя, и остальные ученики Евгения Николаевича относились к нему с любовью и уважением: Витя «из всей мочи старался не обляпаться, не пролить из блюда чай», когда учитель навестил его, больного; ребята отыскили в камнях кепку учителя, когда был закончен бой со змеей, и корили себя, что не они «обороняли» учителя, первый раз видевшего змею и потому не знающего, как ее убить, а он — их).

В образе учителя Евгения Николаевича выразились все те чувства, которые испытывал писатель к учителю: «...фамилию учителя можно и забыть, важно, чтоб осталось слово «учитель»! И каждый человек, мечтающий стать учителем, пусть доживет до такой почести, как наши учителя, чтоб раствориться в памяти народа, с которым и для которого они жили, чтоб сделаться частицей его и навечно остаться в сердце даже таких перадных и непослушных людей, как я и Санька».

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА

АЛЕКСАНДР ДЮМА-ОТЕЦ

Неизвестный Дюма

Популярность А. Дюма (отца), знаменитого романиста, автора любимых многими во всем мире «Трех мушкетеров», «Графа Монте-Кристо» и других, невероятна. Еще при жизни писателя, в 1901 году, на его родине было создано Общество друзей Александра Дюма; подобные общества были организованы в ряде других стран, в частности, в 1992 году было создано российское Общество друзей Александра Дюма. В Вилле-Коттре, во Франции, создана «Ассоциация трех Дюма». Существует целая наука – «дюмаведение», появились и исследователи, увлеченно занимающиеся изучением яркой, интересной жизни и творчества французского писателя, – их называют «дюмаведы». Одним из них является М. Буянов, выпустивший о А. Дюма несколько книг: «Дюма в Дагестане», «Дюма на Кавказе», «По следам Дюма», в которых на основе подлинных материалов рассказывает о талантливой личности французского писателя, о его путешествии по Российской империи в XIX веке.

Французский писатель Александр Дюма известен всем миру как автор знаменитых романов о мушкетерах – «Три мушкетера», «Десять лет спустя», «Двадцать лет спустя», романов «Граф Монте-Кристо», «Графиня де Монсоро» и других. Но немногие, наверное, знают, что Дюма был поэтом, переводчиком, историком, политическим деятелем, публицистом, издателем журналов, журналистом, отважным путешественником, одним из осново-

положников жанра художественного описания путешествия, талантливым кулинаром.

А. Дюма знают прежде всего как прозаика, автора известных исторических и романтических произведений, однако он писал очень неплохие, по мнению критиков, стихи. В 1989 году французское Общество друзей Александра Дюма (оно было создано еще в 1901 году) опубликовало сборник поэтических произведений А. Дюма, в которых автор приключенческих романов предстал с совершенно неожиданной стороны — как способный поэт. Во время своего путешествия по России он знакомится с творчеством русских поэтов и выступает как поэт: он переводит восемь стихотворений А.С. Пушкина, восемь стихотворений М.Ю. Лермонтова, стихотворения Н.А. Некрасова, Петра Вяземского и других русских поэтов. Правда, это скорее не перевод, а сочинение «на тему» произведений русских авторов.

В 1990 году в Париже была издана уникальная книга — «Поездка в Россию»: антология записок французских путешественников XVIII–XIX веков». Автором ее является профессор Клод де Грев, объем книги — около 1300 страниц. Среди авторов, которых широко цитирует известный французский ученый, находится и А. Дюма, записки которого о путешествии в Россию представляют серьезный интерес для историка, занимающегося изучением Российской империи середины XIX века.

А. Дюма был в свое время известным издателем; на протяжении почти двадцати лет он занимался издательской деятельностью. В 1848–1850-х годах он выпускал журнал «Я», в 1853–1857-х годах — журнал «Мушкетер», в 1857–1862-х годах — журнал «Монте-Кристо», в 1860 году — журнал «Четверг», в 1868 году — журнал «Д'Артаньян». В 1860 году А. Дюма редактировал франко-итальянский журнал «Независимый» и «Новый журнал для детей», в 1868 – 1869-х годах — журнал «Театр».

А. Дюма выступает и в роли переводчика. Он переводит произведения А.С. Пушкина «Выстрел», «Гробовщик», «Ме-

тель», роман русского писателя И.И. Лажечникова «Ледяной дом», особенно много - А.А. Бестужева-Марлинского: его повести «Аммалат-бек», «Мулла-Нур», «Султанетта», «Фрегат «Надежда», «Белый снег», «Снежный ком» (переводы повестей А.А. Бестужева-Марлинского включены в книгу А. Дюма «Кавказ»). Как отмечают исследователи, А. Дюма «не столько перевел, сколько пересказал эти произведения, и поэтому соавторство по праву принадлежит ему» (М. Буянов). Переводит французский писатель и стихотворения русских поэтов – об этом уже говорилось раньше. Все эти стихи не издавались отдельно, они печатались как часть путевых заметок А. Дюма о России. Также он переводит «Айвенго» В. Скотта и совместно с писателем О. Макс – «Гамлета» В. Шекспира.

А. Дюма был удивительно трудоспособным писателем, его перу, по данным М. Буянова, принадлежит 456 романов, повестей, очерков, рассказов и стихотворений (в книге М. Буянова приведен список книг А. Дюма: одно перечисление названий произведений французского писателя заняло 10 страниц!). Из них девятнадцать написаны на русском материале («Жако Безухий», «Из Парижа в Астрахань», «Из Парижа в Севастополь», «Кавказ», «Охота на медведей в России», «Письма из Санкт-Петербурга», «Письма о крепостном праве в России», «Учитель фехтования» (о декабристе И. Анненкове), уже названные повести и романы И.И. Лажечникова и А.А. Бестужева-Марлинского.

Мало известен факт о том, что знаменитый писатель Александр Дюма является также и автором кулинарных книг. Дюма был гурманом и очень хорошим кулинаром. Тот факт, что А. Дюма хорошо готовил, как пишет в своей книге М. Буянов, подтверждают даже российские жандармы. «Вот как, в частности, сообщал начальник 2-го корпуса жандармов генерал-лейтенант Перфильев своему начальству в Петербург, когда Дюма находился в Москве: «В семействе Нарышкиных, где жил Дюма, его очень хвалят... Он имеет страсть готовить сам на

кухне кушанья и, как говорят, мастер этого дела...» (М. Буянов). Почти во всех художественных и публицистических произведениях писателя приводятся рецепты разнообразных блюд, если рецептов нет, то разговоры о пище ведутся обязательно (достаточно вспомнить славного Портоса, любителя поесть, из романа А. Дюма «Три мушкетера»). В некоторых книгах писатель упоминает и блюда, распространенные в России. Так, во втором томе романа «Граф Монте-Кристо» А. Дюма пишет о приготовлении волжской рыбы, в книге «Кавказ» описывает рецепты обычного шашлыка и предлагает свой вариант, улучшенный этого кавказского национального блюда. Описания приготовления пищи имеются во многих книгах прославленного французского писателя. А. Дюма является автором двух кулинарных словарей — «Большой кулинарный словарь» и изданный уже после смерти писателя, сделанный на основе Большого — «Малый кулинарный словарь». Это поистине уникальные книги, в них содержатся не только термины из области кулинарии, разнообразные рецепты, но и исторические, географические сведения, чувствуется рука профессионального литератора. «Большой кулинарный словарь» А. Дюма был переиздан в конце XX века, в 1987 году, в Париже и представлял собой прекрасно изданную, богато иллюстрированную книгу, включающую в себя 800 новелл. Вот фрагмент из «новелл» этого словаря.

Абрикосовое дерево пришло в Древний Рим из Армении, потому его и называли *prunus armeniaca*. Вначале было известно всего лишь два сорта абрикосов, но потом были выращены бесчисленные их разновидности.

Этот светло-бежевого цвета плод... обладает приятным запахом и вкусом, похожим одновременно и на сливу, и на персик. Абрикос так рано поспевает, что едва ли не каждую весну приходится слушать опасения, будто «в этом году не будет абрикосов, ибо всех их ударило морозом... Созревший плод абрикоса Сан-Доминго (одна из разновидностей абрикоса) по размеру похож на человеческую голову. Вкус этого сорта абри-

косов очень приятный, ароматный, сладкий. Подают его, предварительно нарезав ломтиками, иногда и помариновав в сладком вине».

А. Дюма был увлеченным путешественником. Кроме России он побывал в Швейцарии, в Испании, Италии (участвовал в освободительной борьбе под руководством Гарибальди), в Океании и других странах. Свои впечатления о путешествиях он запечатлел в своих книгах: «Впечатления о путешествии по Швейцарии» (1838), «Впечатления от поездки в Испанию» (1848), «Впечатления о путешествии к арабам» (1856) и др.

Такой яркой личностью, одаренной помимо писательского самыми разнообразными способностями и талантами, был всемирно известный автор «Трех мушкетеров».

Александр Дюма и Россия

Знаменитый французский писатель, автор всемирно известных романов «Три мушкетера», «Виконт де Бражелон», «Граф Монте-Кристо», «Графиня де Монсоро» и многих других (все-го, как говорят исследователи творчества писателя, он создал около пятисот книг самых разных жанров – романов, пьес, очерков, заметок, стихотворений и пр.), Александр Дюма (отец) был страстным путешественником. Он считал, что жить полноценной жизнью – это значит путешествовать, видеть мир в его разнообразии. Среди многочисленных путешествий А. Дюма для нас, россиян, особый интерес представляет его путешествие по Российской империи в середине XIX века.

А. Дюма испытывал давний интерес к России. В 1840 году он пишет известный роман «Записки учителя фехтования, или Восемнадцать месяцев в Санкт-Петербурге» («Учитель фехтования»), по утверждению дюмаведа М. Буянова, «первое в мире крупное художественное произведение о декабристах». Главным героем книги был русский декабрист Иван Аннен-

ков, сосланный после поражения декабристского восстания в Сибирь, и Полина Гебль, поехавшая за ним в ссылку, – французка, горячо и преданно любившая Анненкова и бросившая все ради него. Критики отмечают, что в романе Дюма, хотя и «было допущено вольное обращение с историческими фактами, общая картина трагической судьбы декабристов представляла в истинном свете и была проникнута глубоким чувством сострадания к жертвам царского произвола» (М. Трескунов). В романе отчетливо звучал протест против деспотизма, против социального неравенства в России: Дюма пишет, что в России либо господа, либо рабы. В царской России книга была запрещена: царское правительство считало французского писателя политически опасным и не разрешало въезд в Россию, хотя А. Дюма и предпринимал несколько раз попытки приехать в страну, которая его очень интересовала. Кстати, роман «Учитель фехтования» при царском режиме был запрещен, впервые его напечатали только в 1925 году, а потом, при Сталине, опять запретили. Опубликовали книгу только при приходе к власти М. Горбачева.

Важно отметить, что еще до приезда А. Дюма в Россию русские читатели знали французского писателя по его книгам. В 30–40-е годы XIX века в России переводятся его книги (а сороковые годы, как отмечают исследователи, явились самым плодотворным периодом в творчестве писателя – именно в эти годы он создаст свои знаменитые романы о трех мушкетерах (трилогию), романы «Граф Монте-Кристо», «Графиня де Монсоро» и др.) – романы и повести и публикуются в популярных русских журналах: «Отечественные записки», «Библиотека для чтения», «Телескоп» и многих других.

Одним из первых переводчиков Дюма был известный литературный критик Виссарион Григорьевич Белинский. В 1834 году журнал «Телескоп» напечатал переведенные Белинским произведения А. Дюма – «Месть» и «Горе Гемми». Белинский отмечал «мощный и энергетический талант» А. Дюма (хотя позже говорил о легковесном характере некоторых драм и романов А. Дюма).

Перед началом своего путешествия в Россию А. Дюма на страницах основанного им журнала «Монте-Кристо» обещал рассказать читателям о своем путешествии, о своих впечатлениях об этой далекой и малоизвестной стране. При этом он подчеркивал важность того исторического момента в жизни России, с которым совпала его поездка. Он направлялся в Россию в июне 1858 года, чтобы «присутствовать при великом деле освобождения сорока пяти миллионов рабов», — пишет М. Трескунов. Дело в том, что писатель совершает свое путешествие в Россию накануне реформ 1861 года — отмены крепостного права.

Свое путешествие по Российской империи А. Дюма описал в семи томах публицистических книг «Из Парижа в Астрахань» и «Путешествие по Кавказу». В этих очерках французский писатель ознакомил читателей со многими сторонами русской истории, русской культуры, русских традиций и быта.

Началось путешествие А. Дюма в Россию 15 июня 1858 года, 22 июня из Штеттина он, проехав через Восточную Францию, Германию, север Польши, прибыл в Петербург. В Россию Дюма попал таким образом. У него был друг, шотландец Дэвид Дуглас Юм (он был моложе А. Дюма на тридцать лет, а связывали их общие интересы), в свое время его считали великим колдуном — он был неплохим гипнотизером, спиритом (занимался спиритизмом), а Дюма всю жизнь интересовался медициной и особенно психотерапией. Юм не раз бывал в России, о нем даже писали русские газеты. В 1858 году он собирался отправиться в Россию для того, чтобы обвенчаться с сестрой жены русского графа Григория Александровича Кушелева-Безбородко, очень богатого и влиятельного при царском дворе человека. Юм пригласил на свадьбу своего друга — Александра Дюма. Царский посол в Париже не смог отказать такому знатному человеку, как Г.А. Кушелев-Безбородко, и дал разрешение А. Дюма на въезд в Россию, хотя и с большим трудом, и только на свадьбу. А причина того, что российские власти не хотели пускать А. Дюма в Российскую империю, за-

ключалась в том, что в свое время А. Дюма написал известную книгу о декабристах, о которой рассказывали раньше. Таким образом, А. Дюма неожиданно оказался в России. Правда, ему разрешили остановиться только в Петербурге, только как частному лицу в многочисленной свите влиятельного русского графа.

Побывав на свадьбе, А. Дюма заявил, что он хочет добраться до Индии через Кавказ. Власти исполнились, но что же делать? Не высылать же уже известного писателя во Францию? Зачем лишний шум и лишние разговоры. И они решили разрешить Дюма совершить путешествие по России, но только под неустанным, постоянным надзором полиции. Кстати, на страницах своих очерков «Из Парижа в Астрахань» А. Дюма прямо говорит о том, что царская полиция им очень интересуется. И сейчас в архивах можно обнаружить донесения царских жандармов, строго и неотступно следивших за писателем, и можно только удивляться поразительной интуиции А. Дюма.

А. Дюма находился в России 8 месяцев и 18 дней (М. Буннов). Попытаемся восстановить географию путешествия французского писателя по Российской империи.

Дюма прибыл из Франции в столицу России — Санкт-Петербург.

Его пребывание в Петербурге вызвало большой интерес у русских читателей. В 1858 году издатель журнала «Современник» опубликовал очерк «Петербургская жизнь», в котором выразил общее уважение к французскому писателю и рассказал о том, как встретила его российская столица: «Петербург принял г-на Дюма с полным русским радушием и гостеприимством... да и как же могло быть иначе? Г-н Дюма пользуется в России такой же популярностью, как и во Франции, как и во всем мире между любителями легкого чтения, а легкие чтецы составляют большинство в человечестве... Весь Петербург в течение июня только и занимался г-ном Дюма. О нем ходили различные толки и анекдоты во всех слоях петербургского общества: ни один разговор не обходился без его имени, его оты-

скивали на всех гуляньях, на всех публичных сборищах, за него принимали бог знает каких господ. Стоило шутя крикнуть: «Вон Дюма!» – и толпа начинала волноваться и бросалась в ту сторону, на которую указывали...»

После окончания свадебных церемоний А. Дюма полностью посвящает себя посещению интересных, на его взгляд, мест и городов Российской империи. После Петербурга он едет по Ладожскому озеру, любит его красотой, посещает Валаамский монастырь. Он ходит от храма к храму, внимательно присматривается к древнерусской архитектуре; наносит визит и знакомится с настоятелем монастыря, отцом Иваном Дамаскином, очень образованным человеком, который был лично знаком со многими интеллигентными и талантливыми русскими людьми, особенно с художниками – в монастырь на Валаам любили приезжать знаменитые русские художники И. Шишкин, Кундзи и др. Здесь А. Дюма встретил свой день рождения – ему исполнилось 56 лет.

После посещения Валаама вновь по Неве А. Дюма возвращается в Петербург и оттуда едет в Москву. Москва также встретила французского писателя с большим почтением и радушием. В книге писателя «Из Парижа в Астрахань» Москве уделяется немного места – больше Дюма описывает свое пребывание в Петербурге и делает экскурсы в историю. Тем не менее Москва тоже оставила заметный след в памяти писателя – ее красивейшие храмы, сады, Бородинское поле. Дюма посещает замечательный памятник русской культуры – Троице-Сергиеву Лавру, с почтительным вниманием осматривает храмы, древние росписи стен, слушает рассказы о создателе монастыря, преподобном Сергии Радонежском, о славной истории этого духовного и культурного центра России.

А затем А. Дюма едет по великой русской реке Волге, останавливаясь в городах Нижнем Новгороде, Рыбинске, Костроме, Казани, Саратове, Астрахани. В Нижнем Новгороде у А. Дюма произошла удивительная встреча – с героем его книги, Иваном Анненковым и его женой Полиной Гельб.

На приеме у губернатора Дюма вдруг слышит, как слуга громко объявляет: «Господин Анненков с супругой». Дюма, увлеченно беседовавший с дамами, моментально прерывает разговор, смотрит на лестницу и видит благообразных, уже немолодых людей, героев своего запрещенного в России романа. Потом все трое долго и увлеченно разговаривают, Дюма счастлив, что наяву видит тех, о ком он с таким уважением и увлечением писал в своей книге. Он рассказывает о том, что решил написать книгу о России, из каждого крупного города империи он отправляет в Париж главы этой книги, которые печатает один французский журнал. Эта встреча надолго останется в памяти писателя.

А дальше он направляется на Кавказ. Много мест, городов посещает Дюма — Кизляр, Махачкала, Буйнакск, Дербент, Баку, Тифлис, Кутаиси. Писатель наяву видит непростую политическую ситуацию на Кавказе — война России с войсками Шамиля, не один раз Дюма приходится самому быть непосредственным свидетелем боев; он не может не любоваться изумительной красотой Кавказа — гор, хребтов, лесов, горных рек; с интересом наблюдает за горцами, поразившими его отвагой, смелостью, преданностью идее свободы. Он выбирает любую свободную минуту, чтобы делать записи — и рано утром, когда все еще спят, и поздно вечером, когда офицеры, сопровождавшие его, отдыхают, разговаривая или играя. Особенно поразил Дюма Кутаиси — столица Западной Грузии. Он идет на развалины храма Баграта, в Древний Гелатский монастырь, долго стоит у могилы могущественного царя Давида Строителя; посещает Моцамету, необыкновенно красивое место, на полпути между Гелати и Кутаиси, где на скале находится монастырь Святых Мучеников, и ведет долгую беседу с настоятелем отцом Георгием.

Наблюдения и впечатления от всех этих мест затем отразятся в книге А. Дюма «Путешествие по Кавказу».

Закончилось путешествие А. Дюма по Российской империи в городе Поти, откуда он отправился на корабле домой, во Фран-

цию. Он полон желания скорее прибыть домой, чтобы издать книгу о путешествии по России.

«Революция – его профессия.

Борьба за народное освобождение – его конек» (Шарль Гюго)

«Творчество Александра Дюма, – говорил известный исследователь М. Трескунов, – выдающееся явление французской и мировой литературы. Оно и поныне остается живым наследием демократической культуры Франции, а книги Дюма входят в круг чтения многих читателей во всем мире». В продолжении своего утверждения он приводит слова знаменитого французского писателя Андре Моруа, который, подчеркивая популярность знаменитого романиста, утверждал: «Если на каком-нибудь необитаемом острове еще существует Робинзон Крузо, то он, наверное, читает сейчас «Трех мушкетеров».

Следует уточнить, что в обоих случаях речь идет о Дюма - старшем: у знаменитого французского писателя Александра Дюма был сын, Александр, тоже писатель, автор известного романа «Дама с камелиями».

А. Дюма-отец был гуманистом, очень достойным и справедливым человеком. Он мечтал о гармоничном устройстве мира; будучи человеком мужественным и отважным, он сам лично принимал участие в борьбе за свободу и равенство людей, за идеи добра и справедливости.

В июне 1830 года во Франции произошла революция, в результате которой был свергнут король Карл IX и феодально-монархическая реакция.

Александр Дюма находился среди тех, кто штурмовал замок Тюильри, королевскую резиденцию. Воспоминания об этих событиях он оставил в своих «Мемуарах». А. Дюма пишет: «Я видел людей, совершивших революцию 1830 года, и они виде-

ли меня в своих рядах... Эти люди — пылкая юность героического пролетариата, которая долго не только разжигает костер, но и тушит пламя его своею кровью».

С установлением Июльской монархии и прихода к власти во Франции герцога Орлеанского (его теперь стали называть королем Луи Филиппом) положение народа резко ухудшилось. В 30-х годах и в столице Франции, и в провинциях часто вспыхивают народные восстания, массовые манифестации.

5 июня 1832 года в Париже состоялись похороны генерала Ламарка. По просьбе родственников прославленного генерала А. Дюма, хорошо знавший военачальника, возглавил колонну артиллеристов, которая следовала за траурным катафалком. Вскоре полиция стала разгонять толпу, и это пробудило в людях протест: траурное шествие превратилось в революционное восстание. Через несколько дней оно было жестоко подавлено.

Александр Дюма угрожал арест, но он сумел вовремя, по совету друзей, уехать из Франции в Швейцарию, где прожил несколько месяцев. Там он написал свой первый историко-публицистический очерк «Галлия и Франция» (1833).

А. Дюма принимал участие в буржуазно-демократической революции 1848—1849 гг. во Франции.

Уже ставший известным в стране писателем, Дюма не одобрял политику Луи-Филиппа, и, когда узнал о его свержении, он очень радовался и верил в лучшие перемены. Дюма организует народные гулянья на площади перед своим театром (в 1847 году он основал в Париже «Исторический театр», на сцене которого ставил свои пьесы; театр пользовался успехом у парижан); из предместья Парижа Сен-Жермен он приводит полк солдат в распоряжение правительства республики. Дюма выставляет свою кандидатуру в депутаты Учредительного собрания от одного из департаментов Парижа. В своем обращении к избирателям он обещает следовать курсу лидера конституционно-монархической партии Одилона Барро. Дюма подготавливает свою политическую программу, однако она не была одобрена избирателями, и на выборах его кандидатура не прошла.

Все эти события нашли отражение в литературной деятельности А. Дюма: в 1848 году он пишет роман «Ожерелье королевы».

В 1858 году А. Дюма наконец-то после многих попыток посещает Россию. Еще в 30–40-е годы он интересуется историей, бытом, нравами великой и такой далекой державы, однако царское правительство из-за политической неблагонадежности Дюма не разрешает ему въезд в Россию. И вот ему, наконец, по довольно странному стечению обстоятельств удалось посетить Россию (Александра Дюма пригласил на свою свадьбу его друг, шотландец Дэвид Дуглас Юм, – в России он венчался и женился на сестре жены русского графа Григория Александровича Кушелева-Безбородко, очень богатого и влиятельного при царском дворе человека. Царский посол в Париже не смог отказать такому знатному человеку, как Г.А. Кушелев-Безбородко, в его просьбе). Дюма прибывает в Петербург, затем посещает Москву, путешествует по Волге от Нижнего Новгорода до Астрахани, посещая многие русские города, а затем совершает путешествие на Кавказ. Восемь с половиной месяцев длилось путешествие французского писателя по Российской империи, результатом его явился объемный цикл очерков – «От Парижа до Астрахани» и «Путешествие на Кавказ».

В этой книге А. Дюма о его путешествии в Россию, сыгравшем важную роль в его жизни, отразились общественные взгляды Дюма, его общественная активность.

Еще раньше, в 1840 году, он, интересуясь Россией, ее историей, пишет роман об одном из декабристов – Иване Анненкове и его жене, француженке Полине Гельб, последовавшей за мужем в ссылку. В этом романе выражен протест А. Дюма против жестокого произвола царя Николая I, против насилия и, с другой стороны, – восхищение мужеством, честностью и бескорыстием декабристов.

За те восемь месяцев, которые А. Дюма провел в России, он написал обширный цикл очерков о нашей стране, ознакомил французских читателей с историей, бытом, традициями и куль-

турой России, с жестоким правлением Николая I. В книге читатель ощущал утверждение идей свободы, протест против насилия и произвола.

Неслучайно в своей книге А. Дюма не один раз упоминает имя великого русского поэта А.С. Пушкина, переводит стихи К.Ф. Рылеева и Н.А. Некрасова.

А. Дюма переводит на французский язык стихотворение Пушкина «Во глубине сибирских руд...», обращенное к участникам декабрьского восстания 1825 года и после разгрома восстания казненным или сосланным в Сибирь. Сам факт обращения французского писателя именно к этому стихотворению Пушкина говорит о многом. Академик М.П. Алексеев, исследователь творчества А.С. Пушкина, так пишет об этом: «Обращает на себя внимание то, что Дюма в лирике Пушкина в особенности привлекают вольнолюбивые стихотворения, в частности, такие, какие еще не были известны в русской печати и обращались в рукописных списках; тексты подобранных списков предоставлялись Дюма его собеседниками и доброхотными переводчиками, — например, Д.В. Григоровичем». Также не случаен, вероятно, выбор Дюма для перевода фрагмента из поэмы К.Ф. Рылеева «Войнаровский», стихотворений Н.А. Некрасова о тяжелой крестьянской доле.

А. Дюма восхищается великой русской культурой, литературой, и в то же время он возмущен такими фактами российской истории, как казнь Емельяна Пугачева, издевательствами Николая I над декабристом Полежаевым, жестокой расправой над декабристами. Он долго ходит по Петропавловской крепости в Петербурге, внимательно рассматривает казематы, мрачные коридоры крепости. Вот что он пишет об этом: «Бастилия Санкт-Петербурга, подобно Базили Сент-Антуанского предместья, стала прежде всего тюрьмой мысли. История Петропавловской крепости, если бы удалось ее написать, была бы ужасна. Эта крепость все видела, все слышала, но до сих пор она все держит в тайне. Однако настанет день, когда распахнутся ее ворота. Тогда люди придут в ужас перед

крошечным мраком сырых казематов. Настанет день, и крепость заговорит, подобно замку Иф. В тот день Россия обретет подлинную историю, до сих пор ее история была соткана из легенд».

А. Дюма принимал прямое и активное участие в освободительной борьбе Гарибальди за единую Италию.

Французский писатель хорошо знал Гарибальди. Он написал о нем и его отряде художественный очерк «Гарибальдийцы» (1862), перевел на французский язык его мемуары, своим личным участием поддерживал борьбу итальянцев за возрождение единого итальянского государства.

Весной 1860 года Гарибальди со своим отрядом сначала высадился на острове Сицилия, чтобы помочь восставшим патриотам, а после освобождения острова занял Неаполь и изгнал «неаполитанских бурбонов». Дюма «полностью на стороне революционных сил, довольно остро разоблачает цинизм, жестокость и грубость представителей феодального сословия». (М. Трескунов). Дюма пожертвовал 50 тысяч франков на покупку оружия для отряда Гарибальди, а в сентябре 1860 года сам отправился в Неаполь. Гарибальди назначил его директором национальных музеев. Кроме того, А. Дюма основал в Неаполе газету «Индипенденте», выходившую на итальянском и французском языках, сам писал в нее статьи и очерки. Также он руководил раскопками Помпей.

Эти события отразились в литературном творчестве Дюма. В Неаполе он пишет «Историю итальянских бурбонов» (1862–1864), а после этого – один из лучших, по мнению критиков (М. Трескунов), роман – «Сан-Феличе» (1864–1865), в котором рассказывает о революционном движении карбонариев в Неаполитанском королевстве в начале XIX века.

Дюма убеждает Гарибальди продолжить борьбу за объединение Италии, широко привлекая «низы», народные массы. Однако после завоевания Сицилии Гарибальди решил пригласить короля Сардинии Виктора-Эммануила для того, чтобы тот установил свою власть на землях, завоеванных гарибальдийцами.

А. Дюма решил покинуть Италию. В апреле 1864 года он возвращается во Францию, где и заканчивает свой роман «Сан-Феличе».

В 1866 году А. Дюма едет в Пруссию и в Австрию, которые в то время воевали друг с другом. С фронта тогда уже всемирно известный писатель отправляет в парижские газеты обзоры военных действий. Одновременно он работает над романом «Прусский террор».

В 1870 году Дюма уезжает во Францию – подготовить к изданию несколько своих книг. И здесь он узнает о поражениях Франции во франко-прусской войне, о Седанской катастрофе. Все это производит такое удручающее впечатление на писателя, что здоровье его резко ухудшается. В декабре 1870 года Александра Дюма не стало...

«Революция – его профессия. Борьба за национальное освобождение – его конек. В Париже, Риме, Варшаве, Афинах, Палермо он по мере сил помогал патриотам, когда они оказывались в отчаянном положении», – так писал о Дюма сын великого французского писателя Виктор Гюго Шарль.

В этом – общественное значение известного романиста, популярного во всем мире, – Александра Дюма.

Знаменитая трилогия А. Дюма о трех мушкетерах

Александр Дюма, известный французский писатель XIX века, автор читаемых миллионами людей разных стран мира романов «Королева Марго», «Графиня Монсоро», «Граф Монте-Кристо» и других приключенческих романов, прославился прежде всего романом «Три мушкетера» и двумя романами-продолжениями. В популярнейшую трилогию А. Дюма входят три романа: «Три мушкетера», первая часть трилогии, романы

«Двадцать лет спустя» и «Виконт де Бражелон, или Десять лет спустя».

В этих романах писатель изображает жизнь Франции в XVII в., в период царствования Людовика XIII, семейную жизнь, интриги, дуэли, народные восстания. В этих романах действуют реальные исторические лица — Людовик XIII, кардинал Ришелье, кардинал Мазарини, королева Анна Австрийская, английский герцог Бекингем и другие. Романы «насыщены драматизмом и вместе с тем романтизмом; в них проявилось могучее воображение, виртуозное мастерство рассказчика», Александра Дюма (М. Трескунов).

В центре сюжета всех трех романов бесстрашные королевские мушкетеры — Атос, Арамис и Портос и вместе с ними молодой Д'Артаньян и их славные деяния; на этом и построена интрига. Писатель противопоставляет холодному высокомерию, коварству, бездушию вельмож — великодушие и доблесть своих героев, «причем, — как пишет критик М. Трескунов, — Дюма придал им столь живой облик, что и поныне во Франции их чтут как замечательных деятелей прошедших времен: Д'Артаньяну воздвигнут памятник в Оше, дорожные указатели в Гаскони напоминают о том, что знаменитые мушкетеры жили когда-то в этом краю». Мушкетеры Атос, Портос и Арамис, вошедший в их братство Д'Артаньян — это предприимчивые, находчивые, смелые, неутомимые в достижении цели, которая никогда не бывает низкой, бесчестной. В них, по верному замечанию исследователя, ощущается дух того славного, героического века, в котором подрастал Д'Артаньян, когда жили активные, деятельные люди; в них воплощена и память об отце писателя, боевом заслуженном генерале Дюма, чья карьера началась с того, что он один взял в плен 13 австрийцев и за полтора года дослужился от унтер-офицера до командующего армией.

Уже в первом романе — «Три мушкетера» — проявились характерные для всей трилогии черты: занимательнейшая фабула, умение Дюма создавать захватывающие читателя ситуации,

стремительное движение действия, богатое содержание, большое количество действующих лиц.

Основным источником для романа А. Дюма послужила напечатанная в Голландии в 1701 году книга Куртиля де Сандра «Мемуары господина Д'Артаньяна, капитан-лейтенанта первой роты королевских мушкетеров, содержащие множество частных и секретных вещей, которые произошли в царствование Людовика Великого».

Имена трех мушкетеров, о которых Дюма прочитал в книге де Сандра, вызвали у него некоторое недоумение, он думал, что это псевдонимы, за которыми скрываются хорошо известные люди.

Однако, как говорят исследователи, эти люди на самом деле существовали.

Так, известно, что Атос родился во Франции, в провинции Бсарн, был превосходным фехтовальщиком, умер после одной дуэли, его тело нашли возле излюбленного места дуэлянтов.

Портос носил имя Тсаака де Порто. Он происходил из знатного французского рода, известного и в XIX веке, и на самом деле служил в отряде королевских мушкетеров.

Арамис (настоящее имя – Арамиц) некоторое время жил в долине Баритон и тоже служил в отряде мушкетеров.

Из «Мемуаров» де Сандра А. Дюма, как пишет М. Трескунов, «почерпнул многочисленные подробности нравов XVII века, взял имена своих героев, эпизод путешествия Д'Артаньяна в Париж, интригу с миледи, похищение рекомендательного письма к Тревилю, дуэль в Пре-о-Клерк, образы гвардейцев кардинала, вступление Д'Артаньяна в полк Дезэссара».

Другим источником для написания трилогии послужила книга Редерера «Политические и любовные интриги французского двора». Отсюда Дюма взял историю с алмазами, посланными Анной Австрийской герцогу Бекингэму.

На основе этих источников талант писателя, его богатейшее воображение позволили создать ставшую популярной во всем

мире трилогию о трех мушкетерах, произведения очень своеобразные и по содержанию, и по художественной форме.

А. Дюма придавал большое значение занимательности сюжета, драматической напряженности повествования. Он, как отмечают исследователи, возрождает традицию приключенческого романа XVII–XVIII веков. В XIX веке он не видит деятельных, смелых, активных героев, поэтому обращается к историческому прошлому.

Наиболее популярным из всей серии является роман «Три мушкетера». «Роман этот, — пишет М. Трескунов, — характеризуется стремительностью и бурно развивающейся интригой, оптимистическим показом жизни как непрерывной деятельности, напряженной драматической композицией, легким и простым языком». Композиция романа «Три мушкетера», так же, как и остальных, определяется литературной формой произведения, его жанром; это роман-фельстон, который начал появляться в те годы, когда пишет А. Дюма. Жанр фельстонного романа требовал от автора, во-первых, завершенности каждой главы и, во-вторых, их органической связи в развитии сюжета всего произведения. Дюма так писал каждую главу, чтобы ее финал служил завязкой эпизода, который раскрывается в следующей главе. В романе множество приключений, увлекательных событий, описаний заговоров, поединков, дуэлей, сложных интриг — все это держит читателя в постоянном напряжении, это и послужило причиной такой невероятной популярности романов А. Дюма.

Очень привлекательны главные герои — мушкетеры; они отважны, предприимчивы и бескорыстны, по-рыцарски благородны, они всегда вместе, в каких бы трудных ситуациях ни оказывались. Их лозунг: «Один за всех и все за одного» и сейчас является символом настоящей и преданной дружбы.

По первому роману из трилогии А. Дюма в 1979 году российский режиссер Г.Э. Юнгвальд-Хилькевич снял культовый фильм «Д'Артаньян и три мушкетера». Д'Артаньяна в этом фильме сыграл известный артист М. Боярский, песни из филь-

ма исполняла тогда, кажется, вся страна. Д'Артаньян стал символом Отваги, Преданности, Находчивости, Независимости и Благородства.

Вторая часть трилогии – «Двадцать лет спустя» (1845) – это тоже «авантюрный исторический роман с увлекательной, стремительно развивающейся интригой. Притом он значительно историчнее первой части трилогии» (М. Трескунов).

В этой части трилогии писатель значительно больше описывает реальные исторические события: Фронда во Франции (Фронда – борьба крупной феодальной аристократии в союзе с буржуазией и народом против устанавливающейся абсолютной монархии); гражданская война в Англии. И здесь кроме вымышленных героев мы видим много исторических лиц: английский король Карл I, кардинал Мазарини, французская королева Анна Австрийская, Кромвель и другие.

А. Дюма значительно усиливает тему благородства своих главных героев: Атоса, Портоса, Арамиса и Д'Артаньяна. Он подчеркивает в них прежде всего их мужество и человечность. Именно эти черты их характеров обеспечивают им победу над Кромвелем, Мазарини и Анной Австрийской.

Этот роман не только приключенческий, но и психологический. Писатель раскрывает внутренний мир своих героев, то, что движет их поступками.

Финал романа – благополучен: приключения и подвиги четырех великодушных, смелых и беззаветно преданных друг другу героев заканчиваются здесь благополучно.

А вот последняя часть трилогии – «Виконт де Бражелон, или Десять лет спустя» (1845–1848) очень сильно отличается от двух предыдущих.

В последней части трилогии А. Дюма описывает события XVII века, когда молодой французский король Людовик XIV, занявший престол после отца, Людовика XIII, – абсолютный монарх, перед которым все трепещут. Людовик XIV проводит агрессивную политику, в 70-е годы XVII века он начинает войну

против Голландии, целью которой является завоевание чужих земель и укрепление своего положения в Европе. Его политика оказывается губительной для героев романа Дюма. Неудача постигает сына Атоса – виконта де Бражелона, умирает сам Атос, умирает и Портос, достигший многих почестей. В конце романа погибает и Д'Артаньян – в захватнической борьбе, развязанной Людовиком XIV, погибает, за несколько минут до гибели получивший звание маршала Франции.

Психологически точно раскрывает А. Дюма внутренний мир короля, жестокого и холодного, но внешне привлекательного и обаятельного. Сатирически писатель показывает и подчиненных Людовика, лицемерных и пресмыкающихся перед королем. В таких условиях героев романа, честных, бескорыстных и благородных, неминуемо ждала гибель.

Все это сказалось на тональности романа. В отличие от первых двух частей трилогии он лишен оптимистических нот. Судьбы героев трилогии приходят к печальному концу.

Так заканчивается рассказ А. Дюма о бескорыстной дружбе, любви, славных приключениях мушкетеров – Атоса, Портоса, Арамиса и Д'Артаньяна.

АРТУР КОНАН ДОЙЛ

Артур Конан Дойл и его биографы

Произведения английского писателя Артура Конан Дойла пользуются огромной популярностью во всем мире независимо от возраста читающих, будь то подросток или проживший жизнь человек. О его популярности говорили и его современники, и люди, живущие много лет после смерти писателя.

«В нашей современной популярной литературе есть герой, который несомненно пользуется всенародным признанием». – говорил известный английский критик Г.К. Честертон, сам прекрасный мастер и продолжатель детективного жанра. Характерно, что он, говоря о популярности Конан Дойла, имел в виду прежде всего его героя: «Если вы заговорите о Шерлоке Холмсе, то вас поймет любой человек из народа. Сэр Артур Конан Дойл имеет право с гордостью поднимать голову при мысли, что Шерлок Холмс единственный близкий всем герой современного романа, хотя тут же следует признаться, что Шерлок Холмс, кроме того, единственный персонаж, который нас занимает во всех разыгрывающихся при его участии историях».

Существует много мнений относительно того, в чем секрет такой небывалой популярности Шерлока Холмса, героя детективных романов Артура Конан Дойла, которому писатель прежде всего был обязан своей славой. Шерлок Холмс стал «живой легендой, унаследовав немеркнущую славу легендарного героя», – утверждает Г.К. Честертон.

В великого сыщика Шерлока Холмса стали играть и в шутку, и всерьез; о нем сочиняли множество анекдотов; организовывались многочисленные клубы его почитателей и подражателей; составлялись даже биографии и энциклопедии Шерлока Холмса; на месте его несостоявшейся гибели – на утесах Раушенбахского водопада – даже был установлен памятник Шерлоку Холмсу. «На тему Холмса» было написано множество литературных произведений, в числе которых есть и детективы (например, повесть Джона Лескроута «Сын Холмса»), и серьезные романы (к примеру, роман «Имя Розы» писателя Умберто Эко). Интересно, что эту «игру в Шерлока Холмса» (М. Тименчик) продолжил и Диксон Карр, который вместе с сыном Конан Дойла Адрианом создал сборник произведений под названием «Подвиги Шерлока Холмса». В этих произведениях авторы как бы «развернули», описали те истории, о которых великий сыщик упоминает мимоходом, вскользь.

Новаторство Холмса – в применении дедуктивного метода в сыском деле, а корифеем этого метода в чистом виде был совсем не Шерлок, а Майкрофт Холмс.

О всемирной популярности рассказов о Шерлоке Холмсе свидетельствует тот факт, что появилась целая наука – холмсология, а людей, занимающихся изучением произведений о знаменитом сыщике, называют холмсоведами.

В литературоведении признаны несколько настоящих биографов Артура Конан Дойла, и среди них авторитетное положение занимают два писателя – американец Джон Диксон Карр и англичанин Хескет Пирсон.

Джон Диксон Карр, американский писатель, родился в 1905 году, был журналистом, некоторое время жил в Англии. Его любимым жанром был детектив, первое произведение в жанре детектива носило название «Оно ходит по ночам». Дж. Д. Карр разрабатывал даже две самостоятельные серии детективных романов, объединенных одним главным героем, и публиковал их под разными псевдонимами – Карр Диксон и Картер Диксон. Своим учителем писатель считал Конан Дойла. В России опубликован и известен роман Дж. Д. Карра «Табакерка императора» и рассказы из сборника «Подвиги Шерлока Холмса». Он был членом Детективного клуба в Англии, президентом ассоциации писателей детективного жанра в Соединенных Штатах, куда вернулся в 1948 году. Диксон Карр считается специалистом по Артуру Конан Дойлу, он был личным другом генерала Адриана Конан Дойла, отца знаменитого писателя; в 1949 году Дж. Д. Карр издает ставшую широко известной книгу «Жизнь сэра Артура Конан Дойла».

Английский писатель Хескет Пирсон, английский писатель, родился в 1887 году. Закончив театральную школу, он выступал с крупнейшими английскими труппами. Х. Пирсон участвовал в Первой мировой войне в Месопотамии и Персии, был мужественным, храбрым воином, дослужился до звания капитана. После окончания войны он снова вернулся на сцену, но в 1931 году ушел из театра и стал профессиональным писателем.

Писал он главным образом биографии знаменитых людей, в частности, известны его книги о Бернарде Шоу, Ч. Диккенсе, Вальтере Скотте, об Оскаре Уайльде. В 1943 году Хескет Пирсон пишет свой знаменитый роман «Конан Дойл. Его жизнь и творчество».

Книга Х. Пирсона о А. Конан Дойле, явившаяся первой среди книг подобного жанра, вызвала резкое неудовольствие сына писателя, генерала Адриана Конан Дойла. Он считал, что книга писателя, не согласованная ни с кем из членов семьи, не дает верного портрета его отца, автора знаменитой серии произведений о Шерлоке Холмсе. Он даст «руководящие указания», как нужно писать «правильную» биографию. Такую биографию знаменитого писателя через несколько лет напишет друг Адриана, Дж. Д. Карр.

Книга о А. Конан Дойле, написанная Дж. Д. Карром, отличается документальностью, точной выверенностью любых, даже самых, казалось бы, мелких деталей из жизни великого английского писателя. В основе его описания лежит документ, факт. «В жизни Конан Дойла... Диксон Карр нашел излюбленную тему — загадку прототипа Шерлока Холмса; он как бы сам становится сыщиком и ведет расследование» (М. Тименчик).

Джон Диксон через всю свою жизнь пронес интерес и даже любовь к Конан Дойлу. В своей книге он подробно рассказывает о детских годах будущего популярного писателя, о его родителях, о годах учебы, начале трудовой деятельности в качестве врача; подробно описывает, как Артур Конан Дойл становится профессиональным писателем, рассказывает о его литературной деятельности до создания знаменитых циклов о Шерлоке Холмсе. Дж. Д. Карр очень обстоятельно рассказывает об истории создания произведений о легендарном сыщике Холмсе, о том, кто явился его прототипом; в процессе рассказа о жизни А. Конан Дойла писатель останавливается на важнейших сторонах личности знаменитого писателя — его честности, порядочности, глубочайшей любви к матери, о его искренней помощи людям, которые оказались в беде и которым он может хоть чем-то помочь.

В эпилоге Дж. Д. Карр с горечью пишет о трагическом дне 11 июля 1930 года, когда знаменитого писателя не стало, и о той любви, почтении, любви к нему, которые выявила смерть А. Конан Дойла. «Всему миру не хватало его. Где бы ни заставляла людей весть о его кончине – на родине или вдали от нее, – на них накатывалась огромная волна воспоминаний и образов. А когда стали приходить телеграммы и потребовался специальный состав, чтобы доставить цветы, – казалось, весь мир помнит его.

...Он был похоронен вблизи садового домика, и цветы, что прислали на его могилу, превратили все пространство вокруг в какой-то фантастический сад. На надгробной плите Джин (жена писателя. – М.Г.) просила вырезать лишь его имя, дату рождения и четыре слова: «STEEL TRUE, BLADE STRAIGHT» – «Верен как сталь, прям как клинок».

Книга Хескета Пирсона «Конан Дойл. Его жизнь и творчество» также содержит интересный материал, основанный на подлинных фактах. Она написана более живым и легким стилем, более легко читается. Х. Пирсон – профессиональный автор биографий – им написано около тридцати биографий великих людей. В своей книге он дает документально точное, беспристрастное описание жизни Артура Конан Дойла. Х. Пирсон подробно рассказывает своим читателям о создании Конан Дойлом знаменитых произведений о Шерлоке Холмсе – о прототипе легендарного сыщика, об источниках сюжетов рассказов о Холмсе, рассказывает о большой общественной деятельности английского писателя, о его стремлении оказать влияние на современные события. Знаменательно, что одна из глав книги Х. Пирсона носит название «Титаник». Именно таким – мощным, сильным, честным, талантливым – предстает на ее страницах Артур Конан Дойл.

Два разных автора. Две разные книги. И один центральный герой – талантливый писатель и незаурядный человек – сэр Артур Конан Дойл.

Штрихи к портрету сэра Артура Конан Дойла

С самого раннего детства Артур Конан Дойл знал, что он – потомок знатного рода и с отцовской, и с материнской стороны. Это всегда подчеркивала его мать, Мэри; она очень гордилась своей родословной и родословной мужа и стремилась воспитать в сыне гордость за своих предков; она хотела, чтобы сын жил по законам благородных предков – был мужественным, храбрым, честным и благородным человеком.

Род со стороны отца вел свое происхождение от древних норманнов и был пожалован вотчиной в Ирландии в первой половине XIV века. Артур запомнил своего деда, Джона Дойла. Его называли королем политической карикатуры. Он и внешне походил на старого герцога Веллингтона – величественный, красивый, мощный. «Стоило ему появиться верхом в парке, с ним непременно почтительно раскланивались, – пишет биограф А. Конан Дойла Дж. Д. Карр. – Лорд Джон – звали его сыновья, или даже Его превосходительство, правда, за глаза». Когда он приехал в Лондон из Ирландии, был почти нищим художником. Под псевдонимом НВ он завоевал Лондон своими блестящими карикатурами.

Мэри Фоли, мать будущего писателя, была любителем геральдики, с почтением и гордостью относилась к своим предкам. Она хранила в своем сундуке документы о своей родословной: из поколения в поколение, за шесть столетий, начиная с бракосочетания Генри Перси, шестого барона, с Элсонорой, племянницей Генриха III.

«Был у Мэри и свой кодекс поведения, внушаемый мальчику при всяком удобном случае: «Быть бесстрашным с сильными; смиренным со слабыми. Рыцарем для побой женщины, невзирая на происхождение», – пишет биограф.

А еще 15-летний Артур хорошо запомнил одну строфу из книжки «Баллады Древнего Рима», присланной ему в подарок

дядей Мишелем Конаном, известным критиком и издателем «Художественного журнала» в Париже:

Что лучше для мужчины,
Чем смерть от рук врагов
За отчие могилы,
Святылища богов?

«В этих простых строках нашел он то, что искал давно. Они как нельзя лучше отвечали тому духу, который прививала ему матушка в Эдинбурге задолго до того, как он достиг школьного возраста» (Дж. Д. Карр).

Вообще Конан Дойл с большой нежностью и почтением относился к матери, отвечая тем самым на ее горячую и беззаветную любовь к нему. Так, после окончания школы он поступил в Эдинбургский университет на медицинский факультет. Ему не очень хотелось заниматься наукой, но таково было желание матушки — «и точка!» Учась в университете, он пытался помочь своей семье, после первого года нанявшись учеником и фармацевтом к доктору из беднейшего квартала: даже если он ничего не заработает, то хотя бы избавит мать от забот по его содержанию; после второго года учебы в университете — найдя работу ассистента у доктора Хора. Артур беспокоился о матушке — именно так он стал называть ее, когда сам стал зарабатывать деньги — не «мама», не «мать», а ласково «матушка»: отец тяжело болел, и весь дом был на руках у «матушки».

Однажды, еще когда он был студентом, ему предложили отправиться на семь месяцев в должности корабельного врача к берегам Арктики охотиться на тюленей и китов. Доход, включая жалованье, должен был составить 50 фунтов. «50 фунтов! 50 фунтов для матушки!» И Артур в феврале 1880 года на борту китобойного судна «Надежда» отправляется в Арктику. «В начале сентября, получив свои деньги, которыми можно было теперь осыпать матушку, он вернулся в Эдинбург окончательно возмужавшим», — пишет биограф Конан Дойла Дж. Ж. Карр в своей книге.

Литературная деятельность Конан Дойла началась еще тогда, когда он учился в университете. Однажды просто так, чтобы проверить свои силы, он написал короткий рассказ «Тайна Сассасской долины», и его опубликовали в журнале «Чемберс». Это была весна 1879 года. Холмс был счастлив. Он тут же написал еще несколько рассказов.

Став профессиональным врачом, Конан Дойл продолжает писать. Он известен во всем мире прежде всего как автор произведений о легендарном сыщике Шерлоке Холмсе, однако Конан Дойл пробовал себя в разных жанрах. До появления первых детективных рассказов он создал такие произведения — литературоведы находят их достаточно удачными, — как трагикомедия «Жена психолога», роман с «леденящими ужаками» (Д. Карр) «Капитан «Полярной звезды», «Необычайный эксперимент в Кайнплатце». В 1886 году Конан Дойл пишет небольшую повесть «Этюд в багровых тонах», пишет достаточно быстро: начал писать в марте, а в апреле уже закончил. Эта книга, в которой впервые появляется талантливый сыщик Шерлок Холмс, положила начало всемирно известному циклу произведений писателя и сделала Артура Конан Дойла всемирно знаменитым.

Всю свою жизнь Конан Дойл, руководствуясь внутренним кодексом чести, привитым ему еще матерью, старается вмешаться в жизнь, помочь тем, кто нуждается в его помощи, каким-то образом, если это в его силах, повлиять на современные события жизни. «Например, он основал стрелковый клуб в Андершо, первый образец миниатюрных клубов-тиров для стрельбы из винтовок, значение которых стало ясно в войне 1914–1918 годов; он выступал за строительство туннеля (или туннелей) под Ла-Маншем, отсутствие которого самым жестоким образом дало себя знать в той же войне; он стал президентом ассоциации бой-скаутов в Крауборо; на протяжении десяти лет он был председателем Союза за реформу закона о разводах; два года вместе с И.Д. Морелем он работал над созданием Ассоциации в защиту Конго, выступая где только

можно с речами о жестокостях в этой стране; он написал книгу «Преступление в Конго», которая произвела такое впечатление на общественное мнение, что бельгийское правительство было вынуждено облегчить жизнь туземного населения; он всегда был готов бороться на стороне обездоленных... «Наш долг по отношению к слабым превышает любой другой долг и стоит выше любых обстоятельств», — писал Дойл в романе «Мика Кларк»...

Конан Дойл считал, что он должен как-то помочь роду людскому. «Хочется думать, — говорил он, — что ты можешь оказать небольшое практическое влияние на события твоего времени». Много раз он вмешивался в порой непростые обстоятельства, чтобы оказать помощь другим. Еще в 1900-м в родном городе Эдинбурге он выдвинул свою кандидатуру в парламент от либерально-юнионистской партии — он хотел укрепить положение правительства в его войне против буров. Но он оказался слишком честным политиком и проиграл. Позже ему не раз предлагали выставить свою кандидатуру в парламент, но он отказывался.

Артур Конан Дойл был неординарной личностью. Об этом свидетельствуют его современники, об этом в своих разных, но очень интересных книгах пишут его биографы, мастер детектива Джон Диксон Карр и мемуарист Хескет Пирсон.

«Истинный Конан Дойл». **Адриан Конан Дойл — о своем отце**

В 1943 году появилась книга американского писателя Хескета Пирсона «Конан Дойл. Его жизнь и творчество». Эта книга вызвала резкое недовольство сына Артура Конан Дойла — генерала Адриана Конан Дойла. Он написал свою книгу: «Истинный Конан Дойл», в которой описал личность своего отца, его характерные черты, то, что повлияло на формирова-

ние его как человека и как писателя, о влиянии отца на него самого.

Вот каким мы представляем себе знаменитого английского писателя Артура Конан Дойля по книге его сына.

Адриан Конан Дойл пишет о том, что Артур Конан Дойл «был хорошим отцом и замечательным товарищем», и потому он (Адриан) любил его. И еще он, будучи мальчиком, хорошо осознавал, что его отец — «великий сердцем и духом человек», в котором угадывалась «железная воля того, кто не способен ни понять, ни простить ни малейшего отклонения от единственного кодекса чести, которого он сам придерживался».

Адриан говорит об огромном, по его словам, «определяющем» влиянии на отца деда, знаменитого художника-карикатуриста Джона Дойля. Он называет его «тением», чьи анонимные карикатуры (он скрывался под загадочным псевдонимом «НВ»), появившиеся в двадцатых годах XIX века, стали настолько знамениты, что «их появление в книжных лавках или витринах издателей сопровождалось длиннющими очередями». Когда спустя тридцать лет он, наконец, объявил собственное имя, оказалось, что более 900 его рисунков уже находятся в знаменитом Бригганском музее.

Сын знаменитого английского писателя отмечает, какое большое влияние на его отца оказало воспитание в семье, которое, как пишет автор, «было основополагающим и значительным».

«Уже сама атмосфера дома дышала рыцарским духом. Руководимый матушкой, мальчик стал знатоком геральдики и почитателем древностей. Конан Дойл научился разбираться в гербах значительно раньше, — пишет Адриан Конан Дойл, — чем познакомился с латинским спряжением. Когда к нему в руки попали школьные учебники... он уже с головой ушел в хитросплетения своей родословной, со всеми младшими ветвями рода и брачными узами за шесть предшествовавших столетий, и, что самое главное, — обращает внимание читателей Адриан, — как верное

мерило земных ценностей, ему был привит незыблемый и неумолимый кодекс древнего рыцарства со всеми последствиями, которые это может иметь в становлении личности и характера юноши». Таким образом, Артур Конан Дойл вырос в семье, для которой родовая гордость имела куда большее значение, чем неудобства, определяемые ее бедным существованием, он с юного возраста был погружен в «рыцарскую науку пятнадцатого века». Основными принципами этого кодекса, который с детства впитал в себя будущий писатель и который был неотделим от его натуры, были рыцарское отношение к женщине, родовая гордость, нетерпимость к снобизму и пренебрежению в отношении с низшестоящими, готовность к самопожертвованию в отношениях с соратниками.

«Как и всякий истинный аристократ, Конан Дойл крайне пренебрежительно относился к своему возвышению, — пишет Адриан. — Он, пока матушка не уговорила его, отказывался принять рыцарский титул, пренебрег званием пэра... и лишь после его смерти мы узнали, что он был кавалером Короны Италии. Многие недоумевали, почему в своих книгах он не именовал себя сэром. Объясняется это тем, что титулы сами по себе значили для него едва ли больше, чем спортивные достижения, но ответственность и рыцарственность — качества, которые, по его мнению, должны были естественным образом наследоваться в древнем и благородном роде. Ребенком, сидя у него на коленях, я узнал, что есть три черты, характеризующие джентльмена: во-первых, покровительственное и рыцарственное отношение к женщинам, во-вторых, вежливое обращение с теми, кто стоит ниже на социальной лестнице, и в-третьих, повышенная щепетильность в финансовых делах».

Артур Конан Дойл был человеком достаточно вспыльчивым, эмоциональным, горячим. И вместе с тем, как вспоминает его сын, он обладал огромной силой воли. «...это был человек из железа, — пишет Адриан Конан Дойл, который, не дрогнув, вышел на сцену и в течение полутора часов выступал перед ауди-

торисей, собравшейся в Танбридж-уэлле, за пять минут до того получить сообщение о смерти старшего сына. И тот же человек яростно разносит в щепки трубку сына за то, что автор этих строк имел неосторожность закурить в присутствии женщины». Когда писателю было семьдесят лет, он отправился за сотни километров, чтобы проучить негодяя, который публично заявил о том, что он, Конан Дойл, воспользовался смертью старшего сына для пропаганды спиритизма.

И в то же время Артур Конан Дойл мог сделать крюк в тридцать миль, чтобы оказать услугу старой цыганке: он мог просидеть всю ночь у постели больного слуги, читая ему вслух, чтобы облегчить страдание.

Он был человеком увлеченным и увлекающимся. Конан Дойл был готов пожертвовать большую сумму денег, гораздо большую, чем позволяют его доходы, для того, чтобы поддержать идею, показавшуюся ему перспективной, о поисках сокровищ или потонувшей галереи; в последний год своей жизни, когда ему был 71 год он мог настоять на том, чтобы самому пронестись со скоростью 120 миль в час (тогда это была огромная скорость), сидя на месте механика в гоночном автомобиле.

Как пишет Адриан Конан Дойл, его отец обладал поистине феноменальной памятью. Он мог с ходу пересказать сюжет и перечислить всех основных персонажей книги, которую не держал в руках лет двадцать; «встретив какого-нибудь отставного военного и поинтересовавшись, какого он полка, Конан Дойл мог немедленно назвать пораженному собеседнику не только бригаду и дивизию, в состав которых этот полк входил, но и основные военные операции, в которых он принимал участие!... Наблюдательность его была столь острой, что... он мог, лишь взглянув на человека, определить его привычки и род занятий, теми же приемами, которыми он вооружил свое творение — Шерлока Холмса».

Адриан Конан Дойл с глубоким уважением говорит о необычайных интеллектуальных способностях отца, способно-

стях в области дедукции, чем и прославился его знаменитый герой – Шерлок Холмс. Причем это нашло отражение не только в рассказах Артура Конан Дойла, но и в жизни, на практике. «По силе дедукции, – пишет Адриан, – я не встречал ему (отцу) равных. И свое необычное умение он использовал и в обыденной жизни. Путешествуя с отцом по европейским столицам, более всего мне нравилось ходить с ним по знаменитым ресторанам и выслушивать его бесстрастные замечания о характерах, занятиях, увлечениях и других подробностях жизни посетителей, подробностях, совершенно скрытых от моего взора. Иногда нам не удавалось проверить тотчас же справедливость его догадок потому, что обсуждаемое лицо не было знакомо мистродотелю; но когда объект наших наблюдений оказывался человеком известным, точность отцовских выводов блестяще подтверждалась». Когда он сталкивался с какой-то детективной задачей, отвлекался от всего остального, сосредоточенно концентрировался и в течение небольшого времени находил решение. Так, однажды он в два дня решил загадку, над которой безрезультатно билась лондонская полиция. Исчез молодой человек, причем исчез при таких обстоятельствах, которые не оставляли у полиции ни малейшего сомнения в том, что он был убит, а тело его уничтожено. Не покидая Лондон, по тем уликам, которые были у полиции и неопровержимо доказывали, что юноша погиб, писатель обнаружил, что юноша жив и скрывается в Ливерпуле.

Влияние писателя Конан Дойла на европейскую и азиатскую криминологию было поистине удивительным. Египетские полицейские специально обучались методам работы Холмса; криминологические лаборатории в г. Лионе во Франции назывались именем Конан Дойла; когда Конан Дойл приехал в Китай, ему был оказан невиданный почет полицейским училищем.

Кристиан Конан Дойл рассказывает о том, как работал его отец, что заслуживает несомненного уважения.

«Работу над каждым новым произведением отец начинал с тщательной подготовки. К примеру, прежде чем начать «Белый отряд», он уединился на целый год в небольшом коттедже в Нью-Форесте, где единственными собеседниками ему служили шестьдесят пять работ по всем аспектам жизни XIV века. Лишь выйдя из своего добровольного затворничества, взялся он за перо. У меня хранится несколько дюжин его записных книжек и тетрадок, от корки до корки исписанных его мелким ювелирным почерком и испещренных набросками и схемами, и каждая книжка — остов того или иного произведения. Обширные исследования во всех случаях были тем фундаментом, на котором зиждилось здание его литературного мастерства и писательского воображения. Все факты были досконально проверены. Как правило, он начинал работать в своем кабинете ежедневно в 6.30 утра и после часового перерыва на послеобеденный сон вновь садился за работу до одиннадцати часов вечера, а затем отправлялся в постель с Библией... или статьей о новейших раскопках в Египте, или, бывало, со шшитыми в один увесистый том газетными репортажами о чемпионате мира по боксу среди тяжело-весов. Уже в возрасте семидесяти лет он увлекся масляной живописью».

Заканчивает свой рассказ об отце Адриан Конан Дойл несколькими высказываниями об Артуре Конан Дойле, сделанными разными — по возрасту, социальному положению, национальности — людьми.

«Из России:

«Конан Дойл был личностью сильной и обаятельной».

Проф. Ковалев, бывший царский чиновник

Из Германии:

«Воздадим ему почести, какие только человеческий ум и человеческий язык могут воздать великому человеку с его славой».

Адмирал германского флота Тюрк

«Не было и нет человека более достойного, чем Конан Дойл».

Сэр Джеймс Барри

(с. 318)

Как создавались рассказы о Шерлоке Холмсе

Первые рассказы о Шерлоке Холмсе были написаны Артуром Конан Дойлом тогда, когда он еще занимался медицинской практикой в Девоншир-Террас; именно там появились первые рассказы, в которых Шерлок Холмс завоевал всемирную славу. Один из известных биографов Конан Дойла Хескет Пирсон с уверенностью утверждает, что о Шерлоке Холмсе знает более девяносто процентов населения Англии. «Есть ли другой литературный персонаж, кроме Холмса, — спрашивает Пирсон, — целая литература о котором посвящена вопросу, где он жил? Один топограф, мистер Эрнест Шор, — продолжает Х. Пирсон, — взялся за дело с усердием, вряд ли достойным лучшего применения, и показал с помощью диаграмм и описаний, что, вероятно, резиденцией Шерлока Холмса был дом, носящий сейчас номер 109, хотя именем «Шерлок» названы конюшни, расположенные за домами напротив». Помимо этого Шерлок Холмс — единственный в мировой литературе вымышленный литературный персонаж, о котором написана биография (автором ее является Винсент Старрет). В честь Шерлока Холмса в США было создано несколько обществ, например «Нерегулярные войска Бейкер-стрит», «Клуб пестрой ленты» и др. О необычайной популярности рассказов о Шерлоке Холмсе говорит и то, что появилась целая наука — холмсология, и специалисты-исследователи, холмсоведы — люди, занимающиеся изучением произведений о знаменитом сыщике.

Мысль написать рассказы с единым общим героем пришла Артуру Конан Дойлу, уже закончившему медицинский университет и занимающемуся медицинской практикой, когда он читал ежемесячные журналы, которые тогда только начали предлагать пассажирам в поездах. Вот как об этом рассказывал сам Конан Дойл: «Я просматривал эти разные журналы с обрывками прозы и подумал, что серия рассказов с одним персонажем

не просто заинтересует читателя, а привлечет к конкретному журналу. С другой стороны, мне всегда казалось, что обычные публикации с продолжением скорее мешают, чем помогают журналу, поскольку рано или поздно читатель пропускает номер и теряет всякий дальнейший интерес. Совершенно очевидно, что идеальным компромиссом был бы постоянный герой, но в каждом номере должен быть законченный рассказ, чтобы читатель точно знал, что сможет читать весь журнал. По-моему, я первый это понял, а журнал «Стрэнд мэгэзин» первый это осуществил». Конан Дойл написал рассказ «Скандал в Богемии» и отправил его в журнал «Стрэнд мэгэзин»; издателю журнала Гринхофу Смиту рассказ понравился, он взялся его опубликовать, а автору посоветовал написать целый цикл подобных рассказов. «Дойл тогда работал окулистом, — пишет Х. Пирсон, — но, так как ни один пациент ни разу его не потревожил, он писал с десяти утра до четырех дня. «В Девоншир Террас, — говорил он, — у меня была комната для ожидания и комната для приема, причем я ждал в комнате для приема, а в комнате для ожидания не ждал никто».

Сохранившийся дневник писателя помогает представить, насколько быстро он работал. 3 апреля Конан Дойл отправил в журнал рассказ «Скандал в Богемии»; через неделю, 10 апреля, он закончил «Установление личности»; в понедельник, 20 апреля, начинающий писатель отправляет в журнал «Союз рыжих»; еще через неделю, 27 апреля, отправил «Тайну Боскомской долины». После написания пятого рассказа, «Пять зернышек апельсина». Конан Дойл понял, что трудно работать окулистом, к которому почти не приходят лечиться, тогда как можно быть писателем, рассказы которого читают все. На самом деле, начиная с первого рассказа Конан Дойла, его произведения о Шерлоке Холмсе приобрели невероятную популярность, издатели постоянно требовали от писателя все новых произведений. «С дикой радостью я решил сжечь мосты и навсегда довериться своему таланту писателя... Наконец-то я буду сам себе хозяин. Мне не придется больше одеваться согласно требованиям профессии

или пытаться кому-то поправиться. Я буду свободен жить, как я хочу и где я хочу. Редко кто в жизни испытывал такое ликование. Это было в августе 1891 года», - пишет сам Артур Конан Дойл.

Через несколько лет он будет получать за любой рассказ о Холмсе в десять раз больше, чем получил за первый. Конан Дойл становится широко известным и популярным.

Не сразу писатель подобрал имя своему ставшему легендарным герою Холмсу. Очень тщательно искал он имя своему персонажу, выбирая из возможных вариантов самый удачный. «Имя, которое кажется нам сейчас столь естественным, было не озарением, а результатом терпеливых размышлений, - пишет биограф Конан Дойла Хескет Пирсон. - Сначала ему понравилось сочетание «Шеррингфорд Холмс», затем он попробовал «Шеррингтон Хоуп», наконец в самом низу появилось «Шерлок Холмс». Над каждым «Приключением» он работал с такой же сосредоточенностью, с какой подбирал имя главного героя, сначала продумывал загадку и ее решение, затем набрасывал в общих словах план, а уж затем писал рассказ».

Кто же явился прототипом легендарного сыщика? Сам писатель говорил, что реальным прообразом Холмса явился доктор Джозеф Белл, хирург из Эдинбургской больницы, у которого Конан Дойл был амбулаторным клерком. Белл был худым, жилистым, смуглым человеком, с острым, пронизывающим взглядом, орлиным носом и высоким голосом. Белл поражал своих коллег и студентов тем, что он мгновенно определял характерные особенности пациента по отдельным деталям. Так, биограф Конан Дойла Х. Пирсон пишет: «Один диагноз Белла произвел на Дойла такое впечатление, что он помнил его всю жизнь».

- Итак, вы служили в армии.
- Да, сэр.
- Демобилизовались недавно?
- Да, сэр.
- Шотландский полк?

– Да, сэр.

– Унтер-офицер?

– Да, сэр.

– Служили на Барбадосе?

– Да, сэр.

– Видите ли, господа, – объяснил Белл студентам. – Это вежливый человек, но он не снял шляпу. В армии головной убор не снимают, но он бы привык к гражданской жизни, если бы демобилизовался давно. В нем чувствуется властность, и он явно шотландец. Что же касается Барбадоса, то он пришел по поводу элифангаза, а это – заболевание, свойственное Вест-Индии, а не Англии».

У Белла были свои методы, и в рассказах Артура Конан Дойла ими овладеет Шерлок Холмс. «Самым важным фактором любого удачного медицинского диагноза, – говорил хирург, – являются точное и внимательное наблюдение и оценка малейших деталей... Глаза и уши, которые видят и слышат, память, которая мгновенно запоминает, чтобы по первому требованию воссоздавать замеченное органами чувств, и воображение, способное сооткать теорию, или воссоединить разорванную цепь, или распутать хитросплетение сведений, – таковы требования, которые предъявляет хорошему диагносту его профессия». Работал над «Приключениями о Шерлоке Холмсе» Артур Конан Дойл очень напряженно. Он работал с завтрака до ленча и с пяти до восьми вечера, его средняя дневная норма составляла три тысячи слов. Многие идеи рассказов появлялись у него тогда, когда он гулял, или катался на велосипеде, или играл в крикет или теннис (А. Конан Дойл был замечательным спортсменом). И писатель смертельно устал и от такого режима работы, и от своего героя. В 1893 году он «убивает» Холмса, думая, что сможет отдохнуть и переключиться на другие произведения. Однако читатели не согласились с потерей своего любимого героя. Они, а также издатели забросали писателя письмами с просьбами, требованиями, даже угрозами «воскресить» своего любимого героя. Что и пришлось сделать Конан Дойлу. В октябре 1903 года в журна-

ле «Стрэнд» был напечатан рассказ «Пустой дом», положивший начало новому циклу рассказов Конан Дойла о легендарном сыщике.

Последний, шестидесятый рассказ о Шерлоке Холмсе, «Старый дом Шостокомба», был напечатан в «Стрэнде» в апреле 1927 года. «Это был прощальный поклон Дойла в роли автора лучших сказок для взрослых и создателя двух персонажей, которые доставили, наверное, больше удовольствия миллионам людей во всем мире, чем любые другие литературные герои. «Итак, читатель, мы прощаемся с Шерлоком Холмсом, — писал он. — Я благодарю тебя за твое постоянство и могу лишь надеяться, что и я дал тебе кое-что, отвлекая тебя от жизненных забот и пробуждая новые мысли, что возможно только в королевстве романтической литературы» (Хескет Пирсон).

Литература

Авенариус В.П. Отроческие годы Пушкина. Биографическая повесть. М., 1993.

Аксаков С.Т. Собрание сочинений в четырех томах, т. III. М., 1955.

Архипов В. И.А. Крылов. Поэзия народной мудрости. -- М., 1974.

Богатко И. Цена слова (О творчестве Юрия Нагибина // *Нагибин Ю.М.* Собрание сочинений. В 4-х томах. М., 1980.

Богатко И. Юрий Нагибин (Литературный портрет). М., 1980.

Боголепов П.К., Верховская Н.П. Тропа к Гоголю. Книга-справочник о жизни и творчестве Н.В. Гоголя. Под общ. ред. С.И. Машинского. М., 1976.

Бойко С. Няня Пушкина Арина Родионовна // Пушкинский альманах. М., 1999.

Буянов М. По следам А. Дюма. М., 1993.

Васильев В. Андрей Платонов. Очерк жизни и творчества. Издание 2-е, исправленное и дополненное. М., 1990.

Венок Н.В. Гоголю. Харьков, 1984.

Волшебный мир цветов / Сост. Л.Н. Рукавчук. Спб., 1997.

Гоголь Н.В. в воспоминаниях современников. М., 1952.

Гончар О. Гоголь и Украина // Венок Н.В. Гоголю. Харьков, 1984.

Джон Диксон Карр. Жизнь сэра Артура Конан Дойла // *Дж. Д. Карр.* Жизнь сэра Артур Дойла. Х. Пирсон. Конан Дойл. Его жизнь и творчество. М., 1989.

Золотницкий Н.Ф. Цветы в легендах и преданиях. Киев, 1994.

Золотусский И.П. По следам Гоголя. М., 1988.

Золотусский И.П. Поэзия прозы: Статьи о Гоголе. М., 1987.

Зошченко М. в воспоминаниях современников. М., 1981.

Иванова Т. Лермонтов на Кавказе. М., 1975.

Кирсанова В. М. Все шедевры русской живописи. М., 2001.

Ковалевская Е.А. Вступ. ст. к кн.: М.Ю. Лермонтов. Картины и рисунки поэта. Иллюстрации к его произведениям. М.-Л., 1964.

Комарова И.И., Железнова И.Л. Художники. Краткий биографический словарь. М., 2000.

Коровин В.И. Басни Ивана Крылова. В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам. М., 1997.

Кузьменко О.А. Андрей Платонов. Призвание и судьба. Очерк творчества. Киев, 1991.

Курбатов В. Виктор Астафьев. Новосибирск, 1977.

Курбатов В. Михаил Пришвин. Очерк творчества. М., 1986.

Ланщиков А.П. Виктор Астафьев. М., 1992.

Лермонтов М.Ю. Картины и рисунки поэта. Иллюстрации к его произведениям. М.-Л., 1964.

Лермонтовская энциклопедия. Гл. ред. Мануйлов В.А. М., 1981.

Лесков Н.С. Автобиографическая заметка // *Лесков Н.С.* Собрание сочинений в одиннадцати томах. Т. 11. М., 1958.

Лесков Н.С. Заметка о самом себе // *Лесков Н.С.* Собрание сочинений в одиннадцати томах. Т. 11. М., 1958.

Липеровская С. За волшебным словом. Жизнь Миханла Пришвина. М., 1964.

Литература Древней Руси. Библиографический словарь. Под ред. О.В. Творогова. М., 1996.

Литературный энциклопедический словарь. Под общей ред. В.М. Кожевникова и А.П. Николаева. М., 1987.

Лихачев Д.С. Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. М., 1975.

Лихачев Д.С. Своеобразие древнерусской литературы // *Лихачев В.Д., Лихачев Д.С.* Художественное наследие Древней Руси и современность. Л., 1971.

Магидсон С. «О, Дельвиг мой!» // Пушкинский альманах. М., 1999.

Машинский С. С.Т. Аксаков. Жизнь и творчество. М., 1961.

Миллер Д.В. Лермонтовский отряд // *Лермонтовская энциклопедия.* Гл. ред. В.А. Мануйлов. М., 1981.

Мирзоев В.Г. Былины и летописи – памятники русской исторической мысли. М., 1978.

Муза Е.В. Друзья души моей. М., 1969.

Овчинникова Л.В. Сказка в художественном мире М.М. Пришвина. М., 2000.

Осокин В. Его стихов пленительная сладость. В.А. Жуковский в Москве и Подмосковье. М., 1984.

Охотникова В.И. Житие Александра Невского // Литература Древней Руси. Биобиблиографический словарь. Под ред. О.В. Творогова. М., 1996.

Павлова Е. «Высокие чувства прекрасной души его». А.С. Пушкин в портретах // Пушкинский альманах, М., 1999.

Пахомов Н.И. Живописное наследие Лермонтова // Лермонтовская энциклопедия. Гл. ред. В.А. Мануйлов. М., 1981.

Попов О.П. Родители Лермонтова // Лермонтовская энциклопедия. Гл. ред. Мануйлов В.А. М., 1981.

Пословицы, поговорки и мудрые мысли. Составитель М. Раковский. Душанбе, 1969.

Пранцова Г.В. Формирование понятия о стиле писателя (на материале рассказов М.М. Зощенко // Русская словесность, 2001, № 2.

Прекрасен наш союз... / Сост. Н.Я. Эйдельман. М., 1979.

Пришвин и современность. М., 1978.

Пришвина В.Д. Круг жизни. Очерки о М.М. Пришвине. М., 1981.

Пропл В.Я. Русский героический эпос. М., 1999.

Русская народная поэзия. Лирическая поэзия. Составление, подготовка текста, предисловие к разделам, комментарии Ал. Горелова. Л., 1984.

Русские писатели о литературном труде (XVIII-XX вв.). Сб. в четырех томах. Под общ. ред. Б. Мейлаха. Т. 1. Л., 1954.

Русские писатели. XX век. Биобиблиографический словарь. В двух частях. Под ред. Н.П. Скатова. М., 1998.

Савенков А. Грани одаренности // Пушкинский альманах. М., 1999.

Семенов Л.П. Лермонтов на Кавказе. Пятигорск, 1939.

Словарь литературоведческих терминов. Редакторы-составители Л.И. Тимофеев и С.В. Тураев. М., 1974.

Соболев Л. О Константине Михайловиче Станюковиче // Станюкович К.М. Избранные произведения в двух томах. Т. 1. М., 1988.

Старков А.И. Михаил Зощенко: Судьба художника. М., 1990.

Степанов Н. Иван Хемницер. / И.И. Хемницер. Полное собрание стихотворений. М.-Л., 1963.

Сухих И.Н. Судьба М. Зощенко // Литература в школе, 1998, № 5.

Творогов О.В. Литература Древней Руси. М., 1981.

Терновский И.М. Хемницер и язык его басен. Воронеж, 1985.

Трескунов М. «Три мушкетера» Александра Дюма // Александр Дюма. Три мушкетера. М., 1985.

Трескунов М. Александр Дюма // А. Дюма. Собрание сочинений. В двенадцати томах. Т. 1. М., 1976.

Турков А. Высокое небо. Четыре портрета. М., 1977.

Чванов М.А. «Если не будете, как дети...» М., 1990.

Чистяков Александр. Пословица не зря молвится. Народная мудрость о нравственности и морали. М., 1998.

Шмидт С.О. Василий Андреевич Жуковский – великий педагог. М., 2000.

Энциклопедический словарь юного литературоведа. М., 1988.

Яновский Н. Виктор Астафьев. Очерк творчества. М., 1982.

Янушевич А.С. Жуковский В.А. / Русские писатели. 1800-1917: Биографический словарь. Т. 2. М., 1992.

Справочное издание

Ганженко Марина Борисовна
Доклады по литературе
6 класс

Издательство **«ЭКЗАМЕН»**

Гигиенический сертификат
№ РОСС RU.АЕ51. Н 16054 от 28.02.2012 г.

Редактор *Е.Л. Ерохина*
Корректор *Л.И. Иванова*
Дизайн обложки *Н.Р. Захаркина*
Компьютерная верстка *Л.А. Панкратова*

105066, Москва, ул. Нижняя Красносельская, д. 35, стр. 1.
www.examen.biz

E-mail: по общим вопросам: info@examen.biz;
по вопросам реализации: sale@examen.biz
тел./факс 641-00-30 (многоканальный)

Общероссийский классификатор продукции
ОК 005-93, том 2; 953005 — книги, брошюры, литература учебная

Текст отпечатан с диапозитивов
в ОАО «Владимирская книжная типография»
600000, г. Владимир, Октябрьский проспект, д. 7
Качество печати соответствует
качеству предоставленных диапозитивов

По вопросам реализации обращаться по тел.: 641-00-30
(многоканальный).